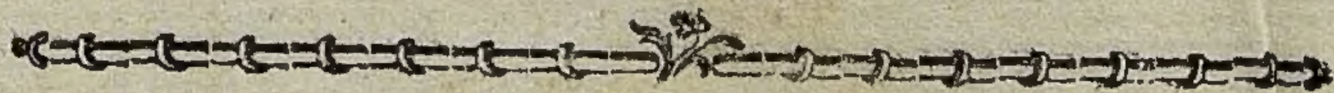
НІЕ
ВЪ
СТВѢ
НЕ

ИСТОРІЯ
О
СТРАНСТВІЯХЪ
ВООБЩЕ
ПО ВСѢМЪ КРАЯМЪ ЗЕМНАГО КРУГА,
сочиненія
ГОСПОДИНА ПРЕВО,
сокращенная
новѣйшимъ расположеніемъ
Чрезъ Господина Ла-Гарпа,
ЧЛЕНА
ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ,
содержащая въ себѣ
Достойнѣйшее примѣчанія, самое полезнѣйшее и наилучшимъ доказанное образомъ въ странахъ свѣта, до коихъ достигали Европейцы; о нравахъ оныхъ жителей, о вѣрахъ, обычаяхъ, наукахъ, художествахъ, торговлѣ и рукодѣліяхъ, съ пріобщеніемъ Землеописательныхъ чертежей и изображеній вещей любопытныхъ.

Часть IX.

На Россійской языкъ переведена 1784 года, въ Клинскомъ уѣздѣ.

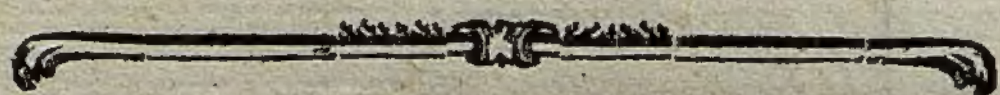
ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи, у Н. Новикова,
1784 года.

Карта
Японской Имперїи
Служащая ко всеобщей Исторїи
Путешествїй
Г: Беллиномъ Морскимъ Инженеромъ
1762
Мастабъ
Японскїя мили 2160 Саженныя
5 10 15 20 25 30 35
Французскїя мили 2853 Саженныя
5 10 15 20 25
Корейское Море
Японское Море
О. Цусима
О. Оки
О. Садо
О. Ксикоко
Ксимо
Ниппонъ
Долгота отъ Острова Ферро.

СОКРАЩЕНІЕ ИСТОРІИ О СТРАНСТВІЯХЪ ВООБЩЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

АЗІЯ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ЯПОНІЯ.

ГЛАВА I.

Странствіе Кемпфера.

Заключимъ Азіатскія странствованія описаніемъ острововъ Японскихъ, находящихся на самомъ краю Восточнаго Океана. Государство сего имени, отдаленное отъ всего прочаго остатка нами обитаемой земли, какъ въ разсужденіи окружающихъ его морей, такъ и входа въ него, возбраняема- Японія.

няемаго тамошними законами, тѣмъ еще наипаче достойно нашего любопытства.

Энгельбертъ Кемпферъ, врачь, испытатель естества, извѣстной странствiями своими по Европѣ и Азiи, родился въ Вестфалiи въ тысяча шесть сотъ пятьдесятъ первомъ году. До нынѣ разумѣютъ его лучшимъ освѣдомителемъ Европейцовъ объ Японiи. Въ тысяча шесть сотъ девяностомъ году, достигнувъ онъ сего государства на Голландскомъ флотѣ въ званiи лѣкаря, прожилъ въ немъ болѣе двухъ лѣтъ, упражняясь непрестанно во узнаванiи онаго. Католицкой монахъ Шарлюруа такъ о томъ пишетъ:

„Не можно не отдать справед„ливости Кемпферу, чтобъ записки „его не были наполнены самыхъ „любопытныхъ изысканiй о происхо„жденiи Японцевъ, о богатствахъ „ихъ отчизны, о образѣ правитель„ства, устройствѣ и благочинiи го-

„родовъ; и чтобъ не превосходно „онъ предъ всѣми другими объяснилъ „разныя системы ихъ вѣры, издавъ „въ свѣтъ хронологическія таблицы, „описанія вещей, достойнѣйшихъ при„мѣчанія, сочинивъ натуральную „исторію Японскихъ острововъ съ „довольною исправностію и надле„жащими до географіи свѣдѣніями. „Сочиненіе его можно назвать днев„никомъ странствователя любопыт„наго, искуснаго и правдиваго, хотя „нѣсколько болѣе, нежели надобно, „придерживался онъ тамошнихъ на„родныхъ преданій. Вотъ источни„ки, изъ коихъ, по собственному „его свидѣтельству, все то по„черпнуто.„

„Могу увѣрять, изъясняется онъ „въ своемъ предисловіи, что нѣкото„рое понятіе, даемое мною объ Япо„ніи, хотя можетъ быть недоста„точное и некраснорѣчивое, но са„мое есть истинное безъ всякихъ „прикрасъ. Я изобразилъ вещи точ„но такъ, какими я ихъ находилъ.

 „Правда,

„Правда, что о тайныхъ государ-
„ственныхъ дѣлахъ не могъ я доста-
„виться пространными и подробными
„свѣдѣніями. Со временъ истребле-
„нія Католицкаго тамъ закона тор-
„говые люди, Голландцы и Китай-
„цы, остаются какъ бы зараженны-
„ми нѣкоторымъ ядомъ. Затворены
„пути въ Японію всякаго рода ино-
„странной торговлѣ; природные жи-
„тели находятъ себя принужденны-
„ми съ крайнею осторожностію по-
„ступать съ терпимыми въ отчиз-
„нѣ ихъ чужестранцами. Паче всѣхъ
„другихъ народовъ имѣютъ сообще-
„ніе съ Голландцами; но обязаны тор-
„жественною присягою не заводить съ
„ними никогда и никакихъ разго-
„воровъ о дѣлахъ государственныхъ
„и надлежащихъ до вѣры. Тою же
„самою присягою, возобновляемою по-
„всягодно, взаимно должны одинъ
„за другимъ присматривать и одинъ
„на другаго быть доносителемъ. За-
„трудненія превеликія, не столько
„однако же, чтобъ преодолѣть ихъ
„было не можно. Вопервыхъ, Япон-

„ской

„ской народъ вообще мало уважаетъ
„клятвы именемъ боговъ своихъ, или
„духовъ, которыхъ одни ни за что
„ставятъ, а прочіе, да и большая
„часть, не имѣютъ объ нихъ поня-
„тія. Страхъ смертной казни есть
„одна удерживающая отъ того за-
„града. Естьли отложить въ сторо-
„ну природное Японцевъ высокомѣріе
„и склонность къ войнѣ, то они ко-
„нечно вѣжливы, учтивы, любопыт-
„ны, любятъ заниматься торговлею,
„съ иностранными обходятся просто,
„и страстно бы желали перенимать
„ихъ науки и художества, но пріѣз-
„жаютъ къ нимъ изъ Голландіи толь-
„ко купцы, почитаемые ими самыми
„подлыми людьми; а притомъ какъ
„содержатъ насъ тамъ въ самомъ
„принужденномъ состояніи, то и
„не можно чтобъ не казались мы
„имъ подозрительными. Снискивать
„ихъ дружбу нѣтъ иныхъ средствъ,
„какъ или наша щедрость, или на-
„ше благоугожденіе всему тому,
„что можетъ улещать ихъ сует-
„ность. Такъ точно сдѣлалъ я се-

 „бя

„бя сноснѣе всѣхъ другихъ Голланд-
„цовъ, бывавшихъ когда либо въ
„Японіи со временъ начавшагося го-
„ненія на Христіянъ, нашимъ пере-
„водчикамъ и инымъ чиновникамъ,
„ежедневно къ намъ приходившимъ.
„Непрестанно подслуживаясь искрен-
„ними совѣтами, даваніемъ лѣкарствъ,
„уроковъ въ астрономіи и математикѣ,
„потчиваніемъ крѣпительными
„и иными Европейскими напит-
„ками, могъ я вопрошать ихъ обо
„всемъ, что бы ни приходило мнѣ на
„мысль. Не отказывались никогда
„и ни о чемъ меня освѣдомлять, да-
„же открывались иногда, бывая на
„единѣ со мною, въ такихъ дѣлахъ,
„о которыхъ долженствовали хра-
„нить ненарушаемое молчаніе. Сіи-
„то точно частныя освѣдомленія
„особливо мнѣ послужили запастись
„къ замышленному мною сочиненію
„Японской исторіи; однако же не
„успѣлъ бы я въ томъ безъ помощи
„одного молодаго Японца, съ кото-
„рымъ по счастію спознался. Былъ
„онъ человѣкъ умной и скромной.
„Чрезъ

„Чрезъ него удалось мнѣ развѣдать
„о томъ, чего мнѣ не доставало. Отъ
„роду ему было около двадцати
„лѣтъ, зналъ совершенно языки
„Японской и Китайской, скоро послѣ
„моего прибытія отданъ былъ слу-
„жить мнѣ и учиться врачевству и
„лѣкарству подъ моимъ присмотромъ
„и моими наставленіями. Посчастли-
„вилось ему вылечить знатнѣйшаго
„вельможу того острова, гдѣ мы
„сначала находились, именемъ От-
„тона, которой и повелѣлъ ему
„быть неотлучно при мнѣ чрезъ
„всю мою тамъ бытность, продол-
„жавшуюся два года. Сей вельможа
„позволялъ также ему препровож-
„дать меня въ обѣ наши поѣздки
„ко Двору; слѣдовательно четыре-
„жды онъ проѣхалъ отъ одного
„края Японіи до другаго: милость,
„рѣдко тамъ получаемая людьми и
„не его лѣтъ. Не льзя мнѣ было ус-
„пѣть въ намѣреніи моемъ, не на-
„учивъ его по Голландски. Прилѣж-
„ность и труды мои помогли мнѣ
„въ томъ, что чрезъ одинъ только
„годъ

„ годЪ сталЪ онЪ писать и говорить
„ лучше всѣхЪ нашихЪ переводчиковЪ;
„ но чтобЪ больше его кЪ себѣ при-
„ вязать, истощалЪ я всю мою спо-
„ собность, уча его астрономіи, ана-
„ томіи и врачевству. СверьхЪ того
„ давалЪ ему немалое жалованье. ВЪ
„ награжденіе за все оное не скры-
„ валЪ онЪ отЪ меня ничего, что
„ ему ни было извѣстно о состояніи
„ его отечества, о правительствѣ,
„ о Дворѣ Государя, о господствую-
„ щей вѣрѣ, о древней исторіи; на-
„ конецЪ, ежедневно сказывалЪ мнѣ
„ о всемЪ, что бы гдѣ ни произошло;
„ какую бы гдѣ ни досталЪ книгу,
„ приносилЪ ко мнѣ, читалЪ и обЪ-
„ яснялЪ; а какЪ принужденЪ былЪ ча-
„ сто ихЪ и покупать, то не отпу-
„ скалЪ его отЪ себя никогда, не
„ давЪ ему денегЪ.„

Болѣе уже ста лѣтЪ не впускаются Европейцы вЪ Японію, кромѣ только однихЪ ГолландцовЪ. Торговое Индѣйское сего народа общество ежегодно посылаетЪ туда посоль-

вольство благодарить Японскаго Императора за его къ нему благодѣянія. Да и сими только одними случаями пользуясь странствователи, могутъ увидѣть страну свѣта, столько же неприступную естественнымъ своимъ положеніемъ, сколько строгостію ея законовъ. Кемпферъ, находясь въ Батавіи въ тысяча шесть сотъ девяностомъ году, принятъ былъ отправляющимися въ Японію послами въ званіи лѣкаря. Мая седьмаго отвалили отъ берега. Плаваніе продолжалось около четырехъ мѣсяцовъ.

Проминовавъ по правую сторону первой Японской островъ Готго, обитаемой земледѣльцами, двадцать четвертаго Сентября вошли въ славную гавань Нангазаки, окруженную превысокими горами, островами и большими надводными камнями, слѣдовательно и защищенную отъ лютостей бурь. По вершинамъ горъ учрежденныя стражи примѣчаютъ въ зрительныя трубы все, что бы ни показалось съ

моря,

моря, и тотчасЪ доносятЪ о томЪ правительству тамошняго города. Тотчас увидѣли на ГолландскомЪ кораблѣ, что плывутЪ кЪ нему двадцать гребныхЪ судовЪ. Приближились и на канатѣ притащили за двѣсти шаговЪ отЪ Голландской торговой канторы. Морской берегЪ, простирающїйся по подошвѣ горЪ, укрѣпленЪ многими круглыми бойницами; сЪ городской же стороны, также не далеко отЪ моря, на двухЪ высотахЪ караульни, обнесенныя занавѣсами, чтобЪ чужестранцы не знали, сколько тамЪ пушекЪ и войска.

Корабль поздравилЪ оба сїи мѣста двенатцатью пушечными выстрѣлами, и сталЪ на якорь вЪ трехЪ стахЪ шагахЪ отЪ города, близь острова Дезима, отведеннаго для житья ГолландскимЪ купцамЪ. Скоро за тѣмЪ присланы были правительствомЪ сЪ писменнымЪ повелѣнїемЪ два чиновника со множествомЪ своихЪ помощниковЪ, переводчиковЪ и воинства. Потребовали именной списокЪ всѣхЪ

ново-

новоприбывшихЪ на кораблѣ, начали перекличку, каждаго осматривали съ ногЪ до головы, записывали каждаго особо имя, лѣта и причины прибытія. Отобрали пять человѣкЪ, разспрашивали ихЪ порознь о всѣхЪ обстоятельствахЪ, надлежащихЪ до ихЪ странствованія, то есть: откуда, когда и гдѣ отвалили отЪ берега? Сколько времени были вЪ пути, не приставали ли вЪ какой гавани? Отвѣты ихЪ клали на бумагу. Многое вопрошали обЪ умершемЪ за день предЪ тѣмЪ корабельномЪ чиновникѣ. Тщательно осматривали его грудь и кожу на всемЪ тѣлѣ, не окажется ли гдѣ либо на ней изображеніе креста, или иной знакЪ, что онЪ былЪ Римской КатоликЪ. Того же дня позволили тѣло сіе свезти сЪ корабля на берегЪ, но далѣе итти за нимЪ не допустили, чтобЪ никто изЪ ГолландцовЪ не вѣдалЪ, гдѣ и какЪ погребется. Далѣе, на всякомЪ углу корабля разставлены были надзиратели и по нѣскольку человѣкЪ вооруженныхЪ. Можно сказать, что попался оной и

со

со всемЪ своимЪ грузомЪ какЪ бы вЪ полонЪ Японцамъ. Шлюпка и малой ботЪ оставлены для корабельныхЪ служителей только на одинЪ тотЪ день для уборки снастей и якорей. Всякое оружіе и порохЪ были отобраны. КемпферЪ признается, что естьли бы все то не было ему уже заранѣе сказано, то бы почиталЪ себя вЪ отчаянномЪ состояніи.

КакЪ только еще показались ГолландцамЪ Японскіе берега, всѣ, по давнему уже обычаю, заставлены были сносить предЪ корабельщика молитвенныя и всякія иныя духовныя книги, всѣ свои наличныя деньги; а корабельщикЪ, сдѣлавЪ вѣрную всему опись, положилЪ вЪ ветхую бочку, и спряталЪ ее до времени.

Уѣхали чиновники. Голландская торговая кантора прислала на корабль всякихЪ снѣдей и напитковЪ. Назавтрѣе прибыли ея правители и предЪ всѣми находившимися на караблѣ читали, сЪ коликимЪ уничи-

женіемъ примутся въ гавани послы торговаго общества. Бумага, на которой то было написано, по обычаю Японскому вывѣшена была для общаго свѣдѣнія.

Кемпферъ восхотѣлъ съѣхать съ корабля на островъ Дезиму, но принужденъ былъ, какъ и самой послѣдній матросъ, просить пропускнаго письма отъ начальника Японской брантвахты (*); безъ того же самаго не воленъ никто былъ возвратиться и съ берегу на корабль.

Голландской посолъ назывался Ванъ-Бутен-Геимъ. Нѣсколько мѣсяцовъ по Японскимъ обрядамъ готовился къ пути въ городъ Ѣдо, столицу Японскаго Императора.

За многія предъ симъ столѣтія, какъ раздѣлено стало государство сіе на семь обширныхъ странъ, всегда прилагаемо было стараніе объ испра-

(*) Слово флотское, значитъ судно, стоящее у берегу на стражѣ.

исправности и спокойствіи дорогъ. По рубежамъ всякой проведены большія дороги, всякая также изъ нихъ раздѣлена на многія области; проведены же и областныя дороги. Всѣ онѣ выходятъ на первую, такъ какъ малыя рѣки впадаютъ въ большую рѣку.

Большія дороги столь широкія, что толпы прохожихъ, какъ бы ни были многочисленны, встрѣтясь, одна другой не мѣшаютъ. Раздѣлены на геометрическія мили. Каждая миля, начиная отъ великаго Ѣдскаго моста, или Нипон-Ба [то есть мостъ Японской], означена двумя небольшими каланчами, одна противъ другой, съ надписьми имени области, округи и кому именно принадлежитъ земля, на которой онѣ поставлены. По дорогамъ поперечнымъ суть тоже самое показующіе знаки.

Изъ Нангазаки до Ѣдо везли Голландцовъ двумя большими дорогами и судоходными водами. Сухимъ путемъ

темъ переѣхали они въ пять дней поперегъ острова Кіюсью до города Кокура. Переправились чрезъ проливъ въ малыхъ лодкахъ и пристали у города Симоносеки, гдѣ дожидалась уже ихъ большая ладья. Гавань Симоносекская есть покойная и надежная для судовъ. Дорога отъ Нангазаки до Кокура по Японски зовется Сакаидо, или Западныхъ земель. Изъ последней гавани чрезъ восемь дней перевезли ихъ водою до Осака; но суда не доплываютъ иногда до сего мѣста, останавливаясь въ тринатцати миляхъ отъ моря при урочищѣ Фіорай. Ладья ихъ оставлена тамъ была до ихъ возвращенія. Изъ Осака сухимъ путемъ везены были великимъ островомъ Нипономъ до города Ѣдо четырнатцать дней. Дорога изъ Осака въ Ѣдо зовется Тгокаидо, морская, или береговая. Голландцы, считая провожденные ими двантцать дней въ Японской столицѣ, путешествовали до возвращенія своего опять въ Нангазакѣ около трехъ мѣсяцовъ. Путь ихъ состоялъ по

меньшей мѣрѣ въ трехъ стахъ двадцати трехъ Японскихъ миляхъ, пятьдесятъ три съ половиною отъ Нангазаки до Кокура; сто тритцать шесть отъ Кокура до Осака; сто тритцать три отъ Осака до Ѣдо; все сіе учинитъ около двухъ сотъ Нѣмецкихъ миль. Проѣхали три великіе, пятьдесятъ малыхъ городовъ, и безчисленное множество деревень и отдаленныхъ отъ оныхъ хижинъ.

Въ области Физенской видѣлъ Кемпферъ всѣхъ женщинъ такъ малорослыхъ, что всякой бы ихъ почелъ за молодыхъ дѣвченокъ, статны впрочемъ, соразмѣрны въ частяхъ тѣла и по большей части хороши лицами, которыя онѣ обычайно крася совершенно походятъ на наши куклы. Дѣвка, вышедъ замужъ, выщипываетъ у себя брови.

Чрезъ горы крайнѣ трудно переѣжжать и верьхомъ. Голландцовъ несли въ такъ называемыхъ Кангосахъ, родъ четвероугольныхъ коробовъ, откры-

крытыхъ со всѣхъ сторонъ, съ простою накрышкою, повѣшенныхъ на шестѣ: сидѣть въ нихъ весьма безпокойно. Взбираясь на гору Фіомитцъ, попадается малая того же имени деревня; жители ея есть семья одного человѣка, которой былъ еще тогда живъ. Удивило Кемпфера, что всѣ они даже до единаго были пригожи лицемъ и статны, а особливо удивило его ихъ учтивство. Въ городѣ Осакѣ отвели имъ покои, раздѣленные, по обычаю земли, стоячими щитками. Посланные ими переводчики съ дарами къ обоимъ городскимъ правителямъ просить позволенія имъ поклониться скоро возвратились съ отвѣтомъ, что Носи-Цемоно-Ками, одинъ изъ правителей, отбылъ ко Двору для донесенія о дѣлахъ своего вѣдомства; а Отакине-Тасано-Ками, второй правитель, не могъ ихъ за недосугами своими принять до завтрѣе.

Въ воскресенье, дватцать пятаго Февраля, Голландской посолъ съ

людьми своими поведенъ былъ къ правителю. Домъ его находился на самомъ краю города; окружала его четвероугольная площадь. На каждаго Голландца надѣли шелковую Японскую епанчу. Прошедъ шаговъ съ тритцать, вступили въ большую хоромину, гдѣ имѣла мѣсто свое правительская стража, встрѣчены были двумя благородными Японцами. Четыре человѣка воиновъ стояли на часахъ у лѣвой стороны дверей, а далѣе восемь чиновниковъ сидѣли на цыпкахъ. Правая сторона двери порядочно увѣшена была разнымъ оружіемъ. По срединѣ въ пріемной палатѣ принятъ былъ посолъ и его люди самымъ учтивѣйшимъ образомъ двумя секретарями правителя, и во ожиданіи сего послѣдняго съ двумя его сыновьями потчивали чаемъ. Правитель, не дошедъ до посла шаговъ за десять до дверей въ другомъ покоѣ, сѣлъ и велѣлъ отворить предъ собою двери. Начались тотчасъ разговоры о походѣ, о дальности пути, оконченнаго Голландцами, о сча-

стіи ихъ, что сподобятся увидѣть Государя, и объ отличіи, даемомъ чрезъ то имъ предъ всѣми иными народами.

Осака есть одинъ изъ пяти величайшихъ Японскихъ городовъ, построенъ по срединѣ самой плодоносной равнины, на берегу судоходной рѣки. Рѣка Ю̂до-Гава обтекаетъ Сѣверную его часть отъ Востока къ Западу и впадаетъ въ недалекое оттуда море. Ею привозятся несмѣтныя богатства къ жителямъ Осакскимъ. Вершина ея къ Сѣверо-Востоку не далѣе одного дня съ половиною пути; взялась она изъ озера, находящагося на срединѣ острова, во области Ооми. Японцы увѣряютъ, что составилось чрезъ одну ночь послѣ трясенія земли. Выходитъ она изъ него при деревнѣ Тсинатафасъ, гдѣ сдѣланъ на ней двойной и великолѣпной мостъ; двойной для того, что на семъ мѣстѣ образуетъ она двумя своими рукавами небольшей островъ. Далѣе протекаетъ въ бли-

зости городовЪ Удси и Ѣдо; по имени послѣдняго и прозывается. ПодЪ городомЪ Осакою раздѣляется на два рукава: одинЪ течетЪ чрезЪ сей городЪ, а другой прямо вЪ море. ВЪ первой рукавЪ впадаютЪ между тѣмЪ рѣки Ю̂ммашагава и Франогава. Три сіи рѣки, соединясь, орошаютЪ цѣлую треть города. ОднимЪ широкимЪ прокопомЪ часть водЪ ихЪ проведена вЪ Южной край города, которой населяютЪ самые знатные и богатые граждане. Проведены также малые прокопы по знатнѣйшимЪ улицамЪ, и потомЪ другими прокопами же возвращаются воды вЪ большей прокопЪ. Довольную имѣютЪ глубину для малыхЪ ладей, на коихЪ привозятЪ предЪ домЪ всякаго жителя разные товары и нужныя для жизни вещи. Голландцы со удивленіемЪ взирали на распорядокЪ толикаго множества прокоповЪ. Вездѣ были на нихЪ мосты, да и прекрасные. Кемпферу мечталось, что онЪ вЪ Амстердамѣ.

Городъ самъ по себѣ безмѣрно многолюденъ. По увѣренію Японцевъ можно набрать изъ жителей восемдесять тысячь войска. Положеніе выгодное для торговли водою и сухимъ путемъ, да и почитается самымъ великимъ торговымъ Японскимъ городомъ. Наполненъ зажиточными купцами, художниками и ремесленниками. Жить въ немъ дешево. Все то, чѣмъ удовлетворяется роскошь и услаждаются чувства, доставать можно за умѣренную цѣну. Японцы зовутъ городъ Осаку вмѣстилищемъ забавъ. Отвсюду съѣзжаются они со удовольствіемъ проживать излишки своихъ доходовъ. Князи и вельможи имѣютъ въ немъ домы, а на Западной онаго сторонѣ деревни, хотя и не позволяется никогда пробыть имъ въ нихъ болѣе одной ночи.

Изъ Осака выѣхавъ Голландцы дватцать осьмаго Февраля, чрезъ тринатцать дней прибыли въ городъ Меако. Представлены были предсѣдателю гражданскаго судилища и пра-

вителямъ, но съ нѣкоторымъ уничиженіемъ: не доѣхавъ за пятьдесятъ шаговъ до предсѣдателева дома, поведены были пѣши и должны были простоять нѣсколько у первой караульни его воротъ, да и не удостоилися увидѣть хозяйскаго лица, которой однако же принялъ ихъ дары чрезъ высланныхъ нарочно своихъ чиновниковъ. Правители меньше были для нихъ спѣсивы; дали себя видѣть, но также, какъ правитель Осакской, сквозь рѣшетку. Скоро послѣ того возъимѣли нужду въ иномъ родѣ терпѣнія. Когда правители перестали съ ними говорить и удалились, прошены были задержаться на нѣсколько минутъ, чтобъ могли удовольствоваться зрѣніемъ на нихъ женщины изъ семьи правителя сквозь стоячихъ щитковъ при открытыхъ дверяхъ въ другомъ покоѣ. Посолъ принужденъ былъ казать имъ свою шляпу, шпагу, часы и другія при немъ вещи, которыя онъ при себѣ имѣлъ; долженъ былъ скинуть епанчу и поворачиваться къ нимъ спиною и боками.

Голланд-

Голландцы проводили четыре дни въ Меако. Пріобщается здѣсь Кемпферовъ сего города чертежъ, снятой съ Японской карты. Инако онъ зовется Кіо, что значитъ столицу, потому что пребываетъ въ немъ Даирій, или Китайской наслѣдственной духовной Государь. Находится впрочемъ во области Ямашто, окруженъ равными мѣстами. Въ длинѣ отъ Сѣвера къ Югу имѣетъ три четверти Нѣмецкой мили, поперегъ же отъ Востока къ Западу на полмили. Красивые пригорки, коими окружается, и нѣсколько горъ, изводящихъ многія небольшія рѣчьки и ручьи, учиняютъ мѣсто сіе самаго пріятнаго положенія. На Восточной его сторонѣ, по покатости сказанныхъ горъ, множество храмовъ, монастырей и часовенъ. Три неглубокія рѣки съ сей же стороны въ него входя, соединяются на самой его срединѣ, гдѣ сдѣланъ великолѣпной мостъ въ двѣсти шаговъ шириною. Дворецъ и ко оному принадлежности Даирія въ Сѣверной части города составля-

ютЪ двенатцать улицЪ, отдѣленныхЪ отЪ города рвами и каменными стѣнами. ВЪ Западной части Меака замокЪ, построенной изЪ тесанаго камня, довольно укрѣпленной. ВЪ немЪ живетЪ свѣтской Японской Государь, пріѣзжая посѣщать Даирія. Улицы всѣ узки, но прямы и безмѣрно долги. Домы вЪ два жилья, большею частію деревянные, или мазанки сЪ прудами на кровляхЪ и всякою сбруею, нужною на случай пожара.

Меако почитается вЪ Японіи хранилищемЪ всякихЪ тамошнихЪ товаровЪ и средоточіемЪ торговли. По послѣднему изчисленію было вЪ семЪ городѣ четыре ста семдесятЪ семь тысячь пять сотЪ пятьдесятЪ шесть свѣтскихЪ и пятьдесятЪ двѣ тысячи сто шестьдесятЪ девять духовныхЪ жителей, кромѣ великаго множества придворныхЪ Даирія и чужестранцевЪ, пріѣзжающихЪ туда изЪ разныхЪ странЪ.

Не далеко отЪ деревни Каная минуютЪ славную и великую рѣку Осингава,

гава, текущую съ горѣ съ великимъ стремленіемъ и впадающую въ море въ полумилѣ ниже сего мѣста. Не ѣздятъ никогда чрезъ нее въ бродъ. Послѣ большихъ дождей отрываетъ она въ горахъ великіе камни, и снося съ собою, покрываетъ ими дно свое. Жители, зная удобныя къ переправѣ мѣста, договариваются съ проѣзжими въ цѣнѣ и перевозятъ. Естьли же кто нибудь утонетъ, то тотъ, кто его перевозилъ, по силѣ законовъ казнится смертію. Цѣна за перевозъ бываетъ выше и ниже, смотря по мѣрѣ глубины рѣки. Узнаютъ ее по столбу, врытому у берега. На сей разъ вода много упала. По пяти человѣкъ взялись переправить всякую лошадь изъ обоза Голландцовъ, двое поддерживали ее съ правой и двое съ лѣвой стороны подъ брюхо, а третій велъ за узду. Бываютъ времена, что вмѣсто пяти по шестеро держатъ лошадь съ стороны, по двое подъ брюхомъ, по четверо подъ грудью, а тринатцатой имѣетъ въ рукахъ узду.

Гора

Гора Фюшси много походитъ на гору Пику, что на островѣ Тенерифѣ. Видна далеко съ моря; Голландцамъ во всемъ ихъ путешествіи по Японіи служила маякомъ, а собственно Кемпферу немалою помощію къ сочиненію дорожной своей карты. „Можно, говоритъ сей странствователь, по справедливости ее именовать одною изъ „самыхъ знаменитѣйшихъ горъ на „земномъ кругѣ.„ Низъ ея пространное занимаетъ мѣсто; и чѣмъ она выше, тѣмъ болѣе съужается, такъ что напослѣдокъ островерьха. Покрыта снѣгомъ зимою и лѣтомъ. Отъ лѣтняго зноя таетъ его много, но съ вершинъ никогда не сходитъ. Близъ самаго тѣмя есть глубокое отверстіе, изрыгавшее прежде сего пламя и дымъ, но того уже нынѣ нѣтъ со временъ, какъ выше сего отверстія самъ собою составился нѣкакой малой холмъ. Нынѣ по плоскимъ на горѣ мѣстамъ стоитъ вода. Глыбы снѣгу, отрываемыя вѣтрами и разносимыя во всѣ стороны, подаютъ причину думать, что еще и до нынѣ

гору

гору сію объемлетъ густое облако и дымъ. Воздухъ рѣдко спокоенъ на верхнихъ частяхъ горы. Набожные Японцы всходятъ туда не прежде, какъ въ три дни, молиться богу вѣтровъ, а съѣжжаютъ, меньше нежели въ три часа, на соломянныхъ саняхъ: повозки обычайныя въ Японіи зимою по снѣгу, а лѣтомъ по песку. Яммабосы, или духовенство, живущее на горѣ, суть служители Японскому Эолу, или богу вѣтровъ. Пропускное у нихъ слово есть Фю-Тси-Ямма, которое непрестанно они произносятъ, прося милостыню. Славная гора Фютси часто и много занимаетъ Японскихъ стихотворцевъ и живописцевъ.

На одномъ краю города Тогитца большая стража, задерживающая женщинъ и вооруженныхъ людей. Тщательно обыскиваютъ всякаго путника. Тогитцъ можно назвать ключемъ къ государственной столицѣ. Никакой владѣлецъ Западныхъ странъ, ѣдучи ко Двору, не минуетъ сего мѣста. Нарочные прилѣжно осматриваютъ,

ютъ,

ютъ, нѣтъ ли между дорожными женщинъ, одѣтыхъ въ мужское платье. Не подалеку отъ сказанной стражи остановился Кемпферъ отъ удивленія предъ пятью часовнями и предъ столькими же Японскими попами, которые произносили самой отвратительной слуху вопль, ударяя по небольшимъ плоскимъ колоколамъ; но больше еще былъ удивленъ, увидѣвъ, что всѣ Японцы. находившіеся въ обозѣ Голландцовъ, начали бросать въ часовни деньги и съ великимъ почтеніемъ брать бумажные лоскутья, которые благоговѣйно относили къ близкому оттуда озеру, и привязавъ къ нимъ по камню, опускали на дно. Озеро сіе зовется Факонь. Японцы разумѣютъ его чистилищемъ душъ малыхъ ребятъ, умершихъ послѣ семи лѣтъ отъ рожденія; что въ немъ они мучатся; что получаютъ помощь отъ подаянія прохожихъ, и что доходящія до дна бумажки съ написанными на нихъ именами боговъ и святыхъ освобождаютъ ихъ отъ мукъ, какъ скоро водою смоются слова. Мѣсто

сто ихЪ мученія названо Саинокавара, означено надЪ поверьхностію озера кучею камней.

ВЪ одной изЪ сихЪ часовенЬ кажутЪ многія рѣдкости: сабли старинныхЪ витязей, разсказывая о славныхЪ ихЪ дѣлахЪ; двѣ предолгія вѣтви коральнаго дерева; необычайно великіе два единороговые рога; два камня, найденные, одинЬ вЪ коровѣ, другой вЪ оленѣ; платье изЪ такой ткани, какую носятЪ на себѣ Ангели на небесахЪ, и которой помощію могутЪ люди летать; гребень со влагалищемЪ Юритома, перваго свѣтскаго Государя Японіи; колоколЬ Кобидіаса, основателя знаменитаго тамЪ толка вѣры; письмо собственноручное Такимана.

Не далеко отЪ берега, прямо насупротивЪ селенія, именемЪ Каранда, зрится великой надводной камень пирамидою. Далѣе же кЪ Югу славной островЪ Камакура, кажется круглЪ, во окруженіи не болѣе одной мили,

покрывается превысокимЪ лѣсомЪ, на него ссылаютЪ ЯпонскихЪ вельможей за вины, и почти никогда оттуда не возвращаются; берега имѣетЪ вЪ утесЪ. Суда, прїѣзжающїя сЪ такими колодниками, или сЪ запасами для нихЪ, поднимаются на блокахЪ веревками.

ВЪ Синагаву, предмѣстїи города Ѣдо, вЪ двухЪ отЪ него миляхЪ, при первомЪ вступленїи поражается зрѣнїе лобнымЪ мѣстомЪ, наполненнымЪ головами и трупами человѣческими, частїю уже истлѣвшими. Множество собакЪ, вороновЪ и иныхЪ хищныхЪ птицЪ отвсюду собираются туда, какЪ на всегда готовую для нихЪ пищу.

Первая встрѣча, достойная столицы самовластителя! Голландцы, проѣхавЪ сею улицею около трехЪ четвертей мили, пристали кЪ гостинницѣ, изЪ коей виденЪ былЪ городЪ Ѣдо и онаго гавань, покрытая разнаго рода судами. Провѣдали, что прїятность

такого

такого зрѣлища часто завлекаетъ туда знатныхъ Японцовъ. Предмѣстіемъ Синагавскимъ оставалось проѣхать имъ только съ четверть мили до города, отъ коего оное отдѣляется караульнею. Море на семъ мѣстѣ такъ близко, что между имъ и крайнимъ рядомъ городскихъ домовъ одна только дорога. Далѣе, проѣхавъ съ полчаса времени, улица примѣтно становилась шире и единообразнѣе. По многолюдству и шуму ѣхавшихъ и шедшихъ по ней узнали, что находились уже въ городѣ. Проминовали торжище, поворотили въ улицу преширокую, разрѣзывающую безпорядочно сію столицу отъ Юга къ Сѣверу по поламъ; перебирались чрезъ многіе мосты: видѣли одинъ длиною въ сорокъ двѣ сажени, славной по тому, что служитъ точкою, отъ которой считаютъ разстоянія по всѣмъ дорогамъ въ государствѣ. Множество переулковъ выходили на большую улицу. Не могли не дивиться тьмамъ народа, непрестанно попадавшимся имъ повозкамъ и препровожденіямъ Князей

зей и вельможей, пребогатымъ убранствамъ знатныхъ женщинъ, кои безпрерывно также встрѣчались съ ними. Улица простиралась между двумя рядами купеческихъ лавокъ, въ каждой выставлены и вывѣшены были на показъ образцы товаровъ подъ черными суконными навѣсами.' Всего страннѣе имъ казалось, что противу обычая всѣхъ иныхъ на свѣтѣ городовъ никто на нихъ не глядѣлъ съ любопытствомъ. „Можетъ быть „[слова Кемпфера] были тому при„чиною малолюдство наше и невзрач„ность нашего обоза, и въ городѣ, „толико населенномъ, гдѣ пребы„ваетъ пресильной Государь; въ го„родѣ, въ которомъ глаза жителей „привыкли къ великолѣпнымъ зрѣ„лищамъ.„ Болѣе мили ѣхали большею улицею до Голландскаго постоялаго дома.

Посолъ далъ знать о пріѣздѣ своемъ вельможамъ, у коихъ въ вѣдомствѣ иностранныя дѣла. Первое повелѣніе, полученное имъ, въ томъ со-

состояло, чтобЪ онЪ и люди его заперлись вЪ своихЪ покояхЪ; тогда же прислано было сказать Бугію, чтобЪ никого кЪ нимЪ не пускалЪ изЪ ЯпонцовЪ, кромѢ тѢхЪ, которые сЪ ними прiѢхали. „Мы жили, пи-„шетЪ КемпферЪ, не на улицу, а на „задней сторонѢ дома, вЪ самомЪ „верхнемЪ жильѢ. Ежели находили „нужду насЪ держать вЪ заперти, „то стоило оное только того, чтобЪ „замкнуть извнѢ замкомЪ входЪ кЪ „намЪ узкой и тѢсной. Двои кЪ намЪ „были двери: однѢ внизу, а другiя „взошедЪ на лѢстницу; сЪ трехЪ же „прочихЪ сторонЪ были глухiя стѢ-„ны. Моя горница имѢла одно столь „малое окно, что я насилу могЪ „видѢть солнце и вЪ полдень.

„Около двухЪ недѢль долженЪ „былЪ посолЪ нашЪ ждать, чтобЪ „выслушали его вЪ первой разЪ; а „между тѢмЪ накрѢпко было зака-„зано всѢмЪ намЪ бросать изЪ оконЪ „лоскутья бумагЪ сЪ Европейскими „буквами.„

Кемпферъ однакоже такъ умѣлъ задобрить караульныхъ, что пускали его ходить по городу, которому и сочинилъ описаніе, тѣмъ паче достойное любопытства, что пріобщилъ къ нему и чертежъ, коего за исправность онъ ручается.

Изъ пяти великихъ торговыхъ городовъ столичной городъ Ѣдо почитается первымъ. Живутъ въ немъ всѣ знатнѣйшіе люди, составляющіе Дворъ Японскаго Государя; а число жителей есть почти несмѣтно. Находится, по наблюденіямъ Кемпфера, подъ тритцать пятою съ половиною степенью Сѣверной ширины. Отъ Японцовъ онъ слышалъ, что содержитъ въ протяженіи своемъ семь, въ поперечникѣ пять, и двадцать миль во окруженіи. Не обведенъ стѣнами, а многими только рвами и высокимъ землянымъ валомъ, по которому насажены деревья; врата его нарочито укрѣплены. Большая рѣка, взявшаяся отъ Западной стороны, имъ протекая, впадаетъ въ

мор-

морскую гавань; одинъ же изъ ея рукавовъ обходитъ около замка и въ ту же впадаетъ гавань пятью устьями. На каждомъ великолѣпной мостъ.

Построенъ меньше порядочно, нежели прочіе Японскіе города; да и достигнулъ время отъ времени до того своего величія, коему нынѣ удивляются. Однако же по многимъ его частямъ есть улицы, перерѣзываемыя одна другою прямоугольно. Тѣмъ долженъ онъ часто случающимся пожарамъ, обращающимъ въ пепелъ по множеству вдругъ домовъ. Новыя послѣ того улицы проводили соотвѣтственно мѣстамъ каждаго жителя. Но вообще домы, такъ какъ и въ иныхъ Японскихъ городахъ, малы и низки; большею частію изъ сосноваго лѣса, тонко снаружи обмазанные глиною. Внутренности раздѣлены, подобно домамъ города Меако, стоячими бумажными щитками; стѣны обклеиваютъ бумагою же цвѣтною; полы устилаютъ рогожами; кровли кроютъ бревенчатымъ

 пла-

пластинникомъ; а посему и неудивительно, что столь усиливаются тамъ пожары. На кровлѣ, или у низу всякаго дома ставятъ съ водою чанъ и кладутъ пожарную сбрую, что и помогаетъ при появленіи гдѣ либо огня; но становится безполезно, когда возметъ силу. Японцы въ такомъ случаѣ не знаютъ иныхъ способовъ, какъ только ломать не загорѣвшіяся еще ближнія строенія. Есть пожарные служители, денно и ночно ходящіе дозоромъ, въ темномъ кожаномъ платьѣ для безвреднаго приближенія къ огню, съ желѣзными въ рукахъ крючьями.

Городъ Ѣдо, подобно многимъ Европейскимъ городамъ, полонъ духовенства. Множество въ немъ монастырей и молитвенныхъ храмовъ на самыхъ лучшихъ мѣстахъ. Домы у вельможей огромные, отдѣленные отъ службъ, къ нимъ принадлежащихъ, пространными дворами; различно украшаютъ входныя двери и внутреннія въ нихъ крыльца. Но и сіи домы въ одно

толь-

только жилье, со множествомъ пребогато убранныхъ комнатъ. Не выводятъ на кровляхъ башенъ; не дѣлаютъ и никакихъ иныхъ внѣшнихъ различенiй отъ домовъ простыхъ гражданъ, какiе имѣютъ Князи и люди первой знатности въ наслѣдственныхъ своихъ вотчинахъ.

Столицу сiю можно именовать вмѣстилищемъ художниковъ, купцовъ, и ремесленниковъ; сiе однако же не помогаетъ тому, чтобъ все не продавалось дороже иныхъ Японскихъ городовъ, по причинѣ почти безчисленнаго отвсюду народнаго стеченiя, тамошняго множества праздныхъ людей, духовенства и придворныхъ, и трудностей въ подвозѣ съѣстныхъ запасовъ.

Замокъ, или Дворецъ, находится почти на самой срединѣ города; наружность его разположена безпорядочно. Во окруженiи своемъ имѣетъ пять миль, состоитъ въ двухъ обнесенныхъ стѣнами мѣстахъ, кото-

рыя можно почесть двумя внѣшними замками; третій замокъ по срединѣ и есть жилище Государя; примыкаютъ къ нему еще два малые, но довольно укрѣпленные. Великіе сады за внутренними Императорскими чертогами. Каждой изъ сказанныхъ замковъ окруженъ каменною стѣною и рвомъ. Первой занимаетъ обширное мѣсто, объемлющее второй замокъ и часть Императорова жилища. Столько на немъ улицъ, рвовъ и прокоповъ, что Кемпферъ не могъ точно удержать числа ихъ въ мысляхъ своихъ для положенія на бумагу; положилъ однако же, сколько послужила ему память, на сочиненномъ имъ валовомъ чертежѣ всего города.

Во внѣшнемъ замкѣ, какъ уже сказано, живетъ Императоръ съ своимъ семействомъ. Второй не столь великъ, обращенъ лицемъ къ третьему замку. Раздѣляютъ его съ первымъ и симъ стѣны, рвы, подъемные мосты и врата съ претолстыми каменными вереями; но стража числомъ

сломъ воинства больше, нежели въ первомъ. Въ немъ особые и огромные домы самыхъ знатнѣйшихъ Князей, главныхъ государственныхъ чиновниковъ и всѣхъ ближнихъ Государевыхъ вельможей. Свойственно Дворецъ, или жилище самаго Государя, построенъ на возвышенномъ предъ двумя другими мѣстѣ. Окружаетъ его претолстая изъ бѣлаго камня стѣна съ бойницами по угламъ, похожими на Европейскія. На земляной по внутренному боку стѣны насыпи, долгія зданія и каланчи во многія жилья. Дворецъ самъ по себѣ ни съ чемъ на свѣтѣ несравненно строенъ прочно: камни, изъ коихъ составленъ, величины невѣроятной, взваленные, такъ сказать, одинъ на другой безъ смазски и безъ желѣзныхъ смычекъ, чтобъ при случающихся тамъ нерѣдко землетрясеніяхъ устояли камни. По срединѣ башня четвероугольная выше всего зданія, во многія жилья съ особыми кровлями. Всевозможное употреблено было стараніе ко украшенію сихъ кровель: поражаютъ онѣ

зрѣніе

зрѣніе своимъ великолѣпіемъ и придаютъ видъ величественной всему замку. Множество различно выгнувшихся кровель, и на иныхъ зданіяхъ, съ позлащенными на верьхахъ изображеніями крылатыхъ змѣй и орловъ, тоже производитъ дѣйствіе въ глазахъ. Второй замокъ мало убранъ извнѣ, но окруженъ, также какъ и первой, широкими и глубокими рвами, стѣнами превысокими; однѣ имѣютъ врата и мостъ, по коему ходятъ въ третій замокъ.

Въ первомъ и второмъ замкахъ воспитываютъ Императоровыхъ дѣтей. Оба въ одно жилье, но довольно высоки; въ третьемъ много долгихъ комнатъ и большихъ палатъ, могущихъ быть дѣлимыми на части стоячими щитками. Всякая имѣетъ свое имя. Въ палатѣ, называемой тысячи ковровъ, бываютъ торжественныя собранія. Императоръ пріемлетъ въ ней знаки покорности и дары отъ Князей, помѣстныхъ владѣльцовъ своего государства; допускаетъ къ себѣ по-

пословЪ отЪ иностранныхЪ Государей. Есть еще и другія допускныя палаты. Убранства вЪ нихЪ не имѣютЪ никакого недостатка во вкусѣ ЯпонскомЪ. Потолоки, матицы и столбы вЪ нихЪ изЪ древесЪ кедровыхЪ, кампфарныхЪ и эсеріевыхЪ, коихЪ жилки отЪ природы представляютЪ зрѣнію цвѣты и иныя тому подобныя изображенія. Немало и такихЪ комнатЪ, которыя покрыты только простымЪ лакомЪ, а другія украшены рѣзьбою. Изображенія, выдавшіяся по большей части, суть или птицы, или вѣтви древесЪ; все же то вызолочено сЪ особливымЪ искусствомЪ. Полы устланы бѣлыми рогожами, обложенными по краямЪ золотыми позументами, или бахрамами. ВпрочемЪ почти нѣтЪ разности между чертогами Государя сЪ Княжескими чертогами. Казну перваго хранятЪ вЪ зданіи, имѣющемЪ двойныя двери: однѣ мѣдныя, другія желѣзныя, изЪ предосторожности отЪ пожаровЪ; изЪ предосторожности же отЪ грома есть подземное убѣжище. ВЪ потолокахЪ

его

его вдѣланы великіе водоемы. При наступленіи грозы, ИмператорЪ вЪ него сходитЪ. Японцы вѣрятЪ, что молнія не можетЪ проникнуть сквозь такой потолокЪ. КемпферЪ не видалЪ сихЪ водоемовЪ, а знаетЪ обЪ нихЪ только по слуху.

НапослѣдокЪ сказано было Голландскому послу, чтобЪ готовился онЪ Марта кЪ двадцать девятому, или послѣднему дню втораго Японскаго мѣсяца, предстать предЪ Государя. КемпферЪ пишетЪ, что ждать бы имЪ еще того долго, ежели бы Макино-Бинго, любимецЪ Императора, долженствуя принять и угостить его у себя вЪ домѣ, не восхотѣлЪ скорѣе сжить сЪ рукЪ ГолландцовЪ. Макино-Бинго былЪ его дядькою, и умѣлЪ удерживаться вЪ самой великой его милости. Пріуготовленія кЪ сему допуску не приносили чести послу. Велѣно ему ранѣе поутру притти ко Дворцу и дожидаться вЪ Дворцовой караульнѣ, пока его не кликнутЪ. Опишем сей допускЪ словами Кемпфера:

„ВЪ

„ВЪ четверьгЪ, Марта двашцать „девяшаго, понесены были во Дво- „рецЪ дары наши Его Величеству и „положены на деревянные столы вЪ „палатѣ тысячи ковровЪ. Скоро от- „правились и мы вЪ маломЪ числѣ „людей, надѣвЪ черныя шелковыя „епанчи. Препровождали насЪ трое „ИмператоровыхЪ дворецкихЪ, пра- „вишели города Нангазаки, секре- „шарь БугіевЪ, двое НангазакскихЪ „нарочно присланныхЪ; насЪ было „трое ГолландцовЪ и переводчиской „сынЪ. Ѣхали верьхами одинЪ за дру- „гимЪ, а прочіе шли пѣши. Каж- „дую лошадь велЪ одинЪ ЯпонецЪ сЪ „правой стороны за узду, сЪ правой „же стороны шамЪ садятся и схо- „дятЪ сЪ лошадей. Прежде сего зем- „ляки наши вЪ подобномЪ случаѣ „бирали по два вожатыхЪ; но мы, „во уменьшеніе расходовЪ, взяли „только по одному. ПосолЪ, или ко- „рабельщикЪ, какЪ называютЪ Япон- „цы, несенЪ былЪ вЪ НоримонѢ. За „нимЪ несли вЪ Канго давняго Гол- „ландскаго переводчика. Служители

„наши

„наши замыкали шествіе. ЧрезЪ пол-
„часа приближились ко Дворцу. На
„первой ДворЪ вошли большимЪ мо-
„стомЪ сЪ перилами, надЪ коими
„утверждены были мѣдные шары.
„Рѣка, на которой сей мостЪ, ши-
„рокая, течетЪ отЪ Сѣверной сто-
„роны вокругЪ Дворца. Множество
„видно на ней было плотовЪ и ла-
„дей. На концѣ моста двои укрѣп-
„ленныя врата, а между ими нѣсколько
„караульнаго воинства. За вторыми
„вратами великая площадь и стража
„сЪ большимЪ числомЪ воинскихЪ лю-
„дей. Палата, гдѣ хранилось оружіе,
„обита была сукномЪ, копья при вхо-
„дѣ вЪ нее прислонены были кЪ стѣ-
„намЪ, а далѣе обвѣшена вызолочен-
„нымЪ оружіемЪ разныхЪ родовЪ,
„воронеными пищалями, щитами и
„колчанами со стрѣлами. Воинство
„сидѣло на полу, поджавЪ ноги, вЪ
„черныхЪ шелковыхЪ одеждахЪ, у
„всякаго висѣла на поясу сабля. Про-
„шли мы чрезЪ все первое стѣнами
„обнесенное мѣсто, между жилища-
„ми Князей и вельможей, наполняю-

„щихЪ

„щихЪ онаго внутренность. Прошли „такое же и другое, разнилось сЪ „первымЪ тѣмЪ, что огромнѣе были „врата и домы. ТутЪ принудили „насЪ оставить наши НоримонЪ, „Канго, лошадей и служителей. Повели насЪ длиннымЪ каменнымЪ мо-„стомЪ кЪ Фонматцу, или внутрен-„нимЪ чертогамЪ Государя. За мо-„стомЪ надлежало намЪ перейти „чрезЪ двойную бойницу, у которой „были двои укрѣпленныя врата. Си-„ми вратами вошли мы на улицу из-„лучинами. По обѣимЪ сторонамЪ ея „зрились превысокія каменныя стѣны. „Достигли до ФіакнинбанЪ, или до „большей Дворцовой стражи, которая „находится на концѣ сказанной ули-„цы, при послѣднихЪ вратахЪ, ве-„дущихЪ во внутренность Дворца. „Приказано намЪ войти вЪ карауль-„ню и ждать, доколѣ не соберется „вЪ засѣданіе великой государствен-„ной совѣтЪ. ГлавныхЪ начальниковЪ „надЪ сею стражею было двое. Обо-„шлись сЪ нами учтиво, потчивали „чаемЪ и курительнымЪ тобакомЪ.

 „Скоро

„Скоро набралось къ намъ нѣсколько
„придворныхъ для занятія времени
„нашего своимъ сотоварищесшвомъ.

„Съ часъ времени пробыли мы въ
„караульнѣ. Видѣли, какъ сбирались
„члены совѣта: одни шли пѣшкомъ,
„другіе несены были въ Норимонахъ.
„Напослѣдокъ повели и насъ чрезъ
„двои преукрашенныя врата и вели-
„кую четвероугольную площадь во
„Дворецъ. На всемъ промежуткѣ ме-
„жду вторыхъ вратъ и передней стѣ-
„ны была тѣснота отъ придворныхъ
„и караульнаго воинства. Всходятъ во
„Дворецъ двумя крыльцами въ вели-
„кую палату на правой рукѣ, въ
„коей дожидаются знатные вельмо-
„жи допуска своего предъ Государя.
„Палата обширная и превысокая въ
„жильѣ, но темная послѣ того, какъ
„разставятся по ней стоячіе щит-
„ки. Имѣетъ одно только окно
„вверьху примыкающей къ ней дру-
„гой палаты. Можно сказать, что
„убрана самою богатою рукою на
„вкусъ земли: смѣсь вызолоченныхъ

„стол-

„столбовъ между щитками составляютъ пріятное зрѣлище.

„Долго еще мы ждали. Вышелъ Императоръ въ допускную палату и сѣлъ на своемъ мѣстѣ. Трое чиновниковъ повели предъ него нашего посла, а мы оставлены тамъ, гдѣ были. Вступивъ въ двери, закричали: Голанда - Капитанъ; то былъ знакъ, чтобъ онъ упалъ предъ Государемъ и оказывалъ установленные знаки уничиженія. Посолъ нашъ долженъ былъ ползти на карачкахъ до назначеннаго ему мѣста. По обѣимъ у него сторонамъ лежали его дары. Приближась такимъ образомъ къ Государю, сталъ на колѣни, ударилъ ему челомъ и поползъ назадъ на четвереньках же, какъ ползаютъ раки, не сказавъ ни одного слова; да и окончился тѣмъ нашъ допускъ. Ко утѣшенію нашему провѣдали мы, что не лучше поступаетъ онъ съ послами самыхъ знатнѣйшихъ владѣльцовъ въ своей Имперіи: также кличутъ ихъ

„ велегласно; также ползаютЪ они и „ туда и сюда; также становятся „ на колѣни и бьютЪ лбами обЪ „ полЪ.„

ПріемЪ правда что не пріятной, но не всякой ли Государь воленЪ вЪ своей землѣ? Не имѣетЪ ли права обходиться, какЪ хочетЪ, сЪ пріѣжжающими кЪ нему отЪ дальнѣйшаго края круга земнаго выдерживать описанное уничиженіе, и коихЪ не страшится онЪ мщенія? ОбрядЪ самЪ по себѣ никогда и ничего не значилЪ, естьли онЪ одинаковЪ для всѣхЪ. Лизать землю, или полЪ, предЪ Азіатскими самовластителями, есть родЪ должнаго предЪ ними учтивства, такЪ точно, какЪ у насЪ преклоненіе головы. Вѣрю, что многіе неохотно согласятся на подобныя вѣжливости; но Голландцы конечно отвѣчать будутЪ: „Мы ищемЪ нажить „ деньги, для коихЪ мы все снесемЪ.„

Прежде сего послы изЪ Голландіи раздѣлывались однимЪ засвидѣтельство-

ствованіемъ своего подвластія Японскому Государю; чрезъ нѣсколько дней читали имъ нѣкоторыя тамошнія установленія, по которымъ обѣщавали они поступать; потомъ отсылали ихъ въ Нангазаки. Но за двадцать лѣтъ предъ бытностію Кемпфера, какъ послы, такъ и другіе съ ними Голландцы, пріѣжжающіе въ городъ Ѣдо, вводятся во внутренніе покои Дворца, чтобъ могли изъ любопытства видѣть ихъ Императрица, дочери и свойственницы ея и знатнѣйшія придворныя женщины. Бываетъ для того второй допускъ: Государя со сказанными особами не видятъ послы за щитками и рѣшетками, которыя ихъ закрываютъ отъ нихъ; но члены государственнаго совѣта и прочіе придворные чиновники сидятъ предъ ними. Кемпферъ такъ описываетъ странное сіе игрище:

„Скоро послѣ ползанія нашего „посла Императоръ удалился въ свои „покои, куда и насъ позвали. Чрезъ „немалой рядъ комнатъ дошли мы

„до одной длинной и раззолоченной.
„Задержаны были тамъ съ четверть
„часа; поведены опять многими по-
„добными послѣдней; увидѣли себя
„въ превеликой палатѣ. Тамъ насъ
„посадили. Толпа обритыхъ людей,
„которые были Дворцовые врачи, по-
„варенныхъ чиновниковъ и духовен-
„ства подступили къ намъ съ вопро-
„сами, какъ всякаго изъ насъ зовутъ,
„сколько кому отъ роду лѣтъ. Но
„скоро начали ставить предъ нами
„щитки и избавились мы отъ скуки
„отвѣчать каждому порознь.

„Еще поведены мы были длин-
„ными и темными проходами по-
„среди непрерывнаго двойнаго ряда
„Императорскаго опричнаго воинства.
„Предъ самымъ же жилищемъ сего
„Государя начались такіе же два ря-
„да знатнѣйшихъ чиновниковъ, кои
„стояли прямо насупротивъ той
„палаты, въ которой мы были ожи-
„даемы. Чиновники сіи были въ на-
„рядныхъ своихъ одеждахъ, сидѣли
„на цыпкахъ съ наклоненными голо-
„вами.

,,вами. Палата имѣла въ себѣ особыя, можно назвать, чуланы по ,,стѣнамъ, обращенные на средину: ,,одни открытые, а другіе съ щитками и рѣшетками. На полахъ въ ,,однихъ по пятнатцати, а въ других по осьмнатцати ковровъ, (*) ,,коверъ ковра выше, смотря по степени тѣхъ, кои на нихъ сидѣть ,,будутъ. Полъ средины палаты не ,,былъ ничѣмъ устланъ и ниже всѣхъ ,,чуланныхъ половъ; на немъ насъ ,,посадили. Императоръ съ супругою ,,своею сѣлъ за рѣшеткою на правой ,,сторонѣ. Дважды я могъ разглядѣть лице Императрицы сквозь рѣшетку: показалась мнѣ прекрасною, ,,была она лѣтъ около тритцати ,,шести, нѣсколько смугла, имѣла ,,глаза черные, полные живости, по ,,головѣ ея, которая была довольно ,,велика, сужу, что должно ей быть ,,высокаго роста. Рѣшетками я называю родъ претонкихъ тканей изъ

(*) Въ подлинникѣ стоитъ рогожъ, но приличнѣе показалось мнѣ сей родъ Китайскихъ тканей называть коврами ради ихъ чистоты и доброты.

„разщепаннаго тростника, накры-
„тыхъ другою тканью прозрачною
„шелковою, съ отверстіями по мѣс-
„тамъ, широкими въ человѣческую
„руку, сквозь которыя все можно
„видѣть внѣ чулановъ. Рисуютъ на
„нихъ разныя изображенія, чтобъ
„лучше были невидимы находящіе-
„ся за ними; но не легко и безъ
„того видѣть ихъ не въ самой бли-
„зости, паче же когда палата не
„довольно освѣщена.

„Самъ Императоръ сидѣлъ въ та-
„комъ темномъ мѣстѣ, что конеч-
„но мы бы его не примѣтили, есть-
„ли бы по голосу его не догадывались,
„что то надобно быть ему; гово-
„рилъ онъ тихо, можетъ быть же-
„лая, чтобъ его не узнали. Дочери его
„и свойственницы были прямо про-
„тиву насъ и также за рѣшетками.
„Стали втыкать въ вышесказанныя
„отверстія трубы изъ бумаги, тѣмъ
„ихъ разширяя, чтобъ больше было
„сквозь нихъ видно. Счелъ я трит-
„цать такихъ трубъ, а изъ того

„за-

„заключилъ, что и смотрельщицъ было столько же. Макино - Бинго сидѣлъ одинъ на коврѣ выше другихъ подлѣ Императора внѣ его чулана; по лѣвую его сторону сидѣли также незакрытыми отъ насъ члены государственнаго совѣта первой и второй степени. За нами были ряды придворныхъ знатныхъ людей. На переходахъ, примыкающихся къ чулану, гдѣ сидѣлъ Императоръ, находились малолѣтныя дѣти Князей, благородные Дворцовые отроки и нѣсколько изъ духовныхъ. Послѣднiе закрывались, чтобъ мы не могли ихъ примѣтить. Вотъ каково было расположенiе зрѣлища, на которомъ долженствовали мы представлять дѣйствующiя лица.

„Старшiй нашъ переводчикъ посаженъ былъ между нами и Императоромъ, чтобъ слышнѣе ему было, что мы станемъ отвѣчать. Поползли мы на четвереньках одинъ за другимъ предъ Императоровъ чуланъ, стали на колѣни и поклони-

„лись въ землю. Бинго сказалъ намъ:
„.... Великому Государю пріятно ва-
„ше прибытіе.

„Мы отвѣчали чрезъ переводчи-
„ка:..... Всенижайше благодаримъ за
„оказанную намъ милость Его Вели-
„чества, что пожаловалъ насъ сво-
„бодою производить торговлю.

„Переводчикъ, пересказавъ наши
„слова голосомъ громкимъ, поклонился
„Императору въ землю. Но слова, из-
„ходившія изъ его устъ, пересказы-
„валъ намъ не переводчикъ, а Бинго.

„Тѣмъ кончился нашъ допускъ;
„что же за нимъ послѣдовало, можно
„по всей справедливости именовать
„игрищемъ.

„Сначала должны мы были отвѣ-
„чать на тьму смѣшныхъ вопросовъ:
„сколько которому изъ насъ отъ ро-
„ду лѣтъ, какъ кого зовутъ. Каж-
„дой порознь заставленъ былъ пи-
„сать на бумагѣ изъ Европейскихъ
„чернильницъ, взятыхъ нами съ собою
„наро-

„нарочно. Написанное и чернильницы подали мы Бингу, а онъ подалъ Императору въ отверстіе его „рѣшетки. За симъ: . . . . . Какъ „далеко Голландія отъ Батавіи, а „Батавія отъ Японіи? Кто могущественнѣе, Голландское ли торговое общество, или владѣлецъ Голландской?

„Меня особливо вопрошали: . . . . „Какія болѣзни, внѣшнія и внутреннія, всѣхъ опаснѣе и труднѣе ко „излеченію? Что я даю больнымъ „отъ внѣшнихъ и внутреннихъ чирьевъ? Не ищутъ ли Европейскіе врачи способовъ сдѣлать человѣковъ „безсмертными, въ чемъ врачи Японскіе трудятся многія уже столѣтія? Имѣютъ ли уже въ томъ какой либо успѣхъ? Какое есть лучшее Европейское лѣкарство, продолжающее жизнь?

На послѣдній вопросъ были мои слова: . . . . . . Наши врачи изобрѣли „способъ составлять острую жидкость, могущую удерживать въ тѣ-

„лѣ

„лѣ человѣческомъ движеніе соковъ
„и придавать силу жизненнымъ ду-
„хамъ.

„Отвѣтъ мой показался невня-
„тенъ. Убѣждали меня сказать, какъ
„называется превосходное сіе лѣкар-
„ство. Вѣдалъ я, что нравятся Япон-
„цамъ высокопарныя слова, то и на-
„звалъ я лѣкарство мое: . . . . Лету-
„чая и масляная соль Сильвіева. На-
„чали тотчасъ записывать сіи слова
„во внутренностяхъ чулановъ. При-
„нужденъ я былъ многажды ихъ по-
„вторять . . . . . Кто выдумалъ это
„лѣкарство, и изъ какого онъ наро-
„да? . . . . . Ученой человѣкъ Силь-
„віусъ, родомъ Голландецъ . . . . . Мо-
„жешь ли и ты такое же составить?

„Посолъ нашъ шепнулъ мнѣ, чтобъ
„я сказалъ не могу; но я, его не по-
„слушавшись, отвѣтствовалъ: . . . .
„Могу, только не въ Японіи . . . . .
„Такъ въ Батавіи? . . . . Тамъ мо-
„жно . . . . . Государь повелѣваетъ
„тебѣ прислать сего лѣкарства съ
„первыми кораблями въ Японію.

„Импе-

„Императоръ, сидѣвшій до сего „времени одаль отъ рѣшетки, подви- „нулся, сколько было можно, къ намъ „ближе, приказывалъ намъ то снять съ „себя епанчи, то вставать на ноги, „ходить, останавляться, между со- „бою привѣтствоваться, прыгать, „дѣлаться пьяными, выговаривать „Японскія слова, читать по Голланд- „ски, рисовать, пѣть, плясать, на- „дѣвать и скидывать епанчи; и мы „все то дѣлали. Когда дошла до ме- „ня очередь плясать, запѣлъ я лю- „бовную пѣсню на Нѣмецкомъ язы- „кѣ. Такими-то шалберствами имѣ- „ли мы терпѣніе веселить Государя „и весь его Дворъ.

„Одинъ посолъ отъ того былъ „уволенъ. Осанистой его видъ и по- „ступь его величавая довольно по- „казывали Японцамъ, что не нрави- „лися ему шутовскія повелѣнія ихъ „Государя.

„Кончилось игрище, поставили „предъ всякаго изъ насъ обѣдъ на

„не-

„небольшихЪ столикахЪ. Малыя па-
„лочки изЪ слоновой кости служили
„намЪ вмѣсто вилокЪ и ножей. Ког-
„да мы отобѣдали, то двое при-
„дворныхЪ чиновниковЪ проводили
„насЪ до первой во Дворцѣ перед-
„ней, гдѣ мы сЪ ними и распроща-
„лись.„

ВЪ послѣдовавшіе за тѣмЪ дни посолЪ ѣздилЪ посѣщать государственныхЪ дѣловыхЪ людей и знатнѣйшихЪ членовЪ совѣта. Вездѣ его встрѣчали подчиненные ихЪ и секретари, потчивали чаемЪ, курительнымЪ тобакомЪ и закусками. Комнаты, вЪ коихЪ принимали его вельможи; за щитками и рѣшетками своими, наполнены были множествомЪ людей, чтобЪ увидѣть имЪ вышеупомянутыя шутки ГолландцовЪ; но не всякой разЪ дѣлано было имЪ сіе удовольствіе. Плясали и пѣли только тамЪ, гдѣ были довольны хозяиномЪ. Поили ихЪ иногда и до пьяна. Видѣть себя игралищемЪ ЯпонскихЪ вельможей, на силу про-

продираться на улицахъ сквозь толпы народа, странное посольство! Голландцы, примѣтивъ наконецъ, что мало стали ими дорожить, начали оказывать нетерпѣніе скорѣе выѣхать.

Обѣдая званые у одного вельможи, именемъ Тсюсимано-Ками, видѣли на столѣ его слѣдующія блюды: рыба въ преизрядномъ изварѣ, вареныя устерсы въ раковинахъ съ уксусомъ, жареные гуси, изрѣзанные ломтями, рыба студенная, вареныя яицы. Напитки всѣ были очень вкусные. Вставъ изъ за-обѣда, просили ихъ, чтобъ дали посмотрѣть свои шляпы, курительныя трубки и часы. Принесены были двѣ географическія карты: на одной не означено было именъ мѣстамъ, начерчена была нарочито, была снята, какъ казалось, съ карты Европейской. Другая изображала весь свѣтъ продолговатокруглымъ: имена мѣстъ написаны были Каттаканами, или Японскими знаками. Кемпферъ не пропустилъ случая замѣтить, какъ Японцы полагаютъ на картахъ своихъ

ихъ земли къ Сѣверу отъ ихъ островъ. За ними прямо противъ двухъ Сѣверныхъ узкихъ перешейковъ кряжа увидѣлъ островъ Ѣсогариму, за которымъ матерйкъ, пространствомъ вдвое болѣе Китая, раздѣленной на области, коихъ часть находилась выше полярнаго круга и простиралась къ Востоку гораздо далѣе Восточныхъ же Японскихъ береговъ. Кемпферъ впрочемъ усмотрѣлъ на ней превеликой морской почти четвероугольной заливъ на Восточныхъ берегахъ прямо насупротивъ Америки, между коею означенъ проходъ, а на семъ проходѣ малой островъ. Оттуда далѣе въ Сѣверную сторону еще островъ долгой, едва не досязающій своими концами оба материка, то есть Ѣдской къ Западу, Американской къ Востоку. Но почти точно такъ и изображаются островами до нынѣ неизвѣстныя земли около Антарктическаго полюса, или крайней Сѣверной точки земнаго круга.

Изъ многихъ подробностей, надлежащихъ до Японіи, которыя замѣ-

тилЪ КемпферЪ вЪ обѣ поѣздки Голландскаго посла ко Двору, обЪ одной особливо можно бы было жалѣть, естьлибЪ здѣсь умолчалось. Правда, что вЪ словахЪ его видна понаровка ГолландцамЪ вообще.

ПосолЪ послѣ прощальнаго своего допуска предЪ Императора призванЪ былЪ вЪ государственной совѣтЪ слушать указовЪ, состоявшихся о торговлѣ. Между прочимЪ вЪ нихЪ значилось, чтобЪ Голландцы не обезпокоивали никакого на морѣ судна Китайскаго, или Ликванскаго; чтобЪ не брали никогда сЪ собою вЪ Японію никакого Португальца и никого изЪ Европейскаго духовенства. На такихЪ условіяхЪ позволялось ГолландцамЪ свободная торговля. По прочтеніи сихЪ указовЪ подарили послу тритцать одеждѣ, которыя заранѣе лежали на трехЪ доскахЪ, и вручили ему такЪ тамЪ называемую счастливую грамоту: знакЪ покровительства, коимЪ удостоиваетЪ его ИмператорЪ. ДолженЪ онЪ былЪ четыре-

тырежды кланяться въ землю, и положивъ на голову одного изъ пожалованныхъ платей полу, итти вонъ.

Послѣ полудни въ тотъ же день предъ возвращеніемъ его домой обсылали его многіе вельможи дарами, которые также состояли въ одеждахъ. Принесшіе ихъ къ нему частію отдавали его служителямъ, другою дождались его самаго. Обрядъ, какъ дарятъ одеждами, есть таковъ: Кулисы, или носильщики, идутъ напередъ съ сундуками; одинъ изъ нихъ съ доскою, на которую класть платья изъ сундуковъ и счастливую грамоту, которая состоитъ въ перепутанныхъ плоскихъ тесемкахъ, положенныхъ въ бумагу и завернутыхъ разноцвѣтными шелковыми завязками, которыхъ число чтобъ была нечетка; бумага же иногда бываетъ золоченая и серебреная. Тотъ, кто подноситъ послу дары, вошедъ садится противу него съ глазу на глазъ и говоритъ: . . . . „Вельможа, [такой-то именемъ] го„сподинъ мой, поздравляетъ тебя съ

„полу-

„полученіемЪ отпуска отЪ Государя; „поздравляетЪ сЪ хорошею погодою, „а сіе есть МедитЪ, сирѢчь великое „счастіе. Дары твои ему пріятны; „желаетЪ, чтобЪ и ты принялЪ малое число изЪ его одеждЪ.„

По скончаніи сего привѢтствія подаетЪ толмачу на большемЪ листу бумаги роспись принесенному имЪ платью, со означеніемЪ какія они цвѢтомЪ. ПосолЪ беретЪ бумагу у толмача и кладетЪ себѢ на голову вЪ засвидѢтельствованіе своего почтенія. ВсѢ находящіеся вЪ комнатѢ хранятЪ глубокое молчаніе; одни стоятЪ, другіе сидятЪ. ПосолЪ отвѢчаетЪ дароносцу: . . . . „Униженно „благодарю вельможу, господина твоего, за исходатайствованіе мнѢ „допуска милостиваго и безЪ задолженія времени; прошу его продолжать „благодѢянія свои кЪ ГолландцамЪ; „благодарю также за драгоцѢнные „его дары; не умолчу конечно донести о всемЪ томЪ начальникамЪ „моимЪ вЪ Батавіи.„

 За

За тѣмъ подаютъ трубки съ тобакомъ, чай и водку.

Оставимъ, какъ не нужное повтореніе, какъ Голландцы возвратились на малой островъ Дезиму, и какъ еще ѣздили въ Ѣдо. Кемпферъ чрезъ все сіе десятимѣсячное время занимался собираніемъ извѣстій о городѣ Нангазаки.

Нангазаки. Нангазаки, повѣствуетъ онъ, одинъ изъ пяти приморскихъ городовъ, стоитъ на Восточной крайности острова Кіусъю, на мѣстахъ почти совсѣмъ безплодныхъ, между прекрутыми каменными холмами и горами превысокими, не далеко отъ острова Нипона, которой можно назвать неприступнымъ для всякой иностранной торговли. Въ городѣ Нангазаки немного гражданъ и купцовъ; жители частію художники, другою чернь; но по удобности положенія и ради гавани, отвсюду защищенной, служитъ сборнымъ мѣстомъ Китайцамъ и Голландцамъ, коимъ

одинымъ

однимъ позволяется торговать въ Японіи, однако же на самыхъ строгихъ условіяхъ. Послѣ гоненія на Христіянъ въ тысяча шесть сотъ тритцать осьмомъ году, истребившаго ихъ на всѣхъ Японскихъ островахъ, между изданными вновь законами предоставлена только одна Нангазакская гавань для впущенія иностранныхъ судовъ; естьли же бурею, или инымъ несчастіемъ будутъ завлекаемы, то люди, отнюдь не съѣзжая съ нихъ на берегъ, принуждены бываютъ дожидаться какъ минуетъ опасность, и потомъ немедленно, вышедъ въ море, плыть къ Нангазакской гавани подъ присмотромъ потребнаго числа береговаго Японскаго войска; по прибытіи же въ сію гавань корабельщики должны доносить правителямъ гавани о причинахъ, для которыхъ заходили ихъ суда въ такія-то именно мѣста.

Въ гавани сей рѣдко случается меньше пятидесяти Японскихъ судовъ, не считая мѣлкихъ рыбачьихъ

 лодокъ;

лодокЪ; чужестранныхЪ же, выключая средину зимы, почти никогда не меньше тритцати, большею частію КитайскихЪ. Голландскіе корабли осенью задерживаются не долѣе трехЪ мѣсяцовЪ, ради того, что чрезЪ сіе время Южной и Западной вѣтры, способные плаванію ихЪ вЪ Японію, премѣняются на вѣтры Сѣверные. Обычайно единовременнымЪ Сѣверо-ВосточнымЪ тамошнимЪ вѣтромЪ возвращаются изЪ Японіи.

Нангазаки находится подЪ тритцать второю степенью и тритцать же шестою минутою Сѣверной ширины; вЪ близости великаго озера, которое хотя отвсюду окружено древесами, но не видятЪ никогда на поверхности его ни древеснаго листья и никакой иной нечистоты. Японцы присвоютЪ оное силѣ особаго духа, покровителя сего озера, кЪ которому толикое имѣютЪ почтеніе, что подЪ тяжкимЪ наказаніемЪ запрещено ловить вЪ немЪ рыбу.

Городъ сей прозванъ по прозвищу старинныхъ своихъ владѣльцовъ, господствовавшихъ надъ нимъ и всею его окрестностію наслѣдственно. Не обнесенъ никакими заградами, нѣтъ въ немъ ни замка, ни стѣнъ и никакихъ укрѣпленій. Три рѣки, коихъ воды чистыя и свѣжія, взявшіяся изъ ближнихъ горъ, соединяются предъ симъ городомъ и протекаютъ оной отъ Востока къ Западу. Большая часть такъ мѣлки, что едва становится ихъ на поливаніе нивъ сарацинскаго пшена и для нѣсколькихъ мѣльницъ; въ дождливое же годовое время разливаются даже до того, что понимаютъ дворы гражданъ.

Чужестранцы живутъ на особыхъ частяхъ предмѣстій; присматриваютъ за ними крѣпко. Китайцы и иные Азіатцы одного закона, торгующіе подъ своими именами, помѣщены за городомъ на горѣ, вокругъ жилищъ ихъ каменная стѣна. Мѣсто сіе зовется Якуинъ, сирѣчь лечебной

 садъ,

садЪ, по той причинѢ, что такой садЪ тамЪ нѢкогда былЪ.

ЗнаетЪ уже читатель, что Голландцы пребываніе свое имѢютЪ на маломЪ островѢ ДезимѢ. ИзЪ города ходятЪ на сей островЪ каменнымЪ мостомЪ, вЪ нѢсколько шаговЪ длиною, на концѢ моста стоятЪ на караулѢ вооруженные Японцы. На СѢверной сторонѢ двои большія врата, называемыя водяными, кои растворяютЪ только тогда, когда надобно нагружать, или разгружать Голландскіе корабли предЪ нарочно избираемыми отЪ правителей чиновниками.

Голландское торговое общество своими деньгами построило позади улицы безопасныя отЪ пожару кладовыя для складки и продажи товаровЪ; поварню, покои для начальныхЪ людей, для толмачей; не забыло развести и садЪ; для Японскаго Оттона, или старшины улицы, особой также и препокойной домЪ сЪ садомЪ. Есть площадь и лавки,

гдѢ

гдѣ продаются всякіе Голландскіе товары чрезъ все то время, какъ стоятъ въ гавани Голландскія суда.

Въ Нангазаки три Японскія капища, достойныя примѣчанія красотою своего зданія и многочисленностію духовныхъ людей.

Кемпферъ, упомянувъ о капищахъ, тотчасъ начинаетъ повѣствовать о зазорныхъ тамошнихъ мѣстахъ, да и странное дѣлаетъ имъ описаніе.

„Самые лучшіе здѣсь домы заня-
„ты непотребными женщинами. Въ
„части города, называемой Касіематцъ,
„на горѣ двѣ превеликія улицы. На
„островѣ Сайкокфѣ есть два такія
„мѣста, или Маріама по Японски:
„одно въ Тсикюзенской области, а
„другое въ Нангазаки. На островѣ
„Сайкокфѣ родятся прекраснѣйшія
„изъ всѣхъ Японокъ, не столько одна-
„ко же, какъ уроженки города Меако.„

Кемпферъ увѣряетъ далѣе, что Нангазакскіе жители продаютъ при-

гожихъ лицами дочерей своихъ въ Маріамъ. Содержатъ тамъ ихъ во всякомъ избыткѣ; учатъ плясать, музыкѣ, сочинять любовныя письма, и всему тому, что можетъ быть пригодно къ ихъ ремеслу. Всякой изъ ихъ подашливостей изложена законами особая цѣна. Отличающихся отъ сверстницъ своихъ красотою и дарованіями одѣваютъ великолѣпно и содержатъ несравненно лучше другихъ.

Та, которая всѣхъ дурнѣе, должна провождать во бдѣніи ночи въ нарочно сдѣланномъ чуланѣ у воротъ и быть всегда готовою на услуги прохожимъ. Даютъ ей одну самую послѣднюю монету ходячихъ Японскихъ денегъ. За всякія вины дѣвокъ, не взирая ни на красоту, ни на дарованія, ставятъ на ночь къ воротамъ на часы.

Большая часть ихъ по прошествіи уреченнаго времени выходитъ замужъ. Къ тому способствуетъ имъ полученное въ домѣ ученіе. Стыдъ бывшаго

ихъ

ихъ ремесла упадаетъ на тѣхъ, кто ихъ купилъ для развращенія ихъ невинности. Да и никто столько не презирается въ Японіи, какъ подобные закупщики. Правда, что наживаютъ великое богатство, но не впускаютъ ихъ въ общества добрыхъ людей; зовутъ ихъ Катсава, что значитъ нечисть народная; считаются на равнѣ съ кожевниками, коихъ рукодѣлье ставятъ Японцы самымъ безчестнымъ. Катсавы должны посылать слугъ своихъ помогать палачамъ въ случаѣ смертныхъ казней.

Гокюя, сирѣчь адъ, зовется городская тюрьма. Построена по срединѣ города, состоитъ въ великомъ числѣ малыхъ избъ, одна отъ другой отдѣленныхъ, въ которыхъ запираютъ преступниковъ. Въ бытность Кемпфера сидѣли въ тюрьмѣ многіе Японцы по подозрѣнію, что они тайные были Христіяне: злодѣйство, почитаемое тамъ наивеличайшимъ. Ѣфуми, тамошній обрядъ, доказываетъ, коликое отвращеніе имѣютъ Японцы къ Христіянскому закону.

ВЪ послѣдній мѣсяцЪ каждаго года Нитціо-Гози, одинЪ изЪ уличныхЪ чиновниковЪ, сочиняетЪ Фито-Араташе, или именной списокЪ всѣхЪ обоего пола жителей, съ показаніемЪ кто гдѣ живетЪ, годы и числа ихЪ рожденія, тамошній ли кто, или пришлецЪ изЪ такого-то мѣста, чѣмЪ себя содержитЪ, вЪ чемЪ упражняется, и какой кто вѣры.

Во второй день всякаго новонаставшаго года совершается обрядЪ Ѣфуми, то есть клятвенное отрицаніе отЪ Христіянства. Образа Іисуса Христа, распятаго на крестѣ, и Пресвятой Дѣвы бросаютЪ на землю и топчутЪ ногами. ТакЪ изЪясняется о томЪ КемпферЪ:

„Опредѣленные для произведенія „сего адскаго дѣйствія люди раз„дѣляются на двѣ части, и начи„наютЪ оное съ двухЪ противныхЪ „концевЪ города, преходя отЪ дома „вЪ домЪ. Чиновники, коимЪ долж„но быть съ ними, суть Оттоны, „или

„или старшины улицЪ, Фитцзіи, или
„подЪячіе, Нитци-Гоціи, или раз-
„сыльщики, по два Монбана, или
„бутошника, какЪ у насЪ зовутЪ,
„нося вЪ ящикахЪ сказанные святые
„образа изЪ желтой мѣди, длиною
„вЪ одинЪ футЪ.

„Главные досмотрщики, вошедЪ
„во всякой домЪ, садятся на рогожѣ:
„впускаютЪ предЪ нихЪ по одиначкѣ
„всѣхЪ живущихЪ вЪ немЪ обоего
„пола, начиная отЪ домоначальника
„до послѣдняго челядинца; приводят-
„ся также и тѣ изЪ судей, у коихЪ
„за малостію домовЪ не можно про-
„исходить сему обряду. Образа по-
„вергаются на голой полЪ. Ѣфюми-
„Тсіэ, или секретарь главныхЪ до-
„смотрщиковЪ, перекликаетЪ по спи-
„ску, начавЪ хозяиномЪ. Каждой под-
„ходитЪ кЪ образамЪ и становится
„на нихЪ ногами. МалолѣтныхЪ, кои
„еще сами о себѣ не ходятЪ, ста-
„вятЪ матери и приставницы. По-
„слѣ сего домоначальникЪ приклады-
„ваетЪ свою печать кЪ списку,
„чтобЪ

„чтобЪ городской правитель по симЪ „печатямЪ могЪ знать во всякомЪ ли „домѢ былЪ Ѣфюми. ОбошедЪ та„кимЪ образомЪ весь городЪ, глав„ные досмотрщики бросаютЪ образа „предЪ собою, топчутЪ ихЪ и при„кладываютЪ кЪ особому письменно„му свидѢтельству свои печати.

„Кто бы ни сталЪ умирать вЪ „городѢ между совершеній сихЪ об„рядовЪ, семейство его должен„ствуетЪ призвать тѢхЪ, у кого вЪ „вѢдомствѢ домЪ ихЪ, чтобЪ были „свидѢтелями послѢдняго его изды„ханія, и что умираетЪ естествен„но и не ХристіяниномЪ. КакЪ скоро „выдетЪ душа, сіи чиновники осма„триваютЪ тѢло, нѢтЪ ли на немЪ „знаковЪ смерти насильственной, „или того, что не былЪ ли онЪ тай„ной ХристіянинЪ. Не погребаютЪ „никого безЪ писменнаго вида сЪ „приложеніемЪ ихЪ печатей.„

ГЛА-

ГЛАВА II.

Образъ правительства, нравы и вѣра Японцевъ.

Чтобъ не наскучить читателю Японія. множествомъ дикихъ названій, которыя бы могли почти затмить географическія таблицы, скажемъ только, что великое государство, называемое Европейцами Японіею, а жителями онаго Нипонъ, находится между тритцать первою и сорокъ второю степенью Сѣверной ширины; что отличаются въ немъ ради великости своей три острова, изъ коихъ первой слыветъ Нипонъ, по имени коего названо и все сіе государство; морскимъ проливомъ отдѣленъ отъ другаго большаго острова Кіюсъю; третій островъ есть Саиковъ. Окружаются они многими другими, одинъ другаго меньше и больше; начальствуетъ каждымъ особой владѣлецъ. Умалчиваю о безчисленномъ множествѣ самыхъ мѣлкихъ островковъ, которые суть ничто иное, какъ безплодные великіе надводные камни. Къ

Японіи же принадлежатъ острова Ликвеіоскіе, часть Кореи, вдавшаяся въ море, подъ названіемъ Тсіозинъ; островъ Ѣссо и Матсумай.

Японская Имперія вообще окружена бурными морями, по берегамъ ея горы, каменные холмы и пески, учиняющіе ее почти неприступною; какъ бы сама природа нарочно ее произвела отдѣленною отъ прочихъ частію вселенной, коей жители безъ всякой помощи отъ иныхъ народовъ могутъ довольствоваться собственными своими произращеніями и находить у себя все потребное для удовольствія жизни своей.

Чудное есть преданіе о томъ, какъ населилась Японія. Восточные народы повѣствуютъ, что одинъ изъ Китайскихъ Богдыхановъ, печалясь о краткости жизни человѣческой, предпріялъ искать лѣкарствъ, коихъ бы помощію можно было человѣку сдѣлаться безсмертнымъ. Во всѣ предѣлы свѣта посланы отъ него были отмѣннаго разума

разума люди. ОдинЪ изЪ его врачей, наскучившись долѣе жить подЪ властію Государя, внутренно проклинаемаго подданными своими за его безчеловѣчіе, не пропустилЪ возпользоваться симЪ случаемЪ. ОбЪявилЪ о себѣ, что онЪ точно знаетЪ, гдѣ найти сіе лѣкарство; что состоитЪ оное вЪ нѣкоторомЪ растѣніи на сосѣдственныхЪ островахЪ, но толико нѣжномЪ, что сила и дѣйствіе сего растѣнія не можетЪ уцѣлѣть, ежели прикоснутся кЪ нему сколько нибудь нечистыя руки, а притомЪ и сЪ ненадлежащею бережливостію. БогдыханЪ далЪ ему триста человѣкЪ молодыхЪ отроковЪ, и столько же дѣвокЪ вЪ полную его власть. Сказанной врачь сѣлЪ сЪ ними на одно морское судно, достигЪ острововЪ ЯпонскихЪ и поселился.

Сами Японцы не только не опровергаютЪ преданія, но и показываютЪ мѣста на ЮжныхЪ своихЪ берегахЪ, гдѣ пристало судно сЪ Китайцами, гдѣ завели они свое сельбище, и остатки храма, воздвигнутаго вЪ

 честь

честь ихЪ начальника, за то, что ввезЪ вЪ Японію науки, художества и учтивство КитайцевЪ, доказывая впрочемЪ достаточно лѣтописьми о своихЪ собственныхЪ ГосударяхЪ, что сей Китайской БогдыханЪ жилЪ четыре ста пятьдесятЪ три года послѣ Синнюя, перваго Японскаго Императора, слѣдовательно и были уже острова сіи за долго предЪ тѣмЪ населены.

Правительство Японское было во всякое время полное самовластіе: первой ИмператорЪ, какЪ уже упомянуто, Синню царствовалЪ, по свидѣтельству ЯпонцевЪ, за шесть сотЪ шестьдесятЪ лѣтЪ до Рождества Христова. А какЪ все то, что было до сего Государя, покрывается непроницаемымЪ мракомЪ, то выводятЪ они его поколѣнія отЪ полубоговЪ, владѣвшихЪ ими чрезЪ множество столѣтій. Синню царствовалЪ подЪ названіемЪ Даиріа.

ВЪ старинныя времена все воинство Японское было подчинено одному главному начальнику, которой называл-

назывался Кубо, съ пріобщеніемъ слова Сама, или господина. По важности сего чина, имѣвшаго почти неограниченную власть надъ всякими воинскими отправленіями, Японскіе Императоры жаловали оный изъ самыхъ надежнѣйшихъ людей. Естьли имѣли не по одному только сыну, то Кубою обычайно жаловали вторыхъ своихъ сыновей. Одинъ изъ сихъ могущественныхъ государственныхъ чиновниковъ, именемъ Юритомо, воспользовавшись настоявшею тогда междоусобною войною, отложился отъ своего Государя, а далѣе, низвергнувъ его съ престола, воцарился самъ. Потомки его, даже до сего времени, одинъ по другомъ ему наслѣдуютъ. Кемпферъ считаетъ тритцать шесть Императоровъ Кубосамасовъ: названіе, которое осталось по сіе время при Японскихъ Императорахъ въ различеніе отъ старинныхъ Императоровъ же Даиріевъ. Война между обоихъ сихъ поколѣній раззоряла государство весьма долго; премѣнчивость успѣховъ подала поводы къ

новымъ неустройствамъ отъ стороны вельможей и помѣстныхъ правителей, которые учинились самодержавными владѣльцами въ подчиненныхъ имъ областяхъ. Японія тогда подпала подъ нѣкоторый родъ раздѣленнаго на части безначалія, толико же бѣдственнаго, коимъ нѣкогда и Европа чрезъ долгое время была угнѣтаема. Доколѣ продолжался сей внутренній раздоръ, Кубосамы владѣли только пятью областьми, старинными коронными вотчинами; но въ началѣ шестагонадесять вѣка одинъ изъ нихъ силою своего оружія покорилъ подъ власть свою все государство, предоставя Даиріямъ самодержавіе только въ духовныхъ дѣлахъ. Между саномъ своимъ и Якатасами, или Князьями, положилъ такое точно разстояніе, какое бывало между Якатасами и Коникусами, или дворянами данниками; но въ настоящее время цѣлая половина государства есть наслѣдственная вотчина Японскихъ Государей.

И такЪ два вЪ Японіи Императора: одного наши странствователи зовутЪ ГосударемЪ свѣтскимЪ, или Кубосамою: онЪ имѣетЪ полную власть надЪ всякими свѣтскими дѣлами; другаго ГосударемЪ духовнымЪ, чрезЪ котораго и продолжается потомство старинныхЪ ДаиріевЪ. Послѣдніе хотя облечены всею наружностію самодержавія, но власть ихЪ не простирается далѣе, какЪ до вѣры и духовныхЪ дѣлЪ. ОнЪ производитЪ на степени духовенства, и рѣшитЪ нѣкоторыя особыя тяжбы между ЯпонскихЪ вельможей.

Меако непремѣнное пребываніе упадшихЪ сихЪ Государей. ЖиветЪ онЪ на Сѣверо-Восточной части сего города, вЪ зданіи чрезмѣрнаго пространства. Кубосамы подЪ видомЪ охраненія ихЪ здоровья содержатЪ при нихЪ многочисленное воинство. Даирій не имѣетЪ ничего своего собственнаго, а снабдѣвается со избыточествомЪ отЪ Кубосамы, у котораго вЪ рукахЪ всѣ коронныя имѣнія.

 Не

Не только оставляетЪ Кубосама ему доходы сЪ города Меако и онаго окрестностей, но и даетЪ еще ему сверьхЪ того нѣчто изЪ своихЪ сокровищницЪ, а Даирій, употребляя часть того на свои расходы, достальное раздѣляетЪ между своими чиновниками. Право, предоставленное ему возводить на духовныя степени и подтверждать всякіе иные чины, есть другой для него источникЪ, наполняющій кладовыя его богатствами. А какЪ онЪ же рѣшитЪ тяжбы между вельможей, то находится всегда при немЪ одинЪ государственной совѣтникЪ, коего подчиненные чиновники зовутся Кунгисами, или Кунисами. Часто разсылаетЪ онЪ ихЪ производить вЪ дѣйствіе свои рѣшенія, что всякой разЪ приноситЪ ему великой доходЪ.

Кубосама вЪ замѣненіе того, что не воздаютЪ уже Даирію, какЪ прежде сего бывало, почти божеской почести, какЪ потомку самихЪ боговЪ, не возбраняетЪ ЯпонцамЪ по-

читашь

читать особу его священною и верьховнымЪ начальникомЪ духовенства. КемпферЪ такЪ пишетЪ о 'Даиріяхъ: . . . . „Японской духовной Им-
„ператорЪ разумѢетЪ оскверненіемЪ
„святости своей, естьли нога его
„дотронется до земли. Всюду но-
„сятЪ его люди на плечахЪ. Не
„бываетЪ никогда на открытомЪ
„воздухѢ; низкимЪ для себя ста-
„витЪ, чтобЪ лучи солнечные мо-
„гли коснуться его головѢ. ВсѢ ча-
„сти тѢла его, даже и излишнія,
„суть вещи святыя; а для того не
„стригутЪ ему инако волосЪ и ног-
„тей, какЪ сонному; да и сія ему
„прислуга подразумѢвается кражею.
„Прежде сего бывалЪ онЪ обязанЪ
„просидѢть нѢсколько часовЪ поутру
„на своемЪ престолѢ вЪ Император-
„скомЪ вѢнцѢ, не трогаясь ниже од-
„нимЪ членомЪ, вЪ предзнаменованіе
„спокойствія государства. Но естьли
„по несчастію случилось бы ему не
„нарочно пошевелиться, или поворо-
„тить глаза вЪ сторону которой ли-
„бо области, то уже вѢрили Япон-

„цы, что область сія неизбѣжно
„угрожается войною, голодомъ и ины-
„ми бѣдствіями, которыя не замед-
„лятъ раззорять государство. Нынѣ
„избавлены стали Даиріи отъ тако-
„го несноснаго для нихъ принужде-
„нія: кладутъ только на престолъ
„его Императорской вѣнецъ, коего
„неподвижность въ мысляхъ Япон-
„цевъ тоже самое производитъ дѣй-
„ствіе, что и неподвижность самаго
„Даирія. Ежедневно приносятъ ему
„снѣди въ новыхъ глиняныхъ сосу-
„дахъ, чтобъ можно было безъ даль-
„няго убытка ежедневно же разби-
„вать ихъ въ мѣлкіе куски послѣ
„всякаго его стола. Не сомнѣвается
„никто, чтобъ не распухли ротъ
„и горло у свѣтскихъ людей, дерз-
„нувшихъ ѣсть изъ Даиріевой посу-
„ды. Тоже самое разумѣется и объ
„его одеждахъ: носящіе ихъ безъ его
„позволенія получатъ на всемъ тѣ-
„лѣ опухоль съ великою болью.„

Но какъ не возможно человѣче-
ству перенести безпрестанное самому
себѣ

себѢ принужденіе, то Даиріи попускаются иногда оное нарушать; иногда ходятЪ на собственныхЪ своихЪ ногахЪ туда, гдѢ лежитЪ ихЪ платье, и притворятся спящими, когда брѢютЪ имЪ голову.

По смерти мнимаго сего самодержца духовной его дворЪ избираетЪ на его мѢсто самаго ближняго наслѢдника по крови, не взирая на полЪ и возрастЪ. Не рѢдко возводились вЪ санЪ Даирія малолѢтные отроки и дѢвицы. Случалось и то, что заступала мѢсто сіе жена его, естьли ближе ее не было кЪ нему по крови. Бывало также и то, что многіе являлись требователями кЪ престолу его, доказывая равную близость родства, но соперничество оканчивалось принятіемЪ кроткихЪ и справедливыхЪ мѢрЪ, то есть: каждой изЪ нихЪ былЪ ДаиріемЪ поочередно чрезЪ положенное число лѢтЪ, больше и меньше по тому, какЪ кто былЪ по крови близокЪ. Иногда умирающіе Даиріи оставляли по себѢ за-

 вѢща-

вѣщанія, чтобъ дѣти ихъ отъ разныхъ матерей наслѣдствовали по немъ поперемѣнно. Такія перемѣны обычайно происходятъ весьма скрытно. Всякой Даирій можетъ умереть, или отрѣчься отъ своего сана, такъ что никто о томъ не провѣдаетъ, доколѣ наслѣдственное заступленіе его мѣста не утвердится. Не безъ примѣровъ, что исключенные отъ наслѣдства, имѣя къ оному право, принимались за оружіе и кровопролитныя производили войны, въ коихъ участвовали всѣ Японскіе Князья, и которые ничѣмъ инымъ не оканчивались, какъ или смертію требователей, или совершеннымъ искорененіемъ ихъ семействъ.

Даирій, по обычаю предковъ своихъ, женится на двенатцати женахъ; но Императрицею называется только та, которая родитъ ему перваго сына.

Одежды его суть довольно простыя: полукафтанье черное шелковое

подъ

подъ верхнимъ долгимъ платьемъ краснаго цвѣта, а ближе обоихъ къ тѣлу шелковой тонкой крепъ. На головѣ родъ шляпы съ висульками, какія носятъ Католицкіе Архіереи на своихъ шапкахъ; но впрочемъ во всемъ является самое расточительное великолѣпіе. Сказываютъ, что на всякой день готовятъ для него пребогатой ужинъ съ огромною музыкою въ двенатцати палатахъ его Дворца. Всякой разъ, когда дастъ онъ знать, въ которой палатѣ сидѣть ему за столомъ, туда переносятся изъ другихъ всѣ блюды и сводятся вмѣстѣ всѣ музыканты..... Но чему дивиться! нѣтъ ли и у насъ такихъ людей, которые, точно зная, что будутъ одни за столомъ, велятъ готовить человѣкъ на пятнатцать и больше?

Даже до послѣдняго изъ составляющихъ Дворъ Дайріевъ выводятъ родъ свой отъ полубоговъ. Нѣкоторые имѣютъ доходныя помѣстья и живутъ въ нихъ нѣкоторую часть года; большая же часть неотлучны

при

при священной особѣ своего начальника въ званіи, какимъ ему угодно бываетъ ихъ пожаловать. Должности ихъ при немъ раздѣляются на многія степени, но выключая нѣкоторыхъ особыхъ, обязывающихъ исправлять при немъ то, или другое, прочія суть ничто иное, какъ одни почетныя имена. Даирій жалуетъ оными равно и Князей и вельможей свѣтскихъ по одобреніямъ Кубосамы, или по прозьбѣ самихъ желателей вступить въ его службу; однакожъ же должно купить то у него немалыми деньгами. По словамъ Кемпфера Кубосама возводитъ въ первѣйшія государственныя достоинства самъ собою, истребовавъ только согласія отъ Даирія, Макендаиро и Ками: первое достоинство въ старину было наслѣдственное, можно уравнивать его нашимъ Герцогамъ или Графамъ, а второе рыцарямъ.

Придворные духовнаго Государя, между иными своими знаками отличаются и одеждою, по которой можно

жно узнать не только ихъ званіе, но и которой они степени при Дворѣ. Носятъ долгія и широкія штаны, безмѣрно также долгое и широкое верхнее платье, такъ что далеко тащится по полу. На головахъ черная шапка, подобно же показующая степень и должность при Даиріи. Нѣкоторые перевязываютъ ихъ широкою полосою чернаго крепа, или изъ иной шелковой ткани, которая виситъ у нихъ по плечамъ; другіе нѣчто похожее на опахало навѣсомъ надъ глазами. Есть и такіе, у коихъ висятъ концы сказанныхъ полосъ черезъ грудь. Женщины Даиріева Двора также отмѣнно одѣваются отъ женщинъ свѣтскихъ, паче же двенатцать его женъ. Одежды ихъ безъ подкладокъ и такъ широкія, что съ трудомъ могутъ переступать въ нарядныхъ своихъ одеждахъ. . . . . Но болѣе ли то имъ безпокойно нашихъ придворныхъ женщинъ, когда послѣднія въ своихъ большихъ фишбинахъ?

Науки и къ нимъ прилѣжаніе составляетъ лучшее упражненіе сего Двора: не только мущины, но и женской полъ славились и славятся своими сочиненіями. Прежде сего сочинялись календари при Дворцѣ Даирія, но нынѣ издаетъ ихъ одинъ гражданинъ Меакской, однако же съ позволенія Кунги. Музыка въ почтеніи; придворныя женщины весьма пріятно играютъ на разныхъ инструментахъ.

Юность занимается оказаніями проворства и стройности тѣла, приличными ихъ возрасту. Кемпферъ не могъ провѣдать, бываютъ ли при Дворѣ театральныя позорища, но по страсти Японцевъ вообще къ сему роду забавъ думаетъ, что и степенное тамошнее духовенство того себя не лишаетъ.

Чрезъ всякія пять, или шесть лѣтъ, Кубосама торжественно посѣщаетъ Даирія. Цѣлой годъ проходитъ въ приуготовленіяхъ. Часть знатныхъ людей, избранныхъ сопутство-

ствовать Кубосамѣ, отправляются за нѣсколько дней прежде его; другая послѣ, а члены государственнаго совѣта отправляются съ нимъ вмѣстѣ. Путь изъ Ѣдо въ Меако во стѣ двацати пяти миляхъ раздѣляемъ бываетъ на двацать восемь становищъ, въ каждомъ находитъ сей Государь новой для себя дворъ, новыхъ чиновниковъ, новое воинство, свѣжихъ лошадей, нарочно привезенные припасы, и все нужное къ его продовольствію. Можно сказать, что ѣдетъ онъ на поклонъ въ ратномъ ополченіи къ другому Государю, которой въ самомъ дѣлѣ есть его подданной. Отправившіеся прежде его изъ Ѣдо останoвляются на первомъ становищѣ; за тѣми отправившіеся на второмъ, и такъ далѣе до самаго города Меако. Каждой такой особливой дворъ провождаетъ его только одну половину дня, потому что онъ дважды въ день останавливается.

Въ прибытіе его въ столицу духовнаго Государя войска собирается такъ много, что сто тысячь домовъ

сего

сего города едва помѣщаютъ оное постоемъ; не малая часть принужденною бываетъ разбивать для себя внѣ города шатры.

Есть особой превеликой замокъ, построенной единственно для пребыванія его въ Меако.

Никакой чужестранецъ не можетъ узнать, какъ происходитъ свиданіе обоихъ Государей, а извѣстно только то, что Кубосама подходитъ къ Даирію съ почтеніемъ данника къ своему Государю; одаривъ его многоцѣнными дарами, бываетъ отдаренъ и отъ него. Сказываютъ, что подносятъ Кубосамѣ серебреную чашу, полную вина, которую онъ выпивъ, разламываетъ и хранитъ навсегда у себя оной куски. Сей обрядъ разумѣютъ Японцы громкимъ доказательствомъ зависимости и повиновенія Кубосамы.

Но въ самой вещи есть сіе театральная игрушка, ни мало не препят-

пятствующая Кубосамѣ пользоваться полновластіемъ въ государствѣ. Сверьхъ Дворцовыхъ его вотчинъ, которыя отъ начала шестагонадесять вѣка занимаютъ цѣлую половину Японіи, собираются на него пошлины съ иностранной торговли; получаетъ великіе доходы отъ рудниковъ. Всякой вельможа обязанъ содержать на своемъ иждивеніи ратниковъ, числомъ по мѣрѣ своего имѣнія: тотъ, которому приходитъ въ годъ пять тысячь рублей на наши деньги, ставитъ по двадцати человѣкъ пѣхоты и по два всадника; другіе же меньше и больше, смотря по достатку. Когда еще Голландцы имѣли таможню въ Фирандо, Японской Князь, начальствовавшій надъ малымъ симъ удѣломъ, имѣя три ста тысячь рублей доходу, давалъ шесть сотъ человѣкъ пѣхоты и сто двадцать человѣкъ всадниковъ, не считая работниковъ, невольниковъ и всякихъ такихъ людей, которые необходимо нужны для толикаго числа воинства. Словомъ, по вѣрному счету число

ратниковЪ, даемыхЪ Князьями и вельможами свѣтскому Японскому Государю, простирается до трехЪ сотЪ тысячь пѣхоты и трипцати осьми тысячь конницы. СверьхЪ того содержитЪ онЪ на собственномЪ своемЪ жалованьѣ сто тысячь человѣкЪ первыхЪ и двапцать тысячь вторыхЪ, разумѣя по своимЪ крѣпостямЪ и ДворцамЪ. Конница вооружена, можно сказать, сЪ ногЪ до головы: ружья, короткія, большія и малыя копья и сабли. УвѣряютЪ, что всякой тамошній конной ратникЪ мастерски стрѣляетЪ изЪ лука. Пѣхота кЪ защищенію себя не вооружена ничѣмЪ инымЪ, какЪ только особаго рода шлемами. Нападательное же ея оружіе состоитЪ для каждаго человѣка вЪ двухЪ сабляхЪ, одномЪ копьѣ и одной также пищали; раздѣлена на роты. НадЪ пятью человѣками начальникЪ, а пять такихЪ начальниковЪ имѣютЪ одного надЪ собою. При каждой ротѣ, вЪ двухЪ стахЪ пятидесяти человѣкахЪ, два главныхЪ и десять подчиненныхЪ

чино-

чиновниковЪ подЪ повелѣніями одного головы, или по нашему Капитана; всѣ роты состоятЪ вЪ вѣдомствѣ одного главнаго начальника.

Тоже самое распоряженіе и вЪ конницѣ.

ВсѣхЪ сихЪ войскЪ довольно Кубосамѣ ко удержанію подЪ властію своею подданныхЪ, тѣмЪ паче, что не имѣетЪ онЪ нужды помышлять о новыхЪ завоеваніяхЪ; но естьли бы то и случилось, то можетЪ безЪ предосужденія торговли, художествЪ и всякихЪ работЪ, необходимыхЪ кЪ народному пропитанію, составить и сверьхЪ того сильное ополченіе.

Всякой годЪ чрезЪ нарочно учрежденныхЪ чиновниковЪ присылаются кЪ нему самыя точныя вѣдомости о числѣ людей вЪ государствѣ, живущихЪ и по городамЪ и по деревнямЪ.

Но чѣмЪ болѣе имѣетЪ удобностей Кубосама умножать свои сокро-

вища, тѣмъ труднѣе для его вельможей богатѣть. Правда, что большая изъ нихъ часть великiе получаютъ доходы, но политика Двора заставляетъ ихъ проживаться. Каждой правитель частнаго города должетъ шесть мѣсяцовъ въ году проводить въ столицѣ, а притомъ и со всевозможною пышностiю. Вельможи ниже ихъ степенью должны туда же прiѣжжать по крайней мѣрѣ однажды въ два года; назначается время, когда которому изъ нихъ являться ко Двору, а сiе не можетъ быть безъ великихъ для него издержекъ. При въѣздѣ ихъ въ Ѣдо, опредѣленные чины осматриваютъ ихъ повозки, нѣтъ ли скрытнаго оружiя. Чрезъ бытность свою въ семъ городѣ обязаны часто дѣлать обѣды и праздники; обязаны брать съ собою женъ и дѣтей своихъ и содержать ихъ великолѣпно. Предпрiиметъ ли Кубосама что либо вновь произвести въ дѣйствiе, возлагаетъ на нѣкоторыхъ вельможей, которые и исправляютъ то своимъ иждивенiемъ.

Князья и всѣ знатные люди, строя для себя домы, должны сверьхъ обычайныхъ вратъ дѣлать другія съ рѣзною работою, золоченою и лакированною, чтобъ закрывались они дощатыми затворами во всякое иное время, когда не посѣщаетъ хозяевъ Кубосама, коего они необходимо принуждены иногда звать къ себѣ въ гости; зовутъ же за три года, и все сіе время занимаются приготовленіями, на примѣръ: чтобъ всякая вещь имѣла на себѣ его гербъ, а безъ того не можетъ пронесена быть сквозь золотыя врата; послѣ же праздника ни на что уже болѣе не употребляется.

Когда Кубосама въ первой разъ кого нибудь посѣщаетъ, жалуетъ его достойными себя дарами, но далеко не замѣняющими убытковъ хозяина. Самая мѣлочь отъ руки его, одна птица, или звѣрь его ловли, заводитъ получившаго въ невѣроятное расточеніе.

Всегдашняя впрочемъ есть его забота, чтобъ знатные люди проживались. Раздробляетъ ихъ недвижимыя имѣнія, чтобъ время отъ времени въ большій приходили доходы ихъ упадокъ; не забываетъ ничего, чтобъ открыты предъ нимъ были всѣ ихъ намѣренія; разрываетъ ихъ союзы; придворные не могутъ жениться, кромѣ какъ только на тѣхъ, на которыхъ велятъ. Съ женами, данными самимъ Государемъ, какъ могутъ обходиться не съ великимъ почтеніемъ? Строятъ для нихъ, можно назвать, дворцы и даютъ имъ премножество особыхъ рабовъ и рабынь. Ближнія къ нимъ дѣвицы чтобъ были отборныя; могли и умѣли бы прислуживать съ похвалою. Дѣвицъ сихъ дѣлятъ на участки, чтобъ во всякомъ было ихъ по шестнатцати, надъ коими начальствуетъ почтенная женщина; исправляютъ должность при госпожѣ своей поочередно; отличаются всѣ такіе участки цвѣтомъ одеждъ. Дѣвицы задаются служить изъ хорошихъ домовъ лѣтъ на пят-

нат-

натцать, или на дватцать, а многія и на всю жизнь. Берутъ ихъ почти въ ребячествѣ; по прошествіи срока выдаютъ замужъ.

Всякой Японской городъ имѣетъ по два правителя, или намѣстника; называются они Токос-Сама; начальствуютъ посмѣнно: одинъ исправляетъ свое званіе, а другой тогда живетъ у Двора и возвращается въ городъ смѣнять своего товарища, когда ему то прикажетъ Государь. Въ городѣ Нангазаки отъ тысяча шесть сотъ восемьдесятъ осьмаго года три правителя, можетъ быть для важности его положенія. Пріѣздъ и отъѣздъ иностранныхъ торговыхъ судовъ требуетъ особыхъ тамъ присмотровъ и предосторожностей.

Никакому правителю не дается жалованья болѣе десяти тысячь таклевъ въ годъ: жалованье, весьма малое для ихъ пышности и великихъ расходовъ; но случайные ихъ прибытки почти несмѣтны. Крайнѣ бы

 обога-

обогащались, естьли бы не были принуждены посылать даровЪ Государю и первѣйшимЪ придворнымЪ вельможамЪ.

ВЪ домѣ всякаго правителя два и три человѣка дворецкихЪ, людей благородныхЪ, двое ЮрикисовЪ, то есть гражданскихЪ и воинскихЪ чиновниковЪ; надобно, чтобЪ были они дѣти знатныхЪ родителей. Должность ихЪ доносить правителю о слухахЪ нѣкоторой важности, и исполнять его повелѣнія. ИхЪ же онЪ разсылаетЪ во многочисленномЪ препровожденіи, когда настоитЪ нужда, кЪ вельможамЪ, пребывающимЪ вЪ его области. Тритцать особыхЪ чиновниковЪ подЪ именемЪ ДоосивЪ; каждой исправляетЪ должность, пристойную своей природѣ. Всѣ сіи чиновные люди опредѣляются отЪ Государя и получаютЪ отЪ него жалованье. БываютЪ случаи, что возлагаются отЪ него на нихЪ дѣла, неизвѣстныя и самимЪ правителямЪ. ОкончивЪ оныя

по желанію Двора, становятся назирателями при правителяхЪ. Великія понадЕлавЪ сіи люди злоупотребленія вЪ городЕ Нангазаки вЪ тысяча шесть сотЪ восемдесять осьмомЪ году, подчинены стали правителямЪ, которые ихЪ избираютЪ и даютЪ имЪ жалованье.

Число прочихЪ, служащихЪ при правителяхЪ, почти невЕроятно, также какЪ его опричныхЪ и домашнихЪ служителей. ДомЪ правителя походитЪ на ДворецЪ самодержавнаго Государя, а власть его простирается не только надЪ всЕми гражданами, но и надЪ чужестранцами, завлекаемыми туда торговлею, то есть Китайцами и Голландцами.

Всякой правитель есть предсЕдатель совЕта, имЕющаго четырехЪ человЕкЪ членовЪ. ПослЕдніе зовутся То-Юри-Сіу, или старики; потому что прежде сего избирались вЪ сіе служеніе самые престарЕлые люди погодно, а нынЕ заступаютЪ сы-

новья мѣста своихъ отцевъ. Одному изъ нихъ ежегодно налагается чинъ Нимбама, или назирателя. Должность его увѣдомлять правителя о всемъ, что бы гдѣ ни произошло достойнаго его вниманія, и быть доносителемъ по важнымъ дѣламъ всему засѣданію. Естьли поссорятся съ нимъ прочіе члены, то представляютъ о томъ Государю, а онъ предоставляетъ разобрать ссорящихся правителямъ. Въ старину Тосіи Юри-Сіу непосредственно зависѣли отъ государственнаго совѣта, которой и опредѣлялъ ихъ къ симъ мѣстамъ. Имѣли право носить по двѣ сабли, такъ какъ самые первѣйшіе государственные чиновники; предъ ними ходилъ всегда одинъ ратникъ съ копьемъ; но по мѣрѣ, какъ стала умножаться власть правителей, ихъ власть умалялась; а напослѣдокъ почти и совсѣмъ ее лишились. Отнялось у нихъ даже и право набирать подчиненныхъ своихъ изъ мѣщанства, и установлять цѣну продажнымъ вещамъ. Одинъ только Нимбамъ долженъ по прошествіи года смѣнившись ѣздить въ

ѣдо

ѣдо благодарить Государя и подносить ему вѣдомость о всемъ томъ, что происходило въ городѣ, гдѣ онъ былъ, во время срочнаго своего служенія.

Подъ сими четырьмя членами совѣта правителей опредѣляются чиновники, называемые Дзіоїозисъ, сирѣчь никогда непремѣняемые, потому что не смѣняются чрезъ всю свою жизнь. Судятъ всякія малыя дѣла, получая самое малое жалованье отъ Двора. Но какъ чернь обыкновенно заключаетъ о важности всякаго, носящаго на себѣ какой нибудь чинъ, по наружности, то сіи судейки прикрываютъ нищету свою пышными одеждами и выѣздами.

За Діоїозисами слѣдуютъ Ненгіозисы, городскія головы, представляющіе въ лицѣ своемъ всѣхъ гражданъ и пекущіеся о всякихъ ихъ нуждахъ при правителѣ. Живутъ во особо отведенныхъ малыхъ комнаткахъ близь правительскаго дома, и всегда на-

находятся готовы подавать ему челобитныя отъ жителей, или принимать отъ него повелѣнія. Должность скользкая и трудная, требующая великаго благоразумія и прилѣжности.

Такіе-то суть главные частные чиновники по городамъ. Не имѣютъ учрежденнаго мѣста, въ которое бы имъ собираться на общій совѣтъ; а когда то бываетъ необходимо, то сходятся туда, гдѣ живетъ Нимбамъ, яко предсѣдатель всякихъ такихъ собраній, которыя правитель не удостоиваетъ своимъ присутствіемъ.

Приставы, или разсыльщики, есть особое общество, составляемое изъ тритцати семействъ, живущихъ на одной улицѣ. Прежде сего начальствовалъ ими Нимбамъ, а нынѣ непосредственно зависятъ отъ правителей. Дѣло ихъ то, чтобъ искать и ловить преступниковъ, коимъ нѣкогда они же и производили наказанія. Дѣти наслѣдуютъ въ должности сей своимъ отцамъ. По боль-

большей части всѣ они искусные борцы, умѣющіе во мгновеніе обезоружить человѣка. Всякой носитъ при себѣ веревку. Званіе ихъ хотя презирается, но почитаютъ ихъ людьми военными и благородными.

Выше уже было сказано, что никакое ремесло въ Японіи не разумѣется столь гнуснымъ, какъ кожевниченье. Кожевники не только обдираютъ всякой мертвой скотъ и выдѣлываютъ кожи, но и употребляются вмѣсто палачей, пытаютъ и смертію казнятъ преступниковъ. Да и живутъ особою деревнею не подалеку отъ лобнаго мѣста, обычайно на Западномъ краю города при большей дорогѣ.

Всякое тѣлесное и смертное наказаніе дѣлается по повелѣнію Нимбама и трехъ городскихъ головъ, кромѣ нѣкоторыхъ особливыхъ случаевъ, предоставляющихъ то власти или правителей, или государственнаго совѣта. Теченіе всякихъ впро-

чемѣ частныхѣ дѣлѣ есть вѣ вѣдомствѣ полицїи, которой исправность хвалитѣ Кемпферѣ, хотя называя ее самою мучительною для жителей, сносимою ими по одной только привычкѣ.

Каждая улица имѣетѣ своихѣ полицейскихѣ служителей и свои полицейскія же учрежденія. Главной изѣ первыхѣ зовется Оттона. Онѣ обязанѣ смотрѣть за ночною стражею и чтобѣ повелѣнія правителей и прочихѣ главныхѣ городскихѣ судей исполнялись вѣ самой точности. Имѣетѣ отѣ мала и до велика имянные списки живущихѣ своими домами и изѣ найма, раждающихся, умирающихѣ, женящихся, и кто куда и для чего отправился вѣ путь, кто переѣжжаетѣ изѣ какого и вѣ какой домѣ, сѣ показаніемѣ о каждомѣ лицѣ, какой кто человѣкѣ, какой вѣры и ремесла. Сдѣлается ли на улицѣ его какой либо шумѣ, выходитѣ и укрощаетѣ, но только ласкою. Наказываетѣ за легкія вины тюрьмою, или

задер-

задержаніемЪ вЪ домѢ. ЗаставляетЪ гражданЪ подавать помощь, когда ловятЪ преступниковЪ, а поимавЪ ихЪ, сажаетЪ вЪ желѢза, допрашиваетЪ и доноситЪ о томЪ вышшимЪ судьямЪ. СловомЪ, на его отвѢтѢ все, что бы ни произошло на ввѢренной присмотру его улицѢ. Сами жители сей улицы выбираютЪ для себя Оттона по большинству голосовЪ, однако же сЪ подтвержденіемЪ отЪ правителя. Жалованье ему десятая часть барышей отЪ всего продаемаго на его улицѢ; а вЪ городѢ Нангазаки тоже самое и сЪ чужестранныхЪ товаровЪ.

Всякой Оттона имѢетЪ три Поручика. ВсѢ жители какой нибудь улицы раздѢлены на участки вЪ пяти человѢкахЪ: одинЪ изЪ нихЪ надЪ прочими главной и долженЪ имѢть свой собственной домЪ; подЪ смотреніемЪ всякаго такого участка отЪ пяти до пятнатцати домовЪ.

Живущіе вЪ домахЪ наймомЪ не платятЪ никакихЪ податей, налагае-

мыхЪ на домы; но не изключены отЪ того, чтобЪ не стоять имЪ на карауле и не ходить дозоромЪ. Не имеютЪ права выбирать уличныхЪ служителей, ниже участія вЪ уличныхЪ деньгахЪ. Домы нанимаются дорогою ценою, больше и меньше по числу рогожЪ, коими устилаются полы, платятЪ же помесячно.

ПисьмоводецЪ есть также уличной чиновникЪ, зовутЪ его Физіа. ОнЪ сочиняетЪ и обЪявляетЪ жителямЪ приказы отЪ Оттона; пишетЪ также пропускныя и одобрительныя письма и отпускныя. У него вЪ рукахЪ книги и дневныя записки, содержащія вЪ себе все подробности, надлежащія до улицы.

Такюра - Кагю, или казначей, хранитЪ у себя общественныя деньги. Сменяется черезЪ годЪ: каждому жителю достанется вЪ свое время прослужить годЪ Такюра - КагюемЪ. ОнЪ долженЪ доносить Оттону, кто, когда и где родился, кто умерЪ, кто пере-

перешелЪ изЪ дому вЪ домЪ, подаетЪ ему челобитныя жителей и письменныя обЪ нихЪ одобренія; взыскиваетЪ сЪ каждаго жителя по разчисленію часть денегЪ на подарки правителямЪ и главнымЪ судьямЪ; онЪ разсылаетЪ вышнія повелѣнія кЪ начальникамЪ участковЪ и обЪявляетЪ ихЪ вЪ народѣ.

Дважды ходятЪ по улицамЪ дозоромЪ; прежде ходятЪ чередуясь по три жителя; для нихЪ по срединѣ всякой улицы сдѣлана караульня. По праздничнымЪ днямЪ, или и вЪ иные, когда прикажутЪ судьи, ходятЪ же дозоромЪ и днемЪ; при малѣйшей опасности удвояютЪ число дозорныхЪ. Оскорбить чѣмЪ либо дозорныхЪ есть уголовное преступленіе.

Другой дозорЪ у городскихЪ воротЪ, ищетЪ воровЪ и зажигателей. СоставляютЪ его два только человѣка изЪ черни, держатся на противныхЪ краяхЪ города, и непрестанно то подходятЪ одинЪ кЪ другому

гому на средину города, то возвращаются на свои мѣста.

По приморскимъ городамъ учреждены стражи вдоль береговъ. Посылаются также нарочные на иностранныя суда.

Тѣ и прочіе ночью часто стучатъ въ доску. Звукъ сей правда что полезенъ жителямъ, но не мало и безпокоитъ сонныхъ.

Всякая улица имѣетъ свои врата, запираемыя не только на ночь, но и днемъ при самомъ наималѣйшемъ неустройствѣ на улицахъ. Въ Нангазаки, на примѣръ, затворяются при сниманіи съ якоря всякаго иностраннаго судна, чтобъ не уѣхалъ на немъ кто либо изъ жителей, или бы сами отъѣжжающіе иностранцы не обманули въ скорости Японской таможни. Доколѣ не потеряется изъ глазъ судно, тщательные происходятъ обыски по домамъ, точно ли всѣ жители оныхъ находятся на лицѣ, перекликаютъ и записываютъ.

Во

Во всякое смутное для города время не можетъ никакой житель перейти изъ одной улицы въ другую безъ пропускнаго письма отъ Оттона и безъ провожатаго караульщика.

Кто хочетъ перейти жить изъ дома въ домъ, долженъ подавать Оттонамъ челобитныя, и той улицы, гдѣ жилъ, и той, на которую переходитъ, показавъ въ ней законныя причины, для чего то дѣлаетъ. При челобитныхъ же прiобщаютъ въ даръ по блюду рыбы Оттонамъ.

Всѣ жители той улицы вопрошаются, согласны ли къ себѣ принять новаго жителя. Естьли кто изъ нихъ можетъ доказать, что онъ человѣкъ порочной, или подающiй какой нибудь соблазнъ своими поступками, то отказывается въ прошенiи. Самой доброй человѣкъ безъ одобрительнаго и отпускнаго писемъ отъ прежняго Оттона нигдѣ не будетъ принятъ; а съ ними новой Оттонъ беретъ его подъ свое покровительство, сопричи-

 сляетъ

сляетъ къ жителямъ, да и долженъ также отвѣтствовать предъ правительствомъ за его поведеніе. Новой житель остепенившись даетъ пиръ всѣмъ своимъ новымъ сочленамъ. Естьли былъ у него въ другой улицѣ собственной домъ, то съ согласія жителей оной продаетъ, однако же не незнакомому, или худой жизни человѣку. Тотъ, кто покупаетъ, платитъ пошлину отъ осьми до двенатцати процентовъ. Деньги сіи кладутъ въ общественную уличную казну, потомъ часть ихъ дѣлятъ по себѣ жители, а другую держатъ на общіе расходы.

Всякой гражданинъ, отправляясь въ путь, долженъ взять одобрительное письмо отъ начальника того общества, къ которому онъ принадлежитъ; когда же не имѣетъ кто бесобственнаго своего дома, тотъ беретъ оное отъ хозяйскаго начальника. Въ письмѣ семъ стоитъ, что такой-то именемъ отправляется туда то, за такими-то именно дѣлами, и отлу-

чение

ченіе его изъ города продлится столько-то времени. Сія бумага побываетъ въ рукахъ почти у всѣхъ городскихъ чиновниковъ, и они прикладываютъ всѣ свои печати безденежно, кромѣ только того, что должно заплатить положенную цѣну разнощику, которой ходитъ съ нею по домамъ.

Поссорятся ли на улицѣ жители, ближніе ихъ сосѣди должны не допускать до драки. Убьетъ ли кто кого до смерти, хотябъ то было защищая себя, казненъ будетъ смертію, а три семейства самыхъ ближнихъ сосѣдей заперты будутъ въ своихъ домахъ на многіе мѣсяцы. Но и всѣ прочіе улицы сей жители не останутся безъ наказанія: приставляютъ ихъ къ тяжкимъ работамъ, смотря по участію, какое не только онъ принялъ въ ссорѣ, но и принять могъ. Старшины участковъ строжае всѣхъ наказуются; они же отвѣчаютъ и за бѣглецовъ изъ подъ караула.

Всякаго Японца, обнажившаго ножъ, или саблю, ссорясь съ кѣмъ нибудь,

 хотя

хотя бы ими и не прикоснулся ни къ кому, казнятъ смертію.

Изъ сихъ подробностей видитъ читатель, что Японскіе города суть ничто иное, какъ нѣкоторой родъ политическихъ монастырей; что жители подвержены множеству тягостей. Терпѣнія Европейцовъ конечно бы на все то не стало.

Податей платятъ жители мало, да и тѣ только хозяева домовъ, а прочіе, которыхъ хотя несравненно всегда больше, не почитаются гражданами: 1. Дань съ дворовъ и поземельныя деньги собираются именемъ Императора на восьмомъ мѣсяцѣ каждаго года. 2. Добровольная дача, отъ которой однако же никто не можетъ отречься, въ даръ правителямъ. Въ Нангазаки платятъ ее особымъ образомъ.

По городамъ, не сопринадлежащимъ къ тому, чѣмъ владѣетъ дворъ, собираютъ сіи подати на Князей, отъ коихъ

коихъ они зависятъ. Одинъ только городъ Меако освобожденъ отъ всякихъ безъ изъятія податей жалованною грамотою Тоико-Самы.

Японскіе законы состоятъ въ указахъ Государей и древнихъ установленіяхъ, надъ коими нѣтъ никакой иной вышней власти. Князья и вельможи однако же не подвержены оныхъ строгости. Естьли во зло употребятъ данную имъ власть, или придутъ въ немилость у Двора, то ссылаются въ ссылку на одинъ изъ тѣхъ двухъ острововъ, о которыхъ сказано уже было выше. За тяжкія преступленія распарываютъ имъ брюхо, а иногда умерщвляютъ и все виноватаго семейство. За великое ставится тамъ снисхожденіе Государя, естьли повелитъ ближнему виноватаго родственнику дать ему смерть въ собственномъ его домѣ. Такая казнь не вмѣняется въ безчестіе ни казнителю, ни казненному. Многіе просятъ, чтобъ позволено имъ было распороть самимъ

себѣ брюхо. Въ такомъ случаѣ преступникъ созываетъ всю родню и всѣхъ друзей, надѣваетъ лучшее платье, говоритъ рѣчь къ собранію, и съ веселымъ лицемъ, обнаживъ брюхо, взрѣзываетъ крестообразно. Смерть его пріемлется геройствомъ, не помрачается слава его семействѣ, не описываютъ имѣнія на Государя.

Подлыхъ преступниковъ распинаютъ на крестахъ, сожигаютъ, рубятъ головы и разсѣкаютъ саблями на мѣлкія части.

Князья, вышніе судьи и доманачальники рѣшатъ частныя дѣла на мѣстахъ ихъ вѣдомства. Естьли не могутъ тяжущихся помирить третейскимъ судомъ, когда на какія либо обстоятельства дѣла нѣтъ точныхъ законовъ, то утверждаются въ своихъ рѣшеніяхъ на здравомъ разумѣ.

Указы Японскаго Государя, всякой въ немногихъ только словахъ, не

не объясняютъ никогда побудительныхъ причинъ ко изданію оныхъ; а не рѣдко предоставляютъ на волю членовъ нижнихъ судилищъ наказанія виноватымъ. Японцы въ сей краткости слога находятъ нѣчто величественное . . . . Но не пристойнѣе ли бы было могущественному владѣтелю, чтобъ изреченія его къ народу были изреченіями здраваго разума, яко перваго основанія самодержавной его власти, отъ котораго проистекаютъ всѣ оной части?

Японцы вообще имѣютъ тѣло не ста[illegible]ое, цвѣтъ лица самой смуглой, малые глаза, не такъ однако же ввалившіеся, какъ у Китайцевъ; толстоноги, росту не много повыше средняго, короткіе ихъ и плоскіе носы вздернулись къ верьху острыми концами, густыя брови, большія щеки, черты лица грубыя, жидкія бороды, которыя брѣютъ, или щиплютъ. Но не совсѣмъ однако же таковы вездѣ.

Знатные люди имѣютъ неотвратительныя лица и поступки. Благородная ихъ и непринужденная замашка можетъ быть тому причиною, что кажутся они не безобразны.

Странствователи наши зовутъ всѣхъ Японцевъ безъ изключенія прекрасными; а Кемпферъ жительницамъ Физенской области не находитъ во всей Азіи подобныхъ; признается однако же, что слишкомъ малорослы, а притомъ и такъ много распещряютъ красками лице, что не можно разглядѣть природной ихъ красоты.

Одежды у Японцевъ просты, но благородны. Вельможи и дворянство, каждой по своей степени, носятъ верхнее платье, влекущееся по полу, изъ лучшихъ тканей шелковыхъ и изъ золотой и серебреной парчи, которыя дѣлаютъ на островахъ Фатсизіо и Камакюра. Около шеи повязки. Другія, тѣхъ пошире, служатъ вмѣсто кушаковъ и епанечь. Рукава безмѣрно долгіе и висящіе; паче всего

го

то щеголяютЪ саблями и ножами на поясу: ножны и тѢхЪ и другихЪ украшаютЪ алмазами и жемчугомЪ. МѢщане, изЪ коихЪ большая часть торговыхЪ людей, ремесленники и воины, носятЪ платья длиною по колѢни, рукава по локоть, руки у нихЪ голыя, но всякой вооруженЪ и во всемЪ опрятенЪ. Отличаются еще тѢмЪ, что брѢютЪ затылокЪ, а знатные люди брѢютЪ надЪ лбомЪ, отращивая назади волосы; а какЪ вмѢняется то вЪ великую красоту, то почти и не надѢваютЪ никогда шапокЪ, кромѢ какЪ бывая на дорогѢ. Тогда носятЪ преширокія шляпы соломенныя, или изЪ бамбуеваго тростника, подвязывая подЪ подбородкомЪ двойными широкими шелковыми тесмами. Такія же носятЪ и женщины, но прозрачныя и мужскихЪ шире: сквозь однажды намоченную такую шляпу не пробиваетЪ никогда дождь. Женщины одѢваются богатѢе мужчинЪ. ВсѢ убираютЪ волосы, но различно: всякая по своей степени. Нижняго состоянія Японки, подбирая

ихЪ

ихЪ вверьхЪ на головѣ, затыкаютЪ большею шпилькою, такЪ какЪ Испанки и Италіянки. Жены знатныхЪ мужей распускаютЪ волосы назади толстыми прядьми; надЪ ушами втыкаютЪ шпильки сЪ висящими по концамЪ крупными жемчужинами, или камнями высокой цѣны; на самыя уши надѣваютЪ жемчужныя же нитки. Пояса, или кушаки, широкіе сЪ цвѣтами и иными узорами. СверьхЪ многихЪ, а притомЪ и предлинныхЪ нижнихЪ одеждЪ, носятЪ верхнюю предлинную, которая тащится по землѣ аршина на три. ЧѣмЪ на которой больше нижнихЪ одеждЪ, тѣмЪ выше степенью знатности женщина. УвѣряютЪ, что на нѣкоторыхЪ бываетЪ до ста такихЪ одеждЪ, такЪ легкихЪ и тонкихЪ, что многія можно, сжавЪ комомЪ, положить вЪ карманЪ. Большія барыни не выѣжжаютЪ инако изЪ домовЪ, какЪ сЪ превеликимЪ людствомЪ. Толпа разряженныхЪ дѣвокЪ несутЪ вЪ рукахЪ однѣ богато унизанныя драгоцѣнными камнями и жемчугомЪ баш-

башмаки ея, другія платки и закуски на блюдахъ. Предъ сими дѣвками ближнія ея служащія женщины, коими она и окружается. Въ рукахъ у нихъ опахалы, щитки отъ солнца на подобіе сѣней.

Крещеныя Японки хаживали прежде сего въ церковь, закрывшись фатою съ ногъ до головы.

Японки принимаютъ гостей съ фатою на головѣ, но гостей принимать позволяется имъ только по однажды въ году. Въ гости носятъ ихъ, ежели не близко, на Норимонахъ. Всѣ до одной служанки ихъ провождаютъ.

Молодые люди обоего пола перемѣняютъ платья по своимъ лѣтамъ. Одѣваются какъ можно легче и не носятъ ничего на головѣ.

Дѣти обоихъ половъ равно воспитываются со тщаніемъ; родители не забываютъ ничего ко украшенію

ихъ

ихЪ ума. Женщины ученыя есть вЪ Японіи не рѣдкость; да и имѣютЪ онѣ болѣе кЪ тому времени, нежели мужчины, ради того, что не могутЪ и не должны заниматься никакими общественными дѣлами. УчатЪ ихЪ внятно и скоро читать, писать чисто и исправно, а потомЪ закону и логикѣ, чтобЪ умѣли разпознавать истинны и правильно разсуждать. ЗатѣмЪ даютЪ имЪ уроки вЪ краснорѣчіи, наукѣ нравственной, стихотворствѣ и рисованьѣ. Мало на свѣтѣ народовЪ, которые бы толикія же имѣли способности кЪ свободнымЪ художествамЪ какЪ Японцы.

По словамЪ Кемпфера, Японской языкЪ есть коренной, самЪ по себѣ чистЪ, вЪ произношеніи пріятенЪ, явственЪ, по двѣ только буквы вЪ каждомЪ слогѣ. Букву нашу Г не могутЪ инако выговорить, какЪ Ф. Всѣ ихЪ буквы крупны и безобразны. Пиша, ставятЪ ихЪ прямою чертою одну ниже другой, такЪ какЪ Китайцы, сЪ тою только разностію,

что у Японцевъ слова не вяжутся извѣстными во всякой правописи знаками. Всякая у нихъ буква значитъ особое слово; но Японцы могутъ иногда дѣлать длиннаго слога переносы, имѣютъ также и сложныя слова, имѣютъ и знаки, нарочно для того примышленные. Во всякой Китайской книгѣ, печатаемой въ Японіи, пріобщаются сіи знаки, а безъ того Японцы не могли бы такія книги ни читать, ни разумѣть.

Образъ сочиненія высокаго слога есть почти одинъ и въ Китаѣ и въ Японіи. Состоитъ въ буквахъ, или паче знакахъ, проявляющихъ смыслъ. Первое понятіе о содержаніи такихъ сочиненій даютъ сіи знаки сами по себѣ; второе же и точное понятіе всякому знаку даетъ онаго произношеніе. Вотъ причина, что сей родъ писанія состоитъ изъ великаго числа знаковъ; потому что каждой знакъ есть изображеніе особой вещи. Способъ писать несравненно нашего труднѣе, однако же не столько подверженъ двоесмыслію. Мно-

Много такихъ растѣній и иныхъ веществъ, которыя вмѣсто того, чтобъ написать ихъ складами, изображаются знаками.

Слогъ молитвъ и древнихъ законовъ, паче же надлежащихъ до вѣры, особый: слыветъ священной, хотя почти и совсѣмъ непонятной, даже до того, что и духовенство Японское, выдающее себя провѣщателями изволенія боговъ, не лучше простыхъ людей его разумѣетъ...... Въ томъ, можетъ быть, найдутъ себя и иные народы подобными Японцамъ.

Японцы отъ природы одарены острымъ понятіемъ, проницаніемъ въ разпознаваніи человѣческихъ сердецъ, и даромъ рѣдкимъ производить въ оныхъ движенія словами своими.

Наши Христіянскіе проповѣдники, слыхавшіе ихъ поученія, признавались, что краснорѣчіе Японское превосходитъ всякое иное убѣдительностію своею, и что никакое

кое иное столько не приводитъ слушателей во умиленіе; что не дивятся тамъ, естьли все собраніе, какъ бы ни было велико, проливаетъ слезы; что стихотворство ихъ наполнено отмѣнными пріятностьми; что превосходное искусство Японскихъ стихотворцевъ видно въ драматическихъ ихъ сочиненіяхъ: всякое раздѣлено, такъ какъ у насъ, на дѣйствія и явленія, предъ всякимъ прологъ, которой возвѣщаетъ зрителямъ начертаніе сочиненія, умалчивая однако же о развязкахъ. Японцы любятъ, чтобъ были уражаемы внезапностьми. Украшенія театровъ великолѣпны и приличны къ тому, что представляется на театрѣ. Вмѣсто интермедіи балеты, или какія нибудь смѣшныя игрища. Веселыя и печальныя представленія равно имѣютъ основаніемъ своимъ нравоученіе. Слогъ послѣднихъ силенъ и важенъ, содержаніемъ же всякой разъ имѣетъ знаменитыя дѣйствія великихъ людей.

Общенародныя зрѣлища составляются изъ многихъ драммашическихъ представленій одно за другимъ; почерпаютъ ихъ изъ исторіи о богахъ и герояхъ: ихъ приключенія, ихъ славные подвиги, ихъ любовныя сплетни, все сіе на стихахъ поется при играніи на разныхъ инструментахъ. На интермедіяхъ ихъ, или игрищахъ, выходятъ разные роды шутовъ: одни говорятъ что нибудь смѣшное, другіе, по примѣру, старинныхъ Пантомимъ, молча пляшутъ, тѣлодвиженіями своими изражая обстоятельства представляемаго ими. Театры ихъ представляютъ водометы, мосты, домы, сады, лѣса, горы и животныхъ во всей ихъ величинѣ, такъ утверждаемыя на подножіяхъ, что въ одинъ мигъ одни скрываются и показываются другіе.

Играютъ на театрахъ молодые отроки, дѣти жителей тѣхъ частей города, которыхъ иждивеніемъ содержатъ театры, и дѣвки изъ непотребныхъ

ныхЪ домовЪ, коихЪ наряжаютЪ вЪ пребогатое платье, приличное кЪ тому, кто какое представляетЪ лице. Одну комедію, или трагедію, не даютЪ по дважды вЪ годЪ.

КемпферЪ такЪ описуетЪ театрЪ вЪ городѢ Нангазаки: „Великое зда„ніе, построенное изЪ бамбуеваго „лѢса, обращено переднею стѢною „на площадь, соломенною своею и „изЪ древесныхЪ вѢтвей кровлею „подобно превеликому сараю; пред„ставляетЪ глазамЪ древняго Япон„скаго строенія простоту; большая „сосна у самой передней стѢны; „три прочія части площади раздѢ„лены на чуланы со скамьями вну„три для зрителей.„

КемпферЪ прежде всего увидѢлЪ, что духовенство сѢло на трехЪ лавкахЪ прямо противЪ передней стѢны зданія. МѢста главныхЪ духовныхЪ были выше другихЪ. Платье на нихЪ было черное и у всякаго по короткой вЪ рукѢ палкѢ, а сіе есть знакЪ ихЪ достоинства.

 Четы-

Четыре Канузиса, нѣсколько пониже первыхъ степенью, на второй лавкѣ, въ бѣлыхъ одеждахъ и черныхъ лоснящихся шапкахъ.

Прочее духовенство одѣто было такъ какъ Канузисы, съ нѣкоторою небольшею разностію.

Служители духовенства стояли за своими господами съ непокровенными главами.

На противной сторонѣ площади правители, или намѣстники, подъ шатромъ; ноги ихъ были не много повыше, нежели нижній ярусъ зданія; передъ ними нѣсколько ратниковъ съ копьями въ рукахъ. Послѣдніе устанавливаютъ порядкомъ зрителей и удерживаютъ отъ всякихъ наглостей чернь. Около намѣстниковъ помѣщаются подчиненные имъ чиновники.

Сказали уже мы, что многія части города раскладываютъ между собою, что кому давать на расходы позорищъ. Увѣ-

Увѣряютъ многіе наши странствователи, что Японскіе живописцы особой имѣютъ вкусъ, въ которомъ они неподражаемы. Черты кистей ихъ крайнѣ нѣжны; но не прилѣжатъ ко изображеніямъ лицъ человѣческихъ, а довольствуются только изображеніемъ птицъ, цвѣтовъ и земныхъ растѣній. Рисуютъ всегда на бумагѣ. Одинъ такой нарисованной листъ покупается иногда за три и четыре тысячи золотой монеты. Правда, что до нынѣ не вывозилось изъ Японіи кромѣ грубыхъ живописей; но можетъ быть лучшія оттуда не выпущаются.

О музыкѣ ихъ пишутъ съ похвалою; но она почти безъ правилъ. Напѣвы Японцевъ и голоса ихъ инструментовъ не заслуживаютъ вниманія.

Много сочинителей книгъ, много также ихъ и сочинено. Великія книгохранилища ими наполнены. Содержатъ въ себѣ исторію, толкова-

нія вѣры и врачебную науку. Писатели ихъ свидѣтельствуютъ, что во всемъ ихъ государствѣ нѣтъ ни одной книги о наукѣ правъ, а есть только напечатанныя установленія въ самомъ маломъ числѣ, но самыя благоразумнѣйшія и вѣрно сохраняемыя. За малѣйшее оныхъ небреженіе наказываютъ съ великою строгостію.

О математикѣ и физикѣ малое имѣютъ познаніе. Не знаютъ астрономіи. Ихъ замѣты времени, стихіи, раздѣленіе часовъ и годы равно показуютъ образъ ихъ изчисленія. Отъ Китайцевъ взяли они шестидесятилѣтніе круги времени, двенатцать небесныхъ знаковъ и оныхъ имена. Изображенія двенатцати сихъ знаковъ, составляя пять разъ съ десятью стихіями, а сіи стихіи составляя шесть разъ съ небесными знаками, производятъ шестьдесятъ сложныхъ изображеній, по одному для каждаго года солнечнаго круга, коего по истеченіи начинается новой солнечной кругъ.

Японскія имена двенатцати небесныхЪ знаковЪ суть: 1. Не, или мышь. 2. УсЪ, или быкЪ. 3. Торра, тигрЪ. 4. ОвЪ, заецъ. 5. ТатЪ, крылатой змѣй. 6. Ми, змѣя. 7. Ума, лошадь. 8. ТситзюсЪ, баранЪ. 9. Ѣзе, обезьяна. 10. Торри, пѣтухЪ. 11. ИнЪ, песЪ. 12. И, некладеной поросенокЪ.

ТѢми же именами зовутЪ двенатцать дневныхЪ часовЪ и двенатцать частей каждаго часа. ДнемЪ разумѣютЪ время между восхожденіемЪ и захожденіемЪ солнца. СверьхЪ того дѣлятЪ еще дни, такЪ какЪ и ночи, на шесть равныхЪ частей; слѣдовательно, смотря по тому, какой настоитЪ мѣсяцЪ, часы у ЯпонцевЪ бываютЪ длиннѣе и короче.

Стихій считаютЪ десять. Сіе число нужно соображенію сЪ двенатцатью небесными знаками всякаго шестидесятилѣтняго солнечнаго круга. ВЪ самой же вещи считаютЪ только они пять стихій: дерево, огонь, землю, руды и воду. ПишутЪ

сіи слова двойными буквами, ознаменуя чрезъ то удвоеніе каждой стихіи. Годъ ихъ начинается между зимняго поворота солнца и весенняго равноденствія, около пятаго числа Февраля. Но имѣя самое пристрастное суевѣріе въ праздновании перваго дня всякаго года, начинаютъ считать годъ отъ новолунія, ближайшаго къ пятому числу Февраля, прежде онаго, или послѣ.

Мѣсяцы у нихъ лунные. Чрезъ всякіе два, а иногда и три года, становятся ихъ годы по тринатцати мѣсяцовъ, такъ что чрезъ всякія девятнатцать простыхъ лѣтъ имѣютъ семь високосныхъ.

Наука чиселъ, коею способствуются торговые Японцы въ своихъ ращетахъ, хотя самая простая, но вѣрная. Ставятъ столъ, кладутъ на него палочки съ малыми шариками, и симъ - то почти ничего незначущимъ посредствомъ складываютъ, вычитаютъ, умножаютъ и дѣлятъ, подобно

но Китайцамъ, у которыхъ можетъ быть и переняли.

Учеными людьми разумѣются у Японцевъ ихъ духовенство: толкуютъ народу вѣру, воспитываютъ юношество до четырнатцатилѣтняго возраста. Великое тамъ множество такихъ училищъ. Еще во времена святаго Франциска Ксаверіа было не подалеку отъ города Меако до четырехъ тычячь школъ, но сіе число далеко не доходитъ до школъ же во окрестностяхъ города Банду. Дѣти женскаго пола воспитываются въ женскихъ духовныхъ же общежительствахъ.

На пятнатцатомъ году всякаго молодаго человѣка учатъ въ домѣ родительскомъ всякимъ обращеніямъ тѣла, пристойнымъ сему возрасту. Налагаютъ на нихъ оружіе наряднымъ дѣломъ; а сіе ясно доказываетъ, что господствующая въ сердцахъ Японскихъ страсть есть склонность къ войнѣ. Но и скоро научаются ре-

меслу сему. Европейцы, вЪ первой разЪ привезшіе вЪ Японію огнестрѢльное оружіе, удивлены были способностію ЯпонцевЪ онымЪ владѢть.

Всякой ЯпонецЪ родится воиномЪ: ни одинЪ не выпускаетЪ изЪ рукЪ оружія, даже и когда спитЪ, а кладетЪ подЪ изголовье. Самая малая досада принуждаетЪ ихЪ обнажать сабли, хотя то строго запрещается законами вЪ городахЪ. Но и крѢпкой присмотрЪ, чтобЪ наблюдались сіи законы вЪ самой точности, предотвращаетЪ тамЪ тьму неустройствЪ.

Государственная архива родословная знатныхЪ поколѢній и всего кЪ тому надлежащаго при ДворѢ Даирія. Упражняются вЪ сочиненіяхЪ сего рода Князья и Княжны крови. СписываютЪ сЪ нихЪ и печатаютЪ, но только по прошествіи положеннаго числа лѢтЪ послѢ смерти описываемыхЪ лицЪ. УмножаютЪ онымЪ Дворцовое книгохранилище непрестанно.

Вра-

Врачебная наука въ большемъ почтеніи у Японцевъ, нежели искусство лѣкарское; да и не упоминаетъ никто изъ нашихъ странствователей, чтобъ видѣлъ тамъ хотя одного лѣкаря. Врачи занимаются всемъ надлежащимъ до здоровья и жизни человѣческой. Вездѣ ходятъ за ними слуги съ коробкою о двенатцати ящикахъ, во всякомъ ящикѣ сто сорокъ четыре мѣста, наполненныя цѣлебными травами и иными лѣкарствами. Великіе знатоки, также какъ Китайцы, во узнаваніи болѣзней по боевымъ жиламъ: щупая ихъ полчаса, не отнимая руки, сказываютъ, въ чемъ состоитъ болѣзнь и какіе чувствуетъ больной припадки. Не ставятъ за трудъ давать лѣкарство за лѣкарствомъ . . . Намъ Европейцамъ не полюбился бы образъ такого леченія. Не пускаютъ никогда крови, не даютъ ничего ѣсть варенаго больнымъ, почитая тягостнымъ для ослабѣвшаго ихъ желудка все, лишенное естественнаго своего вкуса. Не отказываютъ ни въ чемъ, чего бы ни попросили, имѣя

за

за правило, что мудрое естество, не взирая на безпорядочное тѣло больнаго, требуетъ только того, что можетъ ему быть безвредно. Всего больше предотвращаютъ болѣзни частымъ купаньемъ.

Болѣзнь, которою паче всѣхъ страждутъ Японцы, есть особой и намъ неизвѣстной родъ колики. Неминуемо занемогаютъ ею иностранцы, начавъ пить Сакки, обычайной тамошній напитокъ, густой какъ Испанское вино; дѣлаютъ его изъ сарацинскаго пшена. Припадки много походятъ на истерическіе; не рѣдко такъ занимается духъ, что больной ставитъ себя умирающимъ. Отъ чреслъ до боковъ чувствуетъ несносной рѣзъ въ животѣ, показываются на многихъ мѣстахъ, паче же на сидѣньѣ и ядрахъ, опасные чирьи. Лечатся отъ того странно: берутъ небольшія иглы изъ чистаго золота, или серебра, и втыкаютъ въ тѣло на полдюйма: однѣ съ шляпками какъ молотки, а другія буравами. Втыкаютъ же ихъ

въ

въ брюхо, около того мѣста, гдѣ лежитъ печень, въ три ряда по три, чтобъ между раночками было по полудюйму разстоянія. Кемпферъ былъ очевидной тому свидѣтель и утверждаетъ, что въ минуту утишается боль какъ бы чрезъ какое нибудь колдовство. Дѣлать сіи иглы не многіе умѣютъ, да и не инако, какъ доставъ письменное дозволеніе отъ Двора.

Одну и многія болѣзни врачуютъ Японцы однимъ и тѣмъ же лѣкарствомъ, котораго употребленіе выводятъ отъ самой глубокой древности; не меньше высоко его цѣнятъ Японцы, какъ и другіе торгующіе съ ними народы. Столь часто прикладываютъ его вдоль всей спинной кости и по бокамъ до самыхъ чреслъ, что нѣтъ почти ни одного Японца, у котораго бы не была спина какъ у высѣченнаго недавно, а при томъ и жестоко, плетьми. Лѣкарство сіе называется Мокса. Мягкой пухъ, подобной начисто чесанному льну зольнаго

наго цвѣту, легко зажигается, горитъ медленно, жаръ отъ него умѣренной. Моксу составляютъ изъ сухихъ листьевъ чернобыльника, щиплютъ ихъ въ запасъ, когда растѣніе молодо, и долго сушатъ на открытомъ воздухѣ. Не жжетъ, а почти нечувствительно припекаетъ только человѣческое тѣло. Никто тамъ не сомнѣвается о превеликой отъ того пользѣ. Преступниковъ, осужденныхъ на вѣчное заточеніе, выпускаютъ по дважды въ годъ изъ тюремъ для прикладыванія Моксы.

Въ Японіи бываетъ три рода оспы: первая такая же, какъ и у насъ въ Европѣ; другая походитъ на нашу корь, а третья совсѣмъ отмѣнная: покрывается тѣло множествомъ водяныхъ прыщей. Вѣроятно, что происходитъ отъ обычая на сихъ островахъ пить холодное. Но всѣ сіи роды оспъ лечатъ не пристально, обвертывая только тѣло больнаго чѣмъ нибудь краснымъ. Естьли занемогутъ оспою дѣти свойствен-

ственниковъ Государя, то не только чтобъ все въ спальняхъ ихъ было красное, но и не впускается къ нимъ никто не въ красномъ платьѣ.

Къ механикѣ во всѣхъ своихъ частяхъ вездѣ прилѣжатъ жители Японскихъ острововъ. Переняли науку сію у Китайцевъ. Правда, что не могутъ вымыслить ничего новаго, но перенятое доводятъ до послѣдняго совершенства. Искусные рѣщики и золотари. Писчая ихъ бумага лучше Китайской. Лучше также всякихъ тканей сихъ послѣднихъ дѣлаемыя въ городахъ Фатсизіо и Камокура. Фарфоръ Японской отмѣнно чистъ; клинки сабель отмѣнно хороши; лакъ превосходитъ Китайской: нигдѣ и не умѣютъ столь искусно имъ покрывать вещи; ни въ какомъ Индѣйскомъ народѣ не дѣлаютъ напитковъ и не готовятъ снѣдей, столько же вкусныхъ. Трудолюбіе Японцевъ свидѣтельствуетъ болѣе всего ихъ земледѣльство. Можно сказать, что не лежитъ у нихъ ниже одного вершка земли впустѣ. Любо-

Любочестіе есть источникЪ ихЪ чувствованій; источникЪ, откуда происшекаетЪ большая часть ихЪ добродѣтелей и пороковЪ: откровенны, чистосердечны, вѣрны вЪ дружбѣ, непреклонны даже до невѣроятности вЪ храненіи слова, обязательны, великодушны, упреждающи, кЪ богатству безЪ дальняго прилѣпленія, потому и презираютЪ торговыхЪ людей и ихЪ ремесло. НѣтЪ вЪ свѣтѣ инаго народа, которой бы при всеобщей своей бѣдности былЪ народЪ благоустроенной. Но такая общая нищета бываетЪ производительницею независимости, а независимость, руководствуемая правилами добродѣтелей, достойна почтенія. Она-то точно вознесла древнихЪ РимлянЪ превыше всѣхЪ иныхЪ народовЪ.

ВЪ домѣ Японца, бѣднаго и самаго зажиточнаго, не находится ничего инаго, кромѣ нужнаго необходимо; но великая во всемЪ опрятность и чистота. На лицѣ его всегда видно, что доволенЪ онЪ своимЪ состояні-

емЪ

ёмЪ и что презираетЪ всякіе излишки.

Сокровища со всего государства вЪ рукахЪ Князей и вельможей; но и нигдѣ люди первой знатности не живутЪ сЪ толикою пышностію. ВЪ лѣтописяхЪ самыхЪ наибогатѣйшихЪ царствЪ не видимЪ сколько бы нибудь близкихЪ тому примѣровЪ.

Но что всего удивительнѣе, простой тамЪ народЪ имЪ не завидуетЪ. Большій господинЪ, какимЪ бы ни было образомЪ, обнищавЪ, не умаляетЪ спѣси своей; не теряетЪ отЪ общества почтенія, и ни для чего не сроднится сЪ человѣкомЪ ниже себя породою. КЪ чести чувствительность равна и вЪ благородныхЪ и вЪ подлыхЪ ЯпонцахЪ. Самой низкой отЪ самаго знатнаго человѣка не стерпитЪ обиднаго слова. Учтивство, можно назвать, есть душа обхожденія всякаго состоянія ЯпонцевЪ. Всѣ они великодушны, всѣ имѣютЪ проницательной умЪ, благородныя чувство-

 ванія,

ванія, къ отечеству любовь, къ жизни презрѣніе и нѣкоторой родъ смѣлости, отваживающей ихъ на самыя великія предпріятія. Кемпферъ приводитъ тому примѣры.

Одинъ Японской дворянинъ изъ города Синго имѣлъ жену рѣдкой красоты. Государь, заочно влюбясь въ нее по слуху, приказалъ мужа ея казнить смертію, а вдову привезти къ себѣ. Приглашеніе, чтобъ жить ей во Дворцѣ, приняла съ благодарностію, но просила на тритцать дней сроку оплакать мужа, созвать къ себѣ и угостить его родню и съ нею проститься. Государь въ томъ ей не только не отказалъ, но и назвался самъ на сей пиръ. Какъ отошелъ столъ, вдова, вышедъ на внѣшніе переходы дома и бросившись съ нихъ, лишилась жизни.

Знатной вельможа, прельстившись красотою дочери одной солдатской жены, взялъ ее къ себѣ силою. Мать прислала къ ней письмо, прося помощи

щи въ нищетѣ своей. Вельможа, увидѣвъ бумагу въ рукахъ любовницы, принуждалъ ее, чтобъ ему показала; но она, чтобъ скрыть бѣдное состоянie матери, положила письмо въ ротъ, и проглотивъ задушилась. Вельможа по побужденiю ревнивости приказалъ тотчасъ распороть ей горло, узналъ свою ошибку, взялъ къ себѣ въ домъ вдову, покоилъ и всемъ довольствовалъ ее до смерти.

Служанка въ нѣкоторомъ домѣ, услышавъ, что разносится слухъ, заставляющiй людей надъ нею смѣяться, откусила сама у себя соски и отъ того умерла.

Права дружбы въ Японiи столь же священны, какъ и права супружества. Вдаются во всякiя опасности, защищая друга, или чтобъ ему услужить. Не сильны самыя мучительныя пытки ко узнанiю участниковъ какого нибудь преступленiя. Японецъ, просимой человѣкомъ, никакъ ему незнакомымъ, чтобъ взялъ его подъ свое

покровительство и спасъ жизнь его и честь, коихъ угрожается онъ утратою, не пощадитъ ни имѣнія, ни жизни, не мысля о слѣдствіяхъ, и какія бѣдствія можетъ чрезъ то навлечь женѣ своей и дѣтямъ.

Люди сварливые, клеветники и болтуны въ великомъ презрѣніи. Разумѣютъ ихъ трусами и такими, которые не умѣютъ мыслить. Не терпятъ никакихъ удачныхъ игоръ въ деньги, какъ ремесла, основаннаго на сребролюбіи и противнаго чести.

Но сей же самой народъ есть неспокойной и мстительной до крайности, недовѣрчивъ и подозрѣвающъ. Природная дикость и суровая жизнь не удерживаетъ его отъ невоздержностей.

Японцы вообще не тверды въ вѣрѣ своей, сносятъ дѣльныя ей хулы и познаютъ ея нелѣпости. Охотно слушаютъ человѣка, объясняющаго человѣческія должности и

и заблужденія. Всякой знатной Японецъ имѣетъ при себѣ слугу, достойнаго довѣренности, которой обязанъ сказывать ему о всякихъ его проступкахъ.

Обманщиковъ ставятъ извергами. За самую маловажную ложь казнятъ смертію.

Примѣровъ не бывало, чтобъ Японецъ приличился въ богохуленіи, а рѣдкіе, чтобъ поропталъ на свое состояніе. Въ самыхъ лютыхъ напастяхъ сохраняютъ непоколебимую твердость духа. Отецъ, не перемѣняясь въ лицѣ, осуждаетъ на смерть сына своего, не престаетъ однако же чувствовать, что онъ ему отецъ. Подобные примѣры такъ часты, что никто уже тамъ имъ не дивится.

Провѣдаетъ Японецъ, что непріятель ищетъ его, ходитъ онъ вездѣ, гдѣ можетъ съ нимъ повстрѣчаться; предъ людьми обходится съ нимъ ласково, заочно его хвалитъ и при всякомъ

 слу-

случаѣ дѣлаетъ ему услуги, не пропуская однако же удобнаго случая ему отмстить. Естьли не удастся то въ жизнь свою исполнить, завѣщаваетъ сыну. Мстятъ же всегда образомъ благороднымъ.

Опасайся всякаго Японца, когда онъ кажется равнодушенъ. Безпредѣльное всякой имѣетъ почтеніе къ самому себѣ и такое же точно презрѣніе ко всякому иностранцу, не ради того только, что отечество свое цѣнитъ превыше всѣхъ иныхъ краевъ вселенной, но потому, что нѣтъ ему ни въ комъ нужды, ничего не боится, ниже смерти, нажидая обычайно ее съ киченіемъ; да и за самую иногда бездѣлку подъемлетъ самъ на себя руки. Сія самая есть причина, что ни за что вмѣняетъ жизнь и всякихъ другихъ людей, не изключая родственниковъ своихъ. Къ немощнымъ и неимущимъ суровъ и безчеловѣченъ.

Поступки Японцевъ, ихъ шутливой нравъ, непринужденная откровен-

венность, дѣлаетъ ихъ любезными въ обществѣ. Японія качествами жителей походила бы на самые благоустройные края Европы, естьли бы не мѣшалъ тамошній образъ правительства.

Властелины вольны въ жизни и смерти зависящихъ отъ нихъ, отцы дѣтей, мужья женъ. Умертвившій слугу своего долженъ только доказать предъ судомъ причину, которая вывела его изъ умѣренности въ наказаніи.

Въ лѣтописяхъ сего народа есть примѣры и рѣдкаго великодушія и ужасныя чудеса отважностей. Католицкой монахъ Шарльруа такъ повѣствуетъ о случившемся въ тысяча шесть сотъ четвертомъ году: овдовѣла одна женщина. Мужъ ея оставилъ ей послѣ себя трехъ малолѣтныхъ сыновей и крайнее убожество. Дѣти, узнавъ, что труды рукъ ихъ не могутъ доставлять, что было необходимо для содержанія семейства,

 посту-

поступили на дѣло, можетъ быть неслыханное никогда: не задолго предъ тѣмъ было обнародовано, что естьли кто поимаетъ и приведетъ вора, тотъ получитъ нѣсколько денегъ. Два брата кинули между собою жребій, кому назваться воромъ, и которымъ изъ нихъ двумъ быть поимщиками. Первой жребій палъ на самаго меньшаго. Связали его другіе два и представили предъ судью. Въ допросѣ признался онъ во многихъ кражахъ, обложенъ былъ оковами и заключенъ въ тюрьму; а приводцы, получивъ деньги, отнесли къ матери. Самопроизвольнымъ страданіемъ меньшаго брата сокрушаемые нашли способъ его навѣстить, и думая, что никто ихъ не видитъ, предались движеніямъ сердецъ своихъ. Но по случаю былъ не далеко отъ нихъ тюремной чиновникъ, котораго они не примѣтили. Плачь троихъ молодыхъ людей, двухъ упреки противу самихъ себя, а третіяго ихъ извиненія и непрестанныя другъ друга обниманія крайнѣ его удивили. За двумя мнимыми

мыми доносчиками послалЪ онЪ вЪ слѢдЪ назоромЪ. Донесено ему было, что сіи молодые люди вошли вЪ такой-то домЪ; что слышно было, какЪ они разсказывали одной женщинѢ, именуя ее своею матерію, обстоятельства задержанія меньшаго ея сына; что она, горько заплакавЪ, нудила возвратить деньги судьѢ, заклиная-сь, что лучше хочетЪ умереть сЪ голоду, нежели продлить дни свои цѢною погибели ихЪ брата . . . . . . Судья жалостію и удивленіемЪ наполнился. УзникЪ былЪ кЪ нему приведенЪ. Допрашивая вновь, никакЪ не могЪ его довести не признавать себя воромЪ . . . . „ Я знаю все, сказалЪ „ ему, подойди ко мнѢ и дай мнѢ себя „ обнять. „

Кубосама, увѢдомленной судьею, пожелалЪ увидѢть трехЪ братьевЪ; принялЪ ихЪ отечески и повелѢлЪ изЪ казны своей производить имЪ по смерть ихЪ: меньшему брату по полторы тысячи, а двумЪ старшимЪ по пяти сотЪ рублей [на наши деньги] ежегодно.

 Чув-

Чувствительность къ чести заводитъ Японцевъ въ дѣла, не меньше чрезвычайныя. Кемпферъ свидѣтельствуетъ, что два дворянина, встрѣтившіеся на Дворцовомъ крыльцѣ, ненарочно зацѣпились саблями. Сходившій внизъ принялъ то за обиду; другой извинялся неумышленностію: .... „Бѣда впрочемъ не велика; сабля „сабли стоитъ..... Я тебѣ докажу „ихъ разность.„ Выговоривъ сіе, вынялъ ножъ свой и распоролъ себѣ брюхо. Другой равнодушно донесъ блюдо, которое у него было въ рукахъ, до Государева стола, возвратился къ умирающему своему сопернику и сказалъ ему:...... „Я бы тебя упре„дилъ, ежели бы не удержало меня „исполненіе должности моей; теперь „смотри, стоитъ ли моя сабля тво„ей.„ Съ послѣдними словами вонзилъ въ себя ножъ и упалъ на него мертвъ.

Много надобно имѣть духа даже до сего презирать жизнь, но не бѣшенство ли морить себя за ничто? Добро-

добродѣтель вонъ изъ мѣры не есть добродѣтель.

На пирахъ чины и обряды почти безконечны; тьма служителей окружаютъ гостей. Но хранится такая тишина, какъ бы не было въ домѣ ни одного человѣка. Не видно ни въ чемъ ниже самаго малаго безпорядка. Блюды съ кушаньемъ украшены шелковыми лентами. Не подаютъ никакой птицы безъ вызолоченныхъ лапокъ и носовъ. Не бываетъ пира безъ музыки; словомъ, ничто не бываетъ забыто ко услажденію и ушей и глазъ; но въ дѣлѣ главномъ, то есть, чтобъ снѣди были вкусны, недостатокъ.

Во всякомъ городѣ есть мѣсто за рѣшетками, на которомъ провозглашаютъ народу высочайшую, какъ говорятъ Японцы, волю, или указы Кубосамы.

Домы простыхъ гражданъ не имѣютъ болѣе шести саженъ въ высотѣ своей да и рѣдкіе такъ высоки,

разве

развѣ кто захочетъ въ нихъ же имѣть и свои кладовыя.

Дворецъ въ одно только жилье. Частыя землетрясенія не допускаютъ Японцевъ строиться выше.

Всякое тамъ зданіе естьли уступаетъ нашимъ зданіямъ прочностію и возвышеніемъ, то конечно равняется покойнымъ расположеніемъ и красивостію. Почти всѣ домы у Японцевъ деревянные, въ четыре, или пять футовъ отъ земли до полу въ предохраненіе ихъ отъ сырости. Кажется, что нѣтъ у Японцевъ погребовъ. На случай пожара при каждомъ домѣ кладовая: одна у ней сторона каменная, а прочія три дощатыя, наплотно обитыя толстыми рогожами.

Домы знатныхъ людей раздѣлены на двѣ половины: одна для женскаго пола, которой рѣдко выходитъ изъ своей половины; въ другую всегда свободной входъ желающимъ видѣть

дѣть хозяина. Лучшій фарфоръ, отмѣнно вылакированные Японскіе ларцы и укладки, не въ гостиныхъ разстанавливаютъ комнатахъ, но берегутъ на мѣстахъ, меньше опасныхъ отъ пожару и землетрясенія.

Нѣтъ головою ни печей, ни каминовъ. Въ комнатахъ, которыя другихъ больше, на срединѣ подъ поломъ дѣлаютъ четвероугольные каменные очаги, наполняя ихъ или горячимъ угольемъ, или горячею же золою. Довольно нагрѣваются домы. Въ студеную погоду ставятъ надъ самымъ очагомъ низкой столъ, покрываютъ его ковромъ и на немъ сидятъ. Гдѣ нѣтъ такихъ очаговъ, тамъ кладутъ уголье, или золу, въ мѣдные, или глиняные горшки. Вмѣсто щипцовъ ворошатъ уголье, чтобъ лучше горѣли, желѣзнымъ прутомъ; также ловко сіе Японцамъ, какъ употреблять, сидя за столомъ, двѣ малыя палочки вмѣсто вилокъ.

Одна часть садовъ зажиточныхъ людей вымощена разноцвѣтными круг-

лыми камнями; берутЪ ихЪ или со дна рѣкЪ, или у морскаго берега; другая усыпана хрящемЪ, непрестанно подметаемымЪ. Вездѣ впрочемЪ видѣнЪ умышленной и пріятной глазамЪ безпорядокЪ: не большіе бугры дикаго камня, сЪ коихЪ текутЪ сЪ шумомЪ воды; рощицы, рѣки, полныя рыбы, плодовитыя древеса, разныя отборныя растѣнія; словомЪ, все то, что мы называемЪ Аглинскими садами.

Большія проѣжжія дороги содержатся во всегдашней исправности, обсажены соснами и иными деревьями, вездѣ приведены кЪ нимЪ ручьи, понадѣланы рвы для скату воды на низкихЪ мѣстахЪ, насыпи отЪ высокихЪ мѣстЪ, удерживающія отЪ наводненія. Ближнія деревни обязаны исправлять сіи работы. ЧистятЪ дороги повсядневно. ПроѣжжаетЪ ли какой нибудь знатной человѣкЪ, то имѣетЪ всегда предЪ собою чиновниковЪ, должныхЪ ему отвѣчать, чтобЪ все было вЪ порядкѣ. На из-

вѣстномЪ

вѣстномъ разстояніи насыпаны кучи песку для заравниванія ямъ и осушенія лужъ отъ дождей. Для вельможей и правителей городовъ на всякихъ трехъ миляхъ бесѣдки изъ древесъ, въ коихъ находятъ они нужное къ своему отдохновенію.

Такое содержаніе дорогъ не тягостно однакоже поселянамъ; все то, отъ чего оныя портятся, служитъ къ ихъ пользѣ: жерди и сучья берутъ себѣ на дрова, коихъ на многихъ мѣстахъ Японіи очень мало, а всякую нечистоту свозятъ на свои нивы и ихъ тѣмъ утучняютъ.

Проложены дороги чрезъ неприступныя горы; построены мосты на всѣхъ рѣкахъ, между коими, по свидѣтельству Кемпфера, есть на сорокѣ дугахъ и въ четыре ста саженъ длиною, большею частію изъ кедроваго лѣса, а нѣкоторые и каменные. Почти всѣ съ перилами, на перекладинахъ по обѣимъ сторонамъ мѣдные шары.

Ни-

Никакой Японецъ не выходитъ изъ дому своего безъ опахала въ рукѣ. На дорожныхъ опахалахъ нарисованы мѣста, которыми ѣхать, и всѣ находящіеся на ней постоялые дворы. Продаются небольшія книжки, съ коими можно всякой разъ справиться, почему гдѣ и что продается.

Самые большіе Японскіе корабли суть торговые; не ходятъ никогда далеко въ море, можно назвать, самое свирѣпое; а перевозятъ только людей и товары съ острова на другой. Суда не крѣпкія. Выжидаютъ время, не подвергаясь опасности, отваливать отъ берега. Болѣе уже, нежели за сто лѣтъ законами запрещено строить лучшія, хотя употребляемыя тамъ такъ плохи, что товары на нихъ не защищены ни отъ дождя, ни отъ волнъ. Политика Двора находитъ то предосторожностію, чтобъ лишить Японцевъ всякаго покушенія на далекое плаваніе. Корма у сихъ судовъ совсѣмъ открытая, обдѣлка ея столь ненадежна, что при вѣтрѣ по-

посредственной крѣпости или пристаютъ къ берегу, или убравъ парусы, кидаютъ якорь. Повѣствователь о Японіи замѣчаетъ, что болѣе отваживаются на морѣ дикіе народы во Флоридѣ и Канадѣ на челнахъ изъ древесной коры и на такъ называемыхъ пирогахъ, нежели Японцы на самыхъ большихъ своихъ судахъ.

По Японіи въ большихъ деревняхъ, принадлежащихъ знатнымъ людямъ и которые называются Сіуку, находятъ за умѣренную цѣну лошадей, сколько кому надобно, носильщиковъ, слугъ и все нужное къ поспѣшному и спокойному путешествію. Такія деревни одна отъ другой по большей части въ полуторѣ милѣ; нѣтъ ни одной далѣе четырехъ миль. Между городовъ Ѣдо и Озака Кемпферъ сосчиталъ ихъ пятьдесятъ шесть. Наполнены онѣ сочинителями дневныхъ записокъ, что бы гдѣ ни произошло, нарочными для разсылокъ съ письмами частныхъ людей и указами отъ Императора. Письма тот-

часЪ по полученіи относятЪ до первой деревни вЪ черныхЪ лакированныхЪ ящикахЪ на концѢ палки, положа ее на плечо. ХодятЪ всегда по двое, чтобЪ было кѢмЪ одному другаго перемѢнить вЪ нужномЪ случаѢ. Всякой проѢзжій, кто бы ни былЪ, услышавЪ колокольчикЪ, которой письмоносцы привѢшиваютЪ кЪ палкѢ, долженЪ выйти изЪ повозки своей и дать имЪ дорогу.

На почтовые дворы никто не вЪѢзжаетЪ, а есть постоялые, гдѢ все достать можно. СтѢны, стоячіе щитки и полЪ вЪ крайней содержатЪ чистотѢ; у всякаго постоялаго двора баня и купальня. Вельможа первой знатности бываетЪ услуженЪ не хуже, нежели у себя дома. Каждой предЪ сЪѢздомЪ своимЪ обязанЪ подмести и вычистить покои, которые онЪ занималЪ. СловомЪ, внутреннимЪ украшеніемЪ лучшіе постоялые домы не уступаютЪ ДворцамЪ; даже и нужники ихЪ довольно прибраны.

Толи-

Толикія выгоды для путешественниковъ произвели то, что большія дороги заселены такъ какъ бы непрерывающимися одинъ за другимъ городами. Кемпферъ ѣхалъ знаменитѣйшею въ Японіи дорогою, называемою Токаидо, видѣлъ на ней людей не меньше, нежели когда либо бываетъ на улицахъ первѣйшихъ Европейскихъ городовъ. Князи и вельможи, пріѣзжая ею дважды на всякой годъ ко Двору и обратно по своимъ мѣстамъ, стараются всегда, чтобъ число повозокъ, чиновниковъ и служителей было достойно ихъ знатности. Такой обозъ не можетъ инако, какъ многими днями проминовать одно мѣсто. Цѣлыя двои сутки тянутся возы съ кладью, а при нихъ нижніе чины и нижніе также служители проѣзжающаго господина раздѣлены на обозы. На третій уже день появляется и самъ онъ съ ближними своими людьми: нѣкоторые изъ нихъ у него напереди, другіе его окружаютъ, а прочіе позади строемъ. Для каждаго есть назначенное мѣсто, гдѣ ему ѣхать.

Кемпферъ оканчиваетъ описаніе свое тѣмъ, что почти нѣтъ числа непотребнымъ женщинамъ по постоялымъ дворамъ, малымъ и большимъ; по шалашамъ, въ коихъ продаютъ чай и жареное мясо, паче же на островѣ Нипонѣ. Днемъ и ночью, особливо около полудни, одѣвшись, выкрасивъ у себя лице, или стоятъ у воротъ, или сидятъ въ продолговатыхъ буткахъ, выдавшихся на улицу, учтиво зазывая къ себѣ проѣжжихъ и прохожихъ.

Тотъ же странствователь такъ пишетъ о изгнаніи изъ Японіи Португальцевъ и всѣхъ иныхъ Христіянъ:

„Часто я слыхалъ отъ Японцевъ, достойныхъ вѣроятія, что „гордыня и любостяжаніе Португальцевъ главною были причиною тому, „что ихъ возненавидѣли въ семъ государствѣ. Сами новообращенные „тамъ Христіяне съ трудомъ сносили, что наставники ихъ не столько пеклись о спасеніи ихъ душъ, „сколько о томъ, какъ бы больше

„ по:

„поскопить отъ нихъ денегъ и до-
„стать во владѣніе земли, имъ при-
„надлежащія; что Португальскіе куп-
„цы, сбывъ съ рукъ самою дорогою цѣ-
„ною товары свои, брали еще сверьхъ
„того превеликіе проценты; увидѣли
„и ими самими неожиданные успѣхи
„и распространеніе ученія Евангель-
„скаго, а отъ сего всѣ они, и духов-
„наго и свѣтскаго состоянія, равно
„стали горды. Главнымъ надъ пер-
„выми низко уже казалось ходить
„пѣшкомъ, послѣдуя Христу и Апо-
„столамъ. Велѣли, подражая Папѣ
„и Кардиналамъ Римскимъ, но-
„сить себя въ великолѣпныхъ повоз-
„кахъ на плечахъ человѣческихъ, воз-
„мечтали о себѣ, что они не толь-
„ко равны, но еще и превыше самыхъ
„знатнѣйшихъ въ Японіи вельможей.

„Случилось нѣкогда, что Порту-
„гальской Епископъ, повстрѣчавшись
„на большей дорогѣ съ однимъ изъ
„членовъ государственнаго совѣта,
„не остановилъ своихъ носилокъ и
„не вышелъ изъ нихъ поклониться ему

„по обычаю. Несмысленная сія поступ„ка, а притомъ и въ такое время, „когда начала уже упадать сила Пор„тугальцевъ, долженствовала про„извести вредныя для нихъ слѣдствія. „Членъ совѣта жаловался Императо„ру, не забывъ въ самой точности „донести ему о всей надмѣнности и „высокомѣріи старѣйшинъ Христіян„скихъ. Сіе было въ тысяча пять „сотъ девяносто шестомъ году. Ско„ро послѣ того возникло гоненіе на „Христіянъ.

„Японское духовенство, раздра„женное разломаніемъ капищъ и идо„ловъ Христіянами, умножило гнѣвъ „Императора Таико; не скрылось отъ „его проницанія, что были всѣ они „единодушны, а сіе-то самое и бо„лѣе всего наводило ему безпокой„ство.

„Началось гоненіе его указомъ „пресѣчь ученіе отцевъ. [Такъ въ „тѣ времена называлась въ Японіи „проповѣдь Евангелія.] Потомъ помѣ-

„стные

„стные правители и всѣ знатные „государственные чиновники получи„ли повелѣніе обратить всѣхъ окре„щенныхъ Японцевъ во отечествен„ную ихъ вѣру; ежели не помогутъ „увѣщанія, то и силою. Старшинамъ „надъ Португальцами накрѣпко бы„ло заказано не ввозить вновь на „судахъ своихъ въ Японію никого „изъ духовныхъ, и собравъ до еди„наго всѣхъ находящихся по разнымъ „мѣстамъ государства, отправить „за море.

„Законы, толико строгіе, не ско„ро однако же въ точности стали „быть исполняемы. Португальцы и „Кастильцы не переставали подво„зить въ Японію новыхъ проповѣд„никовъ Христіянской вѣры.„

Нѣкоторые изъ монаховъ Францисканскаго чина, жившихъ въ Японіи въ званіи пословъ отъ Манильскаго правителя, явно говорили проповѣди по улицамъ города Меако; построили церковь въ противность вышесказан-

нымъ законамъ, отсовѣтованія и прозьбъ Іезуитовъ. Такое очевидное презрѣніе воли Императора нанесло ударъ, неисправимой никогда: полилась вездѣ кровь, погибли многія тысячи Христіянъ, искоренилась православная вѣра, Португальцы изгнаны вѣчно изъ Японіи.

Дворъ однако же не восхотѣлъ лишиться товаровъ и рѣдкостей чужестранныхъ. Умерщвлены были всѣ духовные люди, уроженцы Португальскіе, но пощажены свѣтскіе и купцы. Не нарушилися заключенные съ ними торговые договоры, какъ такія постановленія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ надлежащимъ до Христіянской вѣры.

Въ тысяча шесть сотъ тритцать пятомъ году начата строить Европейская таможня на островѣ Дезимѣ, при Нангазакскомъ морскомъ пристанищѣ, которая и до нынѣ въ рукахъ у Голландцовъ. Тамъ же велѣно было жить и Португальцамъ; но

послѣ

послѣ открывшагося потомъ злоумышленія на жизнь Японскаго Государя, въ которомъ они имѣли участіе, послѣдовало совершенное ихъ истребленіе.

Голландцы, отъ давняго времени соперники Португальцамъ въ Японской, такъ какъ и во всей Азіатской торговлѣ, были орудіями ихъ паденія, и присвоили потомъ себѣ все оставшееся послѣ нихъ. Овладѣвъ ихъ судами не подалеку отъ мыса Доброй Надежды, нашли между прочимъ письма къ Португальскому Королю отъ главнаго надъ всѣми, бывшими тогда въ Японіи Португальцами, именемъ Моро, Японца природою, но весьма приверженнаго къ Христіянской вѣрѣ. Письма сіи съ крайнимъ поспѣшеніемъ переслали ко Фирандскому Князю, своему покровителю; а онъ отдалъ ихъ Нангазакскому правителю, вышнему судьѣ всякихъ дѣлъ Португальцевъ въ Японіи, которой, не взирая на доброхотство свое къ нимъ, принужденъ

 былъ

былъ задержать Мороя. Не признался, такъ какъ и всѣ Нангазакскіе Португальцы; но ни его твердость духа, ни помощь судьи, не избавили его на сей разъ: онъ и сообщники его уличены, что письма писаны его Мороя рукою, его печатью были запечатаны, за что и казнили его мучительною смертію.

Кемпферъ, ни мало не смягчая выраженій своихъ, говоритъ, что въ сихъ письмахъ очевидно обнажился умыслъ Японскихъ Христіянъ и природныхъ Португальцевъ противу Императора и государства.

„Примѣтно то было, что не до-
„ставало имъ кораблей и воинства,
„обѣщанныхъ прислать изъ Порту-
„галліи. Значились имена Японскихъ
„знатныхъ господъ, приставшихъ къ
„сему умыслу, какъ и то, чего мо-
„гли они ожидать отъ Римскаго Па-
„пы. Сначала провѣдали о заго-
„ворѣ семъ Голландцы, а послѣ обна-
„ружился письмами корабельщика Мо-

„роя

„роя къ правителю надъ Португаль-
„цами города Меако, перехваченны-
„ми однимъ Японскимъ судномъ.
„Сверхъ двухъ толико сильныхъ сви-
„дѣтельствъ въ тоже самое время
„тайно прибыло изъ Европы множе-
„ство духовенства.

„Въ тысяча шесть сотъ трит-
„цать седьмомъ году Императоръ
„издалъ законъ, затворяющій вѣчно
„какъ входъ въ государство свое
„иностранцамъ, такъ и выѣздъ изъ
„онаго природнымъ своимъ поддан-
„нымъ.„

Въ тысяча шесть сотъ тритцать осьмомъ году, когда уже Португальцы были въ самомъ отчаянномъ состояніи, около четырехъ тысячь крещеныхъ Японцевъ, устрашенные мучительною смертію почти безчисленнаго множества единовѣрныхъ съ ними, укрылись въ старинномъ замкѣ, близко отъ города Симабары, заклявшись между собою защищать себя до самой крайности. Голландцы, какъ

друзья

друзья и союзники Императора, были прошены помогать ему при осадѣ сего замка. Кокбекеръ, правитель Голландской торговли въ Фирандѣ, съ однимъ только кораблемъ, которой у него тогда былъ, съ поспѣшеніемъ приближился, куда его призывали, и чрезъ двѣ недѣли сдѣлалъ по замку четыре ста двашцать шесть пушечныхъ выстрѣловъ какъ съ корабля, такъ и съ бойницы, устроенной имъ на берегу. Побилъ у осажденныхъ много людей, раззорилъ ихъ укрѣпленія; словомъ, почти напослѣдокъ не оставалось ни одного нераненаго у нихъ человѣка. Дѣйствіе сіе дало послѣдній, можно сказать, смертной ударъ Христіянству въ Японіи, и послужило ко окорененію Голландцовъ, не взирая на принятое намѣреніе Дворомъ выгнать изъ государства всѣхъ безъ изключенія чужестранцовъ. Средство непозволенное, самъ Кемпферъ такимъ его находитъ. Столь подлая прислуга конечно не снискивала Голландцамъ народной довѣренности и почтенія; да и дорогою цѣною купили они то,

что ихЪ тамЪ терпѢть стали. Ждали они, что во мзду своихЪ заслугЪ будутЪ совершенную имѢть вольность производить торговлю, и могутЪ получить вЪ руки все оставшееся имѢніе послѢ ПортугальцевЪ, своихЪ соперниковЪ; но не замедлили узнать, что должно имЪ было раззорить до основанія таможню и кладовыя на островѢ ФирандѢ, не за долго предЪ тѢмЪ ими построенныя ради того только, что были построены изЪ тесанаго камня и на челѢ ихЪ написанЪ былЪ годЪ по Христіянскому лѢтосчисленію; а далѢе принуждены были и со всемЪ, оставивЪ прежнее свое сельбище, перебраться на малой тотЪ островЪ, гдѢ прежде ихЪ живали Португальцы. Приставили кЪ нимЪ особыхЪ чиновниковЪ, особую стражу и особыхЪ назирателей надЪ ихЪ поступками, удвояя ихЪ во всякое вновь прибытіе ГолландскихЪ судовЪ и во время продажи ихЪ товаровЪ; увидѢли себя обязанными давать приставникамЪ своимЪ великое жалованье;

узнали,

узнали, что каждой изъ нихъ, вступая въ должность, приводится къ присягѣ въ томъ, что отрекается онъ отъ всякаго съ Голландцами сообщенія; что не удостоитъ ихъ никогда ниже малѣйшей своей довѣренности.

Въ дневной запискѣ Кемпфера упомянуто, съ какимъ презрѣніемъ принимаютъ ихъ у Двора. Всякой Японецъ, сколько нибудь ихъ уважающій, безчеститъ себя и разумѣется недоброхотомъ къ отечеству. Отъ сего возникло всеобщее тамъ мнѣніе, что и славно и должно покупать у Голландцовъ все самою низкою, а продавать самою высокою цѣною, обманывать ихъ, кто какъ бы ни захотѣлъ, день отъ дня болѣе стѣснять ихъ свободу, умалять всякія выгоды и непрестанно примышлять способы увеличить ихъ рабство.

Японецъ, что нибудь у нихъ укравшій и съ тѣмъ поиманной, долженъ возвратить покраденное. Караульные

на

на островѣ ратники тогда же наказываютъ его плетью. За большія кражи выгоняютъ изъ острова на короткое время.

Всякаго напротивъ того Голландца, приличившагося въ какомъ нибудь обманѣ Японской таможни, казнятъ смертію: рубятъ голову, или вѣшаютъ на крестѣ.

Никакой Голландецъ не можетъ послать письмо вонъ изъ государства, не показавъ правителямъ того мѣста, гдѣ онъ находится, а сіи записываютъ оное въ нарочныхъ книгахъ.

Письма, получаемыя изъ чужихъ земель, разпечатываются тѣми же правителями.

Прежде сего бывало, что тѣлеса умершихъ Голландцовъ въ Нангазаки вывозили вонъ изъ гавани и бросали въ море, а нынѣ отведено для нихъ кладбище на горѣ Инасѣ.

Сколь-

Сколько ни писано было, что всякой Голландецъ долженъ предъ Японскими чиновниками наступить ногою на крестъ, но то еще не довольно доказано; достовѣрно же есть, что не смѣетъ никто изображать на себѣ креста рукою, читать молитвъ и тому подобное. Всѣ сіи подробности выбраны сокращенно изъ многихъ главъ сочиненія Кемпфера, въ которыхъ видны непрерывающіяся никогда притѣсненія, терпимыя Голландцами отъ природныхъ тамошнихъ жителей.

Читатель! представь себѣ обидные тѣ законы, по которымъ поступаютъ Японцы въ прибытіе кораблей: необходимость ввѣрить товары тамошнимъ чиновникамъ; на берегъ свозятъ ихъ люди незнакомые; странное поведеніе сказанныхъ чиновниковъ въ разсужденіи Голландцовъ, а притомъ и на такомъ островѣ, которой не болѣе ста саженъ имѣетъ въ длинѣ, а сорока саженъ поперегъ; представя себѣ всѣ ихъ прихоти,

суро-

суровости, ненависть и презрѣніе, отъ коихъ, можно сказать, зависитъ и самая жизнь послѣднихъ, конечно съ нетерпѣніемъ вопросишь: . . . . . Да въ чемъ же состоятъ выгоды и прибытки Голландцовъ, для которыхъ бы можно имъ было сносить толикія уничиженія?

Кемпферъ увѣдомляетъ насъ, какіе товары возятъ Голландцы въ Японію: шелкъ сырецъ изъ Китая, Тонкина, Бенгала и Персіи; шелки же всякихъ иныхъ родовъ; ткани шерстяныя и другія изъ тѣхъ же народовъ, но безъ золота и серебра; Европейскія сукна и иныя ткани, всего же больше Аглинскія саржи; красильное дерево, называемое нами сапаномъ и Бразильскимъ; буйволовыя, оленьи и другихъ звѣрей кожи; воскъ, рога буйволовъ Сіамскихъ, Камбойскихъ и Кордуанскихъ; выдѣланныя кожи Персидскія, Бенгальскія и изъ другихъ краевъ; Испанскія же и Манильскія кожи вывозить запрещено подъ вели-

кимЪ наказанiемЪ; перецЪ, сахарной песокЪ и сахарЪ же леденецЪ, гвоздику, мускатные орѢхи [корица тамЪ не во употребленiи], бѢлой Тиморской сандалЪ, Бароская камфара изЪ острововЪ Борнео и Суматры, ртуть, киноварь и шафранЪ Бенгальскiя, свинецЪ, селитра, бура, или бораксЪ, квасцы изЪ Бенгала и Сiама, Тонкинской мускусЪ, корольки, янтарь, антимонiя, коею красятЪ Японцы фарфорЪ, Европейскiя зеркалы, зеркальные же обломки, стекла увеличивательныя и кЪ очкамЪ, Масанг-Де-Вака, врачебной камень, вынимаемой изЪ желчнаго пузыря Мозамбикскихъ коровЪ; деревья змѢиныя, Адфiаерь, бамбуевыя и мангловыя; всякiе зеленые ИндѢйскiе плоды, вареные сЪ ТурецкимЪ перцомЪ и чеснокомЪ вЪ уксусѢ, карандаши изЪ морскаго свинцу, красной болусЪ, коимЪ пишутЪ какЪ карандашами, вычищенная ртуть, малыя пилки, иглы, готовыя очки, большiе стаканы для питья самаго лучшаго хрусталя, поддѢльные корольки, рѢдкiя птицы и всякiя иныя любо-

любопытство довольствующія вещи, и естественныя и поддѣльныя.

Охотнѣе всего раскупаютъ Японцы шелкъ сырецъ, хотя сей товаръ меньше всѣхъ другихъ приноситъ барыша продавцамъ. Португальцы по сей причинѣ прозвали сію торговлю Паркадо, подъ которымъ именемъ извѣстна она и до нынѣ въ Японіи.

Всякія ткани и полотна сходятъ съ рукъ надежно и прибыточно. Довольно также получаютъ барыша отъ кожъ и Бразильскаго дерева. Самые пріятные для Японцевъ товары суть сахаръ, Кашу, или нѣкоторой особой родъ Индѣйской смолы, стираксовая смола Патсью, Борнеоская камфара, зеркалы, корольки и янтарь.

Въ первыя времена, какъ завелась торговля Голландцовъ въ Японіи, посылали они туда ежегодно не меньше семи судовъ со всякими своими товарами; а какъ загнали ихъ жить на малой островъ Дезиму, то ходятъ

только по три, или по четыре. НынѢ товаровЪ имѢть имЪ позволено вЪ половину противу КитайцевЪ, по цѢнѢ на десять сЪ половиною бочекЪ золота; цѢна же на ихЪ товары повсягодно мѢняется, смотря потому, когда какой бываетЪ на нихЪ расходЪ.

„ВЪ сложности, пишетЪ Кемп„ферЪ, получаемЪ мы барыша по ше„стидесяти процентовЪ; но естьли вы„числить всѢ наши убытки, то не „приходитЪ болѢе, какЪ по сороку „процентовЪ. НажитокЪ, почти ни„чего не значущій Восточнаго ИндѢй„скаго торговаго нашего общества, „обязаннаго имѢть толикія издерж„ки; да и не стоило бы труда про„должать намЪ Японскую торговлю, „ежели бы мы не доставали отту„да многихЪ нужныхЪ и прибыточ„ныхЪ для насЪ вещей, паче же са„мой чистой мѢди. И такЪ валовой „счетЪ нашихЪ барышей можетЪ про„стираться до девяноста процентовЪ. „Можно кЪ тому пріобщить, что

„и

„и расходы наши не одинаковы на „всякой годъ.„

Голландцы часть своихъ вырученъ употребляютъ на закупку чистой мѣди и вывозятъ ее ежегодно до двадцати тысячь круглыхъ прутовъ, длиною въ четверть, толстотою въ одинъ дюймъ. Всякой прутъ кладется въ сосновую укладку. Три, или четыре Голландскія судна, плавающія изъ Японіи, большею частію ими нагружены. Одно такое судно ходитъ кратчайшимъ путемъ въ Батавію, а два другія пристаютъ къ острову Пуло-Тамону, при Малакскихъ берегахъ, а оттуда продолжаютъ плаваніе и до самаго города Малаки. Малакской правитель послѣ того отправляетъ ихъ попеременно то въ Бенгалъ, то къ Коромандельскимъ берегамъ, или и въ иныя мѣста, смотря по обстоятельствамъ.

Достальной ихъ грузъ состоитъ въ простой мѣди, въ плиткахъ круглыхъ, въ мѣлкихъ ходячихъ день-

 гахъ

гахъ для отвезенія въ Тонкинъ. Вся сія мѣдь продается Голландцамъ отъ Японскаго торговаго общества, которому одному дано отъ Императора изключительное право дѣлать мѣдь самою чистою и продавать иностранцамъ. Въ грузъ Голландскихъ судовъ входитъ отъ шести до двенатцати тысячь фунтовъ Японской камфары въ деревянныхъ бочкахъ, нѣсколько кипъ фарфору, одинъ, или два ящика золотой проволоки, по сту свертковъ въ бочкѣ, разнаго рода укладки, ларцы, ящики и всякая иная деревянная посуда подъ лакомъ, щитки отъ солнца, щитки комнатные стоячіе и разныя мѣлочи, плетеныя изъ разпластаннаго тростника, рога разныхъ животныхъ, рыбьи кожи, которыя умѣютъ выдѣлывать Японцы отмѣнно чисто, дорогіе каменья, золото, Сова, или составной металлъ изъ мѣди, серебра и золота, не дешевле цѣнимой самаго чистаго серебра, ратанъ, крашеная, золоченая и серебреная бумага, бумага же прозрачная лакированная, сарацинское

пшено,

пшено, какого нѣтъ лучше во всей Азіи, Сакки, родъ питья, дѣлаемаго изъ сего пшена, шалфея, миранда, вареные плоды, зубчатой тобакъ, разные роды чая, ягодники и по нѣскольку тысячь золотыхъ Кобанговъ. (*)

Ко утѣшенію Голландцовъ служитъ только то, что не лучше Японцы обходятся и съ Китайцами. Навлекши единожды на себя подозрѣніе въ такой землѣ, гдѣ боятся ихъ предпріятій, принуждены стали жить тамъ какъ бы въ тюрьмѣ, и подобно Голландцамъ въ заперти. Въ тысяча шесть сотъ восемдесятъ осьмомъ году отведенъ подъ жилище ихъ садъ, принадлежавшій прежде одному изъ надзирателей Дворцовыхъ имѣній, близкой и къ городу и къ морскому берегу, противу самой средины гавани. Наполненъ онъ былъ самыми лучшими растѣніями тамошними и чужестранными. На семъ-то мѣстѣ

 на-

(*) Азіатскія монеты.

настроены многіе ряды небольшихъ домиковъ, каждой рядъ подъ одною кровлею, вокругъ вырытъ ровъ, стоячій деревянной заборъ съ двумя воротами. Сіе превращеніе произведено съ толикою поспѣшностію, что на мѣстѣ, гдѣ въ Февралѣ мѣсяцѣ былъ садъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ, въ мѣсяцѣ Маѣ увидѣли подобіе мрачной тюрьмы, въ которую заключили Китайцевъ и приставили къ нимъ надежную стражу. Въ Японіи нѣтъ другаго для нихъ убѣжища, такъ какъ островокъ Дезима для Голландцовъ.

Терпимость всякихъ вѣръ въ семъ государствѣ до времени начавшагося гоненія на Христіянъ, къ предосужденію коренной въ ономъ вѣры, завлекла до двенатцати чужестранныхъ расколовъ, несходствующихъ ни въ правилахъ ученія, ниже въ обрядахъ богослуженія. Одни покланялись солнцу и лунѣ, другіе окуривали благовоніями разныхъ животныхъ, и такъ далѣе. Камисы, древніе владѣтели Япо-

Японіи, Фои Индѣйцовъ, всѣ тѣ люди, которые способствовали въ населеніи сихъ острововъ и завели общественное устройство, которые внесли на нихъ законы гражданскіе, науки и художества, или которые наконецъ завели новое богослуженіе, всѣмъ воздвигнуты храмы, каждой возъимѣлъ своихъ поклонниковъ.

Знатные Японцы большею частію не признаютъ никакого божества; вѣрятъ, что душа, также какъ тѣло, смертна, но притворяются держащимися какой нибудь одной вѣры.

И самые даже діяволы имѣютъ въ Японіи свои олтари и жертвоприношенія.

Камисами зовутъ Японцы и великихъ мужей, прославившихся въ жизни своей святостію, чудотвореніемъ и доставленіемъ пользъ отечеству. У всякаго такого Японскаго божества свой собственной рай, или въ воздухѣ, или на днѣ моря, въ солнцѣ, въ лунѣ, или въ которой нибудь одной

изъ звѣздъ. Нѣтъ города, ниже деревни, гдѣ бы не было столько же капищей, сколько обывательскихъ домовъ. Государь и вельможи стараются другъ друга превзойти въ постройкѣ великолѣпныхъ мольбищъ. Числу ихъ также мало тамъ дивятся, какъ и ихъ богатствамъ. Весьма во многихъ по осмидесяти и по сту кедровыхъ столбовъ безмѣрной высоты, необычайно великихъ истукановъ изъ красной мѣди, а прежде сего бывали золотые и серебреные. Предъ всякимъ висѣли такія же лампады; украшеніе всякаго стоило великой цѣны; надъ головою всякаго истукана изображено сіяніе. Капища свои зовутъ Японцы Міасъ, то есть жилище безсмертныхъ душъ. Кемпферъ видѣлъ ихъ болѣе двадцати семи тысячь.

Первоначальныя основанія ученія Синта суть: чистота сердца, воздержаніе отъ всякой нечистоты, какъ-то: оскверненія тѣла кровію, мясными яствами и прикосновеніемъ къ мертвечинѣ.

Жен-

Женщинѣ въ ежемѣсячной нечистотѣ своего пола возбраняется входить въ мольбище.

Праздники, установленные Синтомъ, бываютъ всегда въ одни дни на году. Въ каждомъ мѣсяцѣ ихъ по три: перваго, пятаго и послѣдняго чиселъ. Сверьхъ того еще пять праздниковъ въ извѣстные также въ году дни, разумѣемые несчастливыми, потому что число ихъ нечетка; по днямъ своимъ оные и называются.

Упомянули уже мы, пиша о Даирїѣ, что онъ есть верьховной первосвященникъ стариннаго Японскаго закона; что нѣтъ при немъ ни одного человѣка изъ духовенства, кромѣ знатныхъ придворныхъ его людей, которые, равно какъ и онъ самъ, не исправляютъ никакихъ духовныхъ должностей, а такъ называемые при немъ Канузисы суть только хранители капищей. Но законъ сей, или вѣра, отъ самыхъ отдаленныхъ временъ имѣетъ братство пустынниковъ, или

или Яммабосовъ, что значитъ горное воинство, которое обязано по званію своему сражаться и умирать, служа Камисамъ, защищая и поспѣшествуя благосостоянію ихъ богослуженія. Жизнь ведутъ самую суровую, странствуютъ непрестанно по горамъ, священными почитаемымъ; пища ихъ быліе и коренья; въ самыя жестокія стужи по зимамъ купаются въ холодной водѣ.

Японскіе Фекисы суть тоже самое, что три ста человѣкъ слѣпыхъ въ Парижѣ, но происхожденіе ихъ славнѣе. Государство нѣкогда было раздираемо двумя главными мятежническими единомысліями. Императоръ Феки былъ предводителемъ перваго, а Кубосама Кендцъ втораго. Каждое изъ сихъ единомыслій прозвано было по имени своего начальника; чрезъ долгое время Японія обагрялась кровію и терпѣла ужасныя бѣдствія. Счастіе содѣйствовало то той, то другой сторонѣ попеременно. Напослѣдокъ Кендцисы

подъ

подъ мудрымъ предвожденіемъ Ю̂ритомы, ставшимъ Кубосамою, одержали рѣшительную побѣду, на которой Императоръ былъ убитъ. Сей нещастной Государь имѣлъ полководца почти чрезъестественной храбрости и тѣлесной силы, коего звали Каккиго. Спасъ онъ остатокъ разбитаго войска. Однако же скоро потомъ пойманъ былъ побѣдителями. Ю̂ритомо, высоко его почитая, хотѣлъ склонить, чтобъ принялъ у него службу. Каккиго ему на то отвѣтствовалъ: .... „Я всегда былъ вѣрной „слуга добраго моего Государя, коего „когда нѣтъ уже на свѣтѣ, то и не „будетъ другаго для меня, которой „бы могъ похвалиться, чтобъ я и ему „столько же былъ преданъ и столько „же былъ вѣренъ. Признаюсь, что долженъ тебѣ жизнію, но признаюсь и въ „томъ, что не могу тебя видѣть, не „чувствуя желанія умертвить тебя „и отмстить за того, кого ты „меня лишилъ. Обстоятельства мои „дѣлаютъ меня безсильнымъ засвидѣтельствовать инако мою благодар-

„ность

„ность за твое предложеніе, какъ „вырвать самому себѣ эти мои два „глаза, которые побуждаютъ меня „искать твоей погибели.„ Сказавъ сіе, въ самомъ дѣлѣ выцарапалъ у себя глаза, и положивъ на тарелку, поднесъ Юритомъ. Ужасъ, соединенной со удивленіемъ, заставилъ послѣдняго дать ему вольность. Каккиго удалился во область Фіунга и тамъ основалъ общество слѣпыхъ подъ именемъ Феки, со временемъ чрезмѣрно размножившееся. Составляютъ оное всякаго состоянія слѣпые. Суть впрочемъ не духовные, но свѣтскіе люди; различаются отъ прочихъ Японцевъ обриваніемъ головы, также какъ и Бюсеты, или духовные Японскіе слѣпые. Одеждами же почти не разнятся, кромѣ только того, что можно узнать, какой кто изъ нихъ степени и знатности. И самые неимущіе не просятъ милостины, а содержатъ себя трудами рукъ своихъ. Многіе упражняются въ музыкѣ съ довольнымъ успѣхомъ. Призываютъ ихъ въ знатные домы по праздникамъ играть.

Жи-

живутъ разсѣянно по всему государству, а главной ихъ начальникъ въ городѣ Меако называется Озіоковъ. Даирій даетъ ему жалованья по четыре тысячи по триста таельсовъ на годъ. Начальствуетъ надъ всѣми своими подчиненными и правитъ ими въ совѣтѣ, составленномъ изъ десяти стариковъ. Имѣетъ власть въ жизни ихъ и смерти съ тѣмъ только умѣреніемъ, что предсѣдатель гражданскаго суда долженъ разсмотрѣть, подтвердить и произвесть въ дѣйствіе рѣшительные его смертные приговоры. Совѣтъ десяти мужей избираетъ и жалуетъ нижнихъ чиновниковъ по областямъ; главной надъ ними въ каждой области слыветъ Кенгіо. При всякомъ Кенгіо Котосы, или совѣтники, имѣющіе въ вѣдомствѣ своемъ всякой по особой округѣ. Отличаются отъ простыхъ слѣпыхъ ношеніемъ широкихъ штановъ. Кемпферъ видѣлъ въ Нангазáки одного Кенгіо и двухъ Котосовъ, отъ коихъ зависѣли всѣ слѣпые въ семъ городѣ и по окресностямъ.

Чуже-

Чужестранные идолы по внесенiи своемъ въ Японiю раздѣлили Японское богослуженiе на части. Поклоненiе онымъ называется тамъ Будсо, или Будсотъ.

Между новою сею вѣрою Японцевъ и вѣрою Браминовъ, то есть старинною Египетскою, окоренившеюся нынѣ во всѣхъ частяхъ Азiи, столь великое сходство, что можно согласно съ Кемпферомъ разумѣть Китайскаго и Японскаго Ксаку, Бонiанскаго Бодгу, Бодгума Цейланскаго, Саммоно-Кодома Сiамскаго, Пегуанскаго Саммоно-Рутаму, однимъ ложнымъ божествомъ.

Ничего нѣтъ приманчивѣе въ вѣрѣ Ксакской для народа такого качества, каковы Японцы, какъ безсмертiе, обѣщаемое за добродѣтели на семъ свѣтѣ и вѣчное блаженство другой жизни. Вотъ источникъ тому, что Японцы всякаго возраста и пола не только равнодушно ищутъ смерти, но и съ радостiю, умствуя, что

что пожертвованіе жизнію пріятно богамъ; что по такой своей смерти прямо вселятся въ рай, или мѣсто удовольствія и покоя безконечныхъ. Почти всегда видны при морскихъ берегахъ ладьи, наполненныя такими бѣсновѣрами, которые, или навязавъ на себя камень, бросаются въ воду, или прорубая ладьи, тонутъ, воспѣвая похвалы богу Канону, коего рай поставляютъ на днѣ моря. Безчисленное множество зрителей провождаютъ ихъ своими глазами. Отважность ихъ превозносятъ до небесъ, и просятъ, чтобъ ихъ благословили, прежде нежели покроются водою. Другіе закладываютъ себя кирпичами во глубокихъ ямахъ, оставляя столько для себя мѣста, чтобъ могли садиться, вставать и переводить дыханіе сквозь малую трубу, нарочно вдѣлываемую въ стѣну. Тамъ спокойнымъ духомъ умираютъ съ голоду, въ твердомъ упованіи, что самъ Ксака придетъ принять души ихъ въ свои объятія. Еще другіе взлѣзаютъ на превысокіе островерхіе каменные холмы,

 вну-

внутри коихъ есть сѣрная руда, выбрасывающая иногда пламень, и безумолкно призываютъ боговъ своихъ, чтобъ приняли жизнь ихъ себѣ жертвою, доколѣ не начнетъ холмъ выбрасывать огонь; а сіе служитъ имъ знакомъ, что жертва ихъ пріятна богамъ. Тогда, сомкнувъ глаза, бросаются стремглавъ въ пропасть, изрыгающую пламень. Еще другіе даютъ себя раздавить колесами тяжелыхъ повозокъ, на которыхъ возятъ идоловъ по праздничнымъ днямъ; еще другіе повергаются на землю въ тѣснотѣ народной и лежатъ, доколѣ не растопчутъ ихъ до смерти. Послѣднее дѣлается предъ капищами по большимъ праздникамъ, когда ко онымъ отвсюду стекается народъ.

Не всѣ Японцы такъ далеко простираютъ свое бѣсновѣріе; въ вѣрѣ Будсовой изложены разныя умерщвленія плоти. Большая часть держащихся сей вѣры идолопоклонниковъ въ самую жестокую зимнюю стужу начинаютъ день окачиваніемъ себя съ головы до ногъ даже до двухъ сотъ

разъ

разЪ водою со льдомЪ, отЪ чего однако же не пронимаетЪ ихЪ ниже сколько нибудь дрожь; многіе предпріемлютЪ далекія путешествія на богомолье, ходятЪ босыми ногами по кремнистымЪ дорогамЪ между тернія и всякихЪ иныхЪ колючихЪ растѣній сЪ непокровенною головою, снося солнечной зной, дождь и холодЪ, вскарапкиваясь на вершины самыхЪ утесныхЪ каменныхЪ горЪ, бѣгая невѣроятно скоро по мѣстамЪ, по коимЪ едва пробираться могутЪ дикія козы, означая путь, гдѣ за ними итти ихЪ послѣдователямЪ, кровію изЪ ранЪ своихЪ, такою дорогою причиненныхЪ. Нѣкоторые обязываются обѣтами призывать боговЪ своихЪ по нѣскольку тысячь на день, по нѣскольку тысячь класть земныхЪ поклоновЪ всякой разЪ пробивая лобЪ до кости. Есть Бонзы, называемые Дамабагисами и учениками Ксаки, кои предпріемлютЪ и оканчиваютЪ такія путешествія, равно какЪ и усердные имЪ подражатели. Достойно описать оныя подробно, основываясь на извѣстіяхЪ вѣроятныхЪ.

Около двухЪ сотЪ такихЪ странственниковЪ ежегодно собираются вЪ городЪ Нару, вЪ осьми миляхЪ отЪ города Меако. Путь свой начинаютЪ вЪ назначенной день. ИдутЪ семдесятЪ пять миль лѣсами и пустыми степями, столь непроходимыми, что едва подвигаются впередЪ на каждой день по одной милѣ. Всѣ они босы. Всякой несетЪ на себѣ столько сарацинскаго пшена, сколько надобно ему для пропитанія. Правда, что немного берутЪ сЪ собою сего запаса, долженствуя не больше сЪѣсть утромЪ и вечеромЪ, какЪ по одной только горсти подпеченыхЪ на огнѣ зеренЪ, и выпить чрезЪ весь день только по три стакана воды. Первые восемь дней идутЪ мѣстами, совсѣмЪ безводными, слѣдовательно и носятЪ воду сЪ собою; но какЪ часто случается, что или ее не достанетЪ, или она испортится, то многіе занемогаютЪ. Тѣ, которые не могутЪ далѣе итти, оставляются отЪ прочихЪ безЪ всякой жалости и помираютЪ самою мучительною смертію.

ВЪ

Въ осьми миляхъ отъ города Нары начинается путь въ гору. Берутъ проводниками Бонзовъ, называемыхъ Генгисами, приходящихъ туда нарочно изъ большей деревни Оцино. Проводивши они странствователей восемь миль до селенія Оцабы, сдаютъ ихъ для такого же препровожденія другимъ Бонзамъ, извѣстнымъ подъ именемъ Гогисовъ, которые слывутъ тамъ правителями ходящихъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Оба сіи чина Бонзовъ ведутъ самую строгую жизнь Не вѣдаетъ никто, какія мѣста служатъ имъ убѣжищемъ. Принятое мнѣніе о сихъ чрезвычайныхъ людяхъ, видъ лица и одеждъ ихъ, имѣющій нѣчто въ себѣ страшное, угрюмые ихъ взоры, гордая поступь, грубой ихъ голосъ, странныя замашки, невѣроятная скорость въ бѣганіи по закраинамъ и покатостямъ самыхъ утесныхъ горъ, висящихъ, можно сказать, надъ преглубокими пропастьми, наполняютъ ужасомъ сердца. Къ тому вѣрятъ Японцы, что знаются они съ чертьми

ми и съ ними разговариваютъ. Словомъ, можно ихъ почесть паче нѣкоторыми адскими духами, нежели человѣками. Однако же разумѣются наперстниками Ксаки и святыми мужами вышней степени.

Прежде всего повелѣваютъ странственникамъ наблюдать постъ, не говорить ни слова; за самое малое нарушеніе какъ сихъ, такъ и многихъ иныхъ своихъ имъ предписаній, взлазятъ съ виноватымъ на первое, какое попадется на дорогѣ дерево, велятъ ему уцѣпиться за вѣтви руками, повиснуть, и въ такомъ положеніи его покидаютъ. Несчастной, выбившись изъ силы долѣе держаться, падаетъ, и скатываясь въ глубокіе рвы съ камня на камень, убивается до смерти. Даже и тотъ, кто объ немъ пожалѣть отважится, не избѣгаетъ наказанія. Сынъ естьли станетъ оплакивать отца, или отецъ сына, непремѣнно тоже будетъ и съ ними.

На половинѣ пути, достигнувъ нѣкоего поля, Бонзы сажаютъ странственниковъ въ рядъ, чтобъ руки у нихъ были крестомъ, рты цѣлующими свои колѣни: обычайное положеніе тѣла, когда Японцы читаютъ молитвы; не шевелятся въ томъ же самомъ положеніи двацать четыре часа, инако же бьютъ ихъ толстою палкою. Время сіе дается имъ заглянуть въ собственную свою совѣсть, и приготовиться къ исповѣданію всѣхъ своихъ грѣховъ, надѣланныхъ между симъ и послѣднимъ предъ онымъ странствіями.

Поднявъ ихъ съ мѣстъ, ведутъ далѣе съ новыми мученіями. Покажется вдали круглая гряда превысокихъ горъ, близкихъ одна подлѣ другой; по срединѣ оныхъ стоитъ теряющаяся во облакахъ островерхая и узкая каменная гора, коея темя есть конецъ странствія. Гогисами устроены тамъ высовывающіяся широкія желѣзныя вѣсы: на одну доску ставятъ молебщиковъ одного за другимъ, а на другую

гую полагая тягости, поднимаютъ ихъ вверьхъ, такъ что видятъ они подъ ногами своими почти неизмѣримую бездну. Прочіе въ то время сидятъ на вершинахъ ближнихъ горъ, чтобъ можно имъ было видѣть подъемлющихся на воздухъ, и слышать, какъ они признаются во все горло во всѣхъ своихъ согрѣшеніяхъ. Примѣтятъ ли Бонзы, что кающіеся хотя умѣряютъ только выраженія, означая грѣхи свои, то колыхнутъ коромысломъ вѣсовъ и несчастные сіи люди низвергаются въ пропасть, да и какую пропасть? Отъ одного на нее воззрѣнія можетъ помѣшаться человѣкъ въ умѣ.

Встащенные напослѣдокъ на темя горы вводятся во храмъ Ксака. Стоитъ въ немъ идолъ сего лжебога величины неестественной, вылитой изъ чистаго золота; а кругомъ его великое число малыхъ идоловъ же, коихъ число умножается повсягодно.

Испра-

ИсправивЪ молитвоприношеніе, занимаются чрезЪ дватцать пять дней, ходя около горЪ на каждой день столько, сколько предписываютЪ Бонзы. ПослѢ прощаются сЪ ними. Каждой молебщикЪ, подаривЪ ихЪ по четыре рубли, [на наши деньги] отходитЪ вЪ другой храмЪ, вЪ которомЪ довершается его молебствіе. ВсѢ молебщики, побывавЪ вЪ немЪ, составляютЪ общую пирушку и расходятся по домамЪ.

ВЪ теченіи втораго луннаго круга на всякой годЪ бываетЪ торжество, болѢе кровавое, нежели набожное: вооруженные всѢми доспѢхами на прибранныхЪ, сколько можно лучше, лошадяхЪ всадники, сЪѢзжаются на чистое поле. У всякаго всадника на спинѢ изображеніе того лжебога, коему онЪ покланяется. РаздѢлясь на участки по единовѢріямЪ, начинаютЪ прежде каменометное сраженіе; потомЪ пускаютЪ другЪ вЪ друга изЪ луковЪ стрѢлы; а далѢе принимаются за копьи и сабли. НастаетЪ сѢча

съ бѣшенствомъ и непримиримою злобою.

Мѣсто сіе есть сборное для всѣхъ, желающихъ окончать частныя свои ссоры смертію своею, или своего соперника. Всякой тамъ подъ ларвою ревности къ вѣрѣ мститъ врагу своему; да и покрывается оное поле убитыми и ранеными. Судебныя мѣста не имѣютъ власти предотвратить звѣрское сіе насиліе.

Кемпферъ не пишетъ ничего о томъ, въ чемъ состоятъ обязательства Японскихъ браковъ и какими совершаются обрядами. Однако же вѣроятно, что у брачащихся не требуютъ взаимнаго согласія. Въ Японіи женихъ и невѣста до свадьбы совсѣмъ другъ другу бываютъ незнакомы. Родня вмѣсто ихъ сватается и ихъ женитъ. Супружество ихъ по тому не тягостно, что вольно всегда развестись, кто когда захочетъ; что мужъ можетъ имѣть наложницъ сколько ему угодно. Проигрываетъ только

ко жена, которая не только за прелюбодѣяніе, но и за вольное нѣсколько обхожденіе не съ мужемъ казнится смертію. Можно сказать, что изъ всѣхъ народовъ одни только Японцы знаютъ искусство владѣть сердцами женъ своихъ самымъ суровымъ съ нимъ обхожденіемъ. Японки всегда славились и славятся вѣрностію и прилѣпленіемъ къ мужьямъ. Лѣтописи наполнены примѣрами. Были и есть жены, морящія себя голодомъ овдовѣвъ. Трудно согласить толикую любовь съ правомъ отцевъ и матерей бросать дѣтей своихъ на распутіяхъ, когда воспитать ихъ не въ состояніи. Не находятъ ли можетъ быть въ томъ дѣйствія человѣколюбія, освобождая невинныхъ младенцевъ отъ жизни, которая не инако, какъ будетъ имъ несносною тягостію.

Люди зажиточные, но бездѣтные, усыновляютъ дѣтей многочадныхъ своихъ родственниковъ, или друзей.

Старшій сынъ въ семьѣ когда возмужаетъ, то отецъ оставляетъ хозяй-

хозяйство, препоручаетъ ему, оставивъ у себя самое необходимое къ пропитанію себя, жены и прочихъ дѣтей.

Всѣ меньшіе его сыновья малое нѣчто изъ имѣнія получаютъ; а приданое дочерей состоитъ только въ томъ, что онѣ на себя въ одинъ разъ надѣть могутъ.

Въ степеняхъ простаго состоянія людей есть такое же различіе, какъ и между дворянствомъ. Торговые люди составляютъ первую степень, вторую художники, третью земледѣльцы.

Обряды погребенія единообразны у всѣхъ Японцевъ, не смотря на толикое различіе вѣръ и умствованія о божествѣ. Служители мольбищъ приходятъ за тѣломъ мертвеца, относятъ оное съ пѣніемъ на огражденное кладбище и берутъ за то, сколько кто имъ дастъ вмѣсто милостины; но предъ смертію не забываютъ ничего къ присвоенію себѣ какой либо части имѣнія больнаго.

Но-

Ношеніе печальныхЪ одеждЪ длится два года. Овдовѣвшіе и осиротѣвшіе должны отречься на сіе время отЪ всякихЪ забавЪ.

Японцы вообще не почитаютЪ смерть зломЪ. Лишась родственника, или друга, начинаютЪ радоваться его счастію, а потомЪ уже оплакиваютЪ, что его лишились.

ГЛАВА III.

Натуральная исторія.

Японцы выдаютЪ климатЪ свой за лучшій вЪ свѣтѣ. ВоздухЪ и вЪ самомЪ дѣлѣ тамЪ долженЪ быть здоровЪ, потому что живутЪ они долгой вѣкЪ; что женщины ихЪ отмѣнно плодородны, и что мало тамЪ слышатЪ о болѣзняхЪ. Погоды однако же почти всегда непостоянны. Зимою непрестанно носятся прегустыя снѣжныя облака и бываютЪ великіе морозы; лѣтомЪ, паче же вЪ такЪ называемые песіи дни, жары несносные;

Японія. ПоясЪ земли.

дожди

дожди льютЪ чрезЪ весь годЪ, а самые великіе вЪ ІюнѢ и ІюлѢ, почему и прозвано годовое сіе время водяными мѢсяцами. Дожди настаютЪ и продолжаются не такЪ порядочно, какЪ вЪ горячихЪ странахЪ Восточной Индіи. Ничего тамЪ нѢтЪ обычайнѢе, какЪ громы и молніи.

Всегдашнее треволненіе моря, обЪемлющаго сіи острова, и безчисленное множество подводныхЪ камней, учиняютЪ опаснымЪ тамошнее мореплаваніе. НигдѢ столько не спадаетЪ такЪ называемыхЪ водяныхЪ столбовЪ, о коихЪ не единожды мы уже упоминали. Японцы пріемлютЪ ихЪ за водяныхЪ змѢевЪ сЪ длинными хвостами, и потому называютЪ Таш-смаки, сирѢчь драконы, брызгающіе во всѢ стороны водою. При ЯпонскихЪ берегахЪ находятся двѢ славныя пучины, умножающія страхи для морскихЪ судовЪ. Камни ужасныхЪ сихЪ такЪ по морскому называемыхЪ воротовЪ, или колесЪ, лежатЪ на днѢ почти неизмѢримой глубины. Японскіе

скіе стихотворцы и проповѣдники словомъ Татсмаки на многихъ мѣстахъ украшаютъ свои сочиненія.

Японской кряжъ земли вообще гористъ, каменистъ и неплодоносенъ; но трудолюбіе и искусство земледѣльцовъ производятъ изъ самыхъ каменныхъ слоевъ и мѣстъ самыхъ сухихъ и безводныхъ все нужное для жизни человѣческой. Море изобильно даетъ имъ разные роды рыбъ и раковинъ. Въ прѣсной водѣ не имѣютъ недостатка: вездѣ озера, родники и рѣки, такъ индѣ быстрыя, что не можно на нихъ строить мостовъ и переѣжжать, не подвергаясь опасности: большая часть мчатся съ горъ, а отъ великихъ Іюнскихъ и Іюльскихъ дождей разливаются и наводняютъ окрестности. Первая между знатными рѣками зовется Узинъ, шириною въ четверть Нѣмецкой мили. Течетъ съ вершины одной горы съ толикою быстриною, что у переѣжжающихъ ее въ бродъ и въ тѣ времена, когда вода бываетъ по колѣни,

лѣни, ведутъ лошадь пять сильныхъ человѣкъ, знающихъ, гдѣ удобнѣе то можно; рѣдко со вредомъ, потому что такіе переправщики обязаны отвѣчать за безопасность проѣжжихъ.

Другая рѣка Оми, называется по имени области, изъ которой вытекаетъ. Появилась она за одну только ночь, двѣсти восемдесятъ пять лѣтъ прежде рождества Христова.

Третья рѣка Аска, примѣчательна перемѣнчивостію черты своего теченія.

Кемпферъ не извѣщаетъ насъ ни о какой такой Японской рѣкѣ, которая бы простиралась на далекое разстояніе и была бы судоходна.

Нѣтъ на свѣтѣ инаго края, столько же, какъ Японія, подверженнаго землетрясеніямъ, кои случаются сплошь. Жители даже до того къ нимъ привыкли, что мало тревожатся,

ся, хотя иногда цѣлые разрушиваемы бывають города. Причинителемъ землетрясеній разумѣютъ превеликаго кита, шевелящаго хвостомъ. Ужасное есть описаніе слѣдствій одного изъ нихъ, бывшаго въ тысяча пять сотъ восемдесятъ шестомъ году между рубежами области Сакая и города Меако. Городъ Ѣдо, пребываніе Кубосамы, въ тысяча семь сотъ третьемъ году почти весь превратился въ развалины, подъ которыми погибло болѣе двухъ сотъ тысячь Японцевъ.

Въ тысяча семь сотъ тритцатомъ году во всѣхъ Европейскихъ печатныхъ вѣдомостяхъ стояло, что городъ Меако, древнюю столицу Даріевъ, съ двумя миліонами жителей поглотила земля.

Кемпферъ однако же именуетъ нѣкоторыя въ Японіи мѣста, какъ-то острова Готтоскіе и малой островъ Сюикбюзима, гдѣ никогда не бывало землетрясенія, да и есть тому неоспоримыя доказательства.

Чрезмѣрно много въ Японіи огнь выбрасывающихъ горъ. Нѣкоторой малой островъ, не далеко отъ большаго острова Фирандо, горѣлъ безпрерывно многія сотни лѣтъ; другой такой же островокъ, лежащій прямо насупротивъ Сатзюма, горитъ и до нынѣ непрестанно. Во области Финго, на вершинѣ одной высокой горы, есть широкое отверстіе, которое прежде бывало пламеннымъ зѣвомъ, но за нѣсколько предъ симъ лѣтъ погасѣ внутренній ея пожаръ. Во области Шикугенъ, близь урочища Куя-Носа, находятся слои землянаго уголья, загорѣвшагося единожды отъ неосторожности работныхъ людей, которые горятъ и до нынѣ. Гора Фези, въ сосѣдствѣ горы же Сурунга, славной какъ ради своей вышины, такъ и вида, похожаго на шляпу, и снѣговъ, коими всегда покрывается, прежде сего изрыгала огонь. Пробившись въ другомъ новомъ мѣстѣ, и теперь еще курится тамъ вонючій дымъ. Земля на ней горяча во многихъ мѣстахъ.

Есть

Есть еще много въ Японіи огнедышущихъ горъ. Много разныхъ родовъ цѣлительныхъ водъ.

Странствователь Каронъ повѣствуетъ о многихъ источникахъ, которые протекаютъ чрезъ рудники мѣдные, селитряные, сѣрные, соляные, желѣзные и оловянные. Видѣлъ онъ одинъ изъ таковыхъ, которой имѣлъ свою вершину посреди оловянной руды; течетъ изъ пещеры, десяти футовъ въ отверстіи. Сколько можно во внутренней ея темнотѣ примѣтить, по всѣмъ ея стѣнамъ торчатъ остроконечные камни, подобные слоновьимъ зубьямъ. Вода сама по себѣ посредственно тепла. Видѣлъ еще другой родникъ, которой начинаетъ течь по дважды въ день, и всякой разъ течетъ не долѣе одного часа; но при Восточныхъ, обычайныхъ тамъ сильныхъ вѣтрахъ, появляется трижды, а иногда и четырежды въ сутки.

Тотъ же странствователь описываетъ особой родникъ страннаго ка-

-чества: бьетъ ключемъ изъ колодязя, коего по сторонамъ лежатъ претолстые и претяжелые камни. Вода бьетъ въ извѣстные только нѣкоторые часы такъ сильно и много, что вырываетъ изъ мѣстъ сказанные камни. Первую воду мечетъ сей колодязь на три и на четыре сажени вверьхъ; теплѣе простой подогрѣтой воды; долго не простываетъ.

Такое множество огнедышущихъ горъ и теплыхъ водъ доказываетъ, что кряжъ острововъ Японскихъ наполненъ сѣрою; но есть еще тому и другія доказательства. Кемпферъ мало находитъ въ свѣтѣ земель, имѣющихъ столько же сѣры, источника всякихъ металловъ. Есть островъ во области Сатзума, прозванной потому сѣрнымъ, что вывозятъ изъ него невѣроятное оной количество. Не прошло еще ста лѣтъ, какъ начали къ нему приставать суда; прежде же почитался неприступнымъ. Отстращивалъ людей и денно и нощно, покрываясь клочьями чернаго и густаго

дыма,

дыма, которые издали казались различными чудовищами. Никто не сомнѣвался, чтобъ не жили на немъ адскіе духи. Выискался Японецъ, выпросилъ позволеніе побывать на семъ островѣ. Уговорилъ пятьдесятъ такихъ же смѣльчаковъ, каковъ былъ самъ. Надлежало ему прежде всего пройти чрезъ нѣсколько лѣсовъ, за коими увидѣлъ равнину, усыпанную, можно сказать, сѣрою. Подъ ногами его показывался вездѣ дымъ. Наименовалъ островъ Ивогазима, сирѣчь сѣрной. Отъ сего самаго времени началъ сей островъ приносить Сатзумовскому владѣльцу ежегодно доходу по двадцати ящиковъ серебра, сверьхъ того, что получаетъ нынѣ онъ отъ продажи лѣсовъ, растущихъ по берегамъ. Словомъ, сѣра есть главное богатство Японскихъ острововъ.

Во многихъ областяхъ находятъ золото, и составляетъ то знатнѣйшій доходъ Японскаго Императора, потому что Дворъ не инако позволяетъ разработывать всякой золо-

той рудникЪ, какЪ отбирая двѣ трети достаемаго золота на Государя. Японское золото выплавливаютЪ огнемЪ, но достаютЪ также вЪ пескѣ, оной перемывая. Во всякой Японской мѣди есть нѣсколько золота. Самые лучшіе рудники драгоцѣннаго сего металла, и коихЪ золото почитается самымЪ чистымЪ, сутъ вЪ Сѣверной острова Нипона области Садо. ТамЪ же собираютЪ множество золотаго песку безпошлинно.

Рудники Сурунгаскіе также вЪ уваженіи, однако же начинаютЪ истощеваться.

Найдены новые, но работать на нихЪ накрѣпко запрещено подЪ великимЪ наказаніемЪ, можетЪ быть сберегая впередЪ на нужной случай. Первые опыты, сдѣланные на нихЪ, доказали, что изЪ шестнатцати пудЪ руды выходитЪ шесть фунтовЪ золота.

Одна гора на берегу Окюскаго морскаго залива вЪ округѣ, называемомЪ

момЪ Омура, вЪ послѣднемЪ предЪ симЪ вѣкѣ обрушившись, упала вЪ море. На мѣстѣ, гдѣ она стояла, нашли песокЪ, смѣшанной сЪ пылинками самаго чистаго золота; но кЪ несчастію мало умѣли пользоваться Японцы столь же великою, сколь и незапною сею находкою: скоро послѣдовало ужасное землетрясеніе, а за нимЪ превеликіе морскіе приливы, оставившіе по себѣ на берегахЪ вязкой грязи на многія сажени вверьхЪ, и рудникЪ сей былЪ оставленЪ.

ВЪ области Шикунго богатая также золотая руда, но по разработаніи залило ее водою. ДумаютЪ Японцы, что ежели просѣкутЪ отверстіе вЪ тамошнемЪ каменномЪ материкѣ, то можетЪ стечь вода, и можно бы было приступить кЪ тому вновь. При самомЪ началѣ работы поднялася жестокая буря, которую приняли Японцы знакомЪ увѣдомляющаго ихЪ божества, что не угодно ему, чтобЪ нѣдро земли подЪ особымЪ его покровительствомЪ было терзаемо.

Точно тоже случилось и на островѣ Амакузѣ: едва принялись работники рыть землю, вдругъ треснула земля, испустила пребыструю рѣку, и работники разбѣжались.

Въ области Бюнго находятся серебреные рудники. Около Каттами, Сѣвернаго Китайскаго селенія, еще ихъ богатѣе. Японское серебро пріемлется за самое лучшее въ свѣтѣ. Китайцы прежде всего покупали его вѣсомъ противу золота.

Есть тамъ еще иной родъ драгоцѣннаго металла, но составленнаго изъ многихъ; называется Сова, или Сауасъ, цвѣтомъ черноватой, составленъ же изъ мѣди и золота. Извѣстенъ оный и по инымъ мѣстамъ Азіи, но въ Японіи сдѣланныя изъ него вещи не уступаютъ золотымъ, какъ цвѣтомъ, такъ и чистотою.

Никакого нѣтъ столько металла въ Японіи, какъ мѣди. Одной бы ее довольно было ко обогащенію всего на-

народа. ДостаютЪ ее паче всѣхЪ иныхЪ мѣстЪ по областямЪ Сурунгаской, Алсангоской и Кіинкюинской. Послѣдняя чище прочихЪ и мягче. Алсангоская жестка: безЪ примѣси тритцати КатисовЪ Кіинкюинской на семдесятЪ КатисовЪ ее не годится. Сурунгаская мѣдь самая чистая и безЪ всякаго порока, много вЪ ней золота. Японцы научилися нынѣ лучше отдѣлять золото отЪ мѣди, нежели бывало прежде. Промышляющіе отдѣленіемЪ одного металла сЪ другимЪ на КоромандельскихЪ берегахЪ отЪ Сурунгаской мѣди меньше получаютЪ барыша противу ЯпонцевЪ.

Красной мѣди весьма мало вЪ Японіи и несравненно она дороже зеленой. Не находятЪ тамЪ галвеи, а вывозятЪ изЪ Тонкина плоскими бляхами, которыя очень дорого покупаются.

ВЪ области Бюнго изрѣдка и мало находятЪ олово, такЪ бѣлое и чистое, какЪ серебро, но у ЯпонцевЪ оно не во употребленіи.

Железо дають пограничныя мѣста трехъ областей: Нангазакаской, Бирсъюской и Бизенской; но даютъ весьма много. Выдѣлываютъ его начисто на мѣстахъ и продаютъ почти не дешевле мѣди.

Большая часть всякой желѣзной ремесленнической сбруи цѣна выше всякой такой же мѣдной. Оба сіи металла ни на что иное тамъ нейдутъ, какъ на дѣланіе крюковъ, засововъ и тому подобныхъ вещей, нужныхъ для строенія судовъ и всякихъ иныхъ зданій.

На Китайскихъ поварняхъ горшки желѣзные, тонкіе; чѣмъ горшекъ старѣе, тѣмъ для нихъ лучше.

Не имѣютъ недостатка въ земляныхъ угольяхъ, коихъ великое количество вывозятъ изъ областей Тсикузенской, Куганисуской и иныхъ Сѣверныхъ мѣстъ. Поваренную соль варятъ въ морской водѣ. Вырываютъ обширную яму на равномъ мѣстѣ, наполняютъ ее пескомъ,

скомъ, льютъ потомъ морскую воду, даютъ высохнуть. Тоже самое повторяютъ, доколѣ наберется песокъ соли: кладутъ его въ чаны со скважиною на днѣ, еще поливаютъ морскою водою. Вода въ скважины цѣдится въ большія чаши. Послѣ того даютъ ей кипѣть, пока не сгуститься; отдѣляютъ соль и обжигаютъ въ малыхъ глиняныхъ горшкахъ, пока побѣлѣетъ.

Совсѣмъ нѣтъ на Японскихъ островахъ антимоніи и Аммоніаческой соли, да и не знаютъ, къ чему онѣ пригодны. Ртуть и буру, или бораксъ, вывозятъ изъ Китая. Кемпферъ видѣлъ однако же тамъ двухъ рукъ бораксъ, самъ собою родящійся; но съ примѣсью другихъ земляныхъ частицъ, а Японцы не хотятъ брать на себя труда вычищать его. Ртути очищенной до самой вышшей степени также очень мало и безмѣрно дорога. Почитаютъ ее главнымъ составомъ цѣлительныхъ водъ и лучшимъ лѣкарствомъ отъ ранъ для страждущихъ ракомъ и иными болѣзнями.

Кино-

Киноварь голую, такЪ какЪ она родится, дуютЪ внутрь отЪ многихЪ болѣзней; а выдѣланная киноварь употребляется на краски. Ту и другую достаютЪ изЪ Китая. Торговать симЪ товаромЪ имѣютЪ нѣсколько частныхЪ людей исключительное право.

КемпферЪ ничего не пишетЪ о свинцѣ, а по увѣренію Карона много его вЪ Японіи.

ВЪ горахЪ ТсенгаарскихЪ, лежащихЪ на самомЪ СѣверномЪ краю Японіи, находятЪ разные роды камней агатовЪ, между коими попадаются самой превосходной доброты, синеватые, похожіе на камни сапфиры. ТамЪ же находятЪ корналимы и яшмы. Сайковскіе морскіе берега обилуютЪ раковинами, дающими жемчугЪ. Самой крупной и самой лучшій жемчугЪ вынимаютЪ изЪ раковинЪ, называемыхЪ Акоя, которыя много походятЪ на Персидскія жемчужныя раковины, шириною вЪ ладонь, тонки,

кроп-

кропки, гладки, лоснятся внутри, извнѣ шароховаты, цвѣтомъ бѣловаты, раскрывать ихъ трудно. Кромѣ окрестностей Сатзумскихъ и Омураскаго залива нѣтъ ихъ нигдѣ. Владѣлецъ Сатзумской не дозволяетъ продавать ихъ повольною цѣною на рынкахъ; да и весьма онѣ рѣдки. Кемпферъ могъ однако же накупить нѣсколько. Раковинамъ симъ присвояютъ чудную силу: естьли положены будутъ въ чашку вмѣстѣ съ мазью, которою натираютъ Японки лице, дѣлаемою изъ раковинъ же особаго рода и называющеюся Тагарага, то зародятся на обѣихъ ее сторонахъ по одной малой жемчужинѣ, въ три года созрѣютъ и отпадутъ сами собою.

Странствователь Маркъ Павелъ и другіе утверждаютъ, что есть въ Японіи красной и круглой жемчугъ. Кемпферъ такъ описываетъ раковины, гдѣ ихъ находятъ: „Зовутся „Японцами Аваби, продолговато кру„глыя, довольно глубокія внутри, рас-

„кры-

„крыты съ одной стороны, коею за-
„цѣпляются за морское дно и за под-
„водные камни, рядъ на нихъ сква-
„жинъ; чѣмъ долѣе, тѣмъ становящих-
„ся шире. Поверьхность жесткая и
„скользкая. Часто налипаютъ сучья
„коральнаго дерева, морскія растѣнія
„и простыя мѣлкія раковины. Вну-
„тренняя ихъ сторона изъ самаго луч-
„шаго перламутра съ мѣлкими кра-
„пинками бѣловатаго жемчугу, такъ
„какъ въ обыкновенныхъ Персидскихъ
„раковинахъ. Толстой кусокъ мяса
„внутри сихъ раковинъ есть главная
„приманка для ловцевъ. Особыя у нихъ
„есть сбруи отталкивать раковины
„отъ камней, за которые держатся
„крѣпко.„

Тотъ же странствователь пишетъ объ иномъ родѣ раковинъ, не столь драгоцѣнныхъ.

Во области Ѣтсинго есть рѣка, въ которой находятъ красноватую нефть, по Японски Тсюсоно-Абра, или красная земля; достаютъ же ее

по заводамЪ, гдѢ вода безЪ теченія. Жгутъ ее вЪ лампадахЪ вмѢсто масла. На берегахЪ Сатзюмскихъ и на островѢ Кіунку есть янтарь, но больше его на берегахЪ КгуманоскихЪ и во областяхЪ Кіинкюинской и Исюской. По словамЪ Кемпфера вынимаютЪ янтарь по большей части изЪ китовыхЪ кишекЪ; китовЪ же весьма много вЪ ЯпонскомЪ морѢ. Жители зовутЪ ихЪ Фіакзиро, то есть рыба во сто саженЪ, поставляя, что столько имѢютЪ вЪ длинѢ своей китовы кишки. Янтари лежатЪ вЪ нихЪ вЪ калѢ живошнаго, похожемЪ на извѢсть, но такЪ жесткомЪ, какЪ камень. ЧѢмЪ жестче калЪ, тѢмЪ болѢе надежды найти вЪ немЪ янтарю; да и называются Японцами сіи камни Кузаранофу, или китовой калЪ, однако же не отЪ него онЪ зараждается, а вѢроятно, что служитЪ китамЪ пищею, достаемою ими или на днѢ, или при берегахЪ моря; только то извѢстно, что получаютЪ лежа вЪ кишкахЪ доброту. Прежде же, пока ихЪ не проглотятЪ киты, суть ни-

что

что иное, какъ мягкое тѣло, безобразное, плоское, скользкое, подобное коровьему навозу, имѣющее противной запахъ. Плавающіе по водѣ такіе куски, или выбрасываемые на берегъ, Японцы подбираютъ, рѣжутъ въ куски и сжимаютъ въ комы, сушатъ, пока не сдѣлается твердъ и тяжелъ. Другіе мѣшаютъ ихъ съ мукою и толченою шелухою сарацинскаго пшена, отъ чего становятся они больше и чище цвѣтомъ. Японцы умѣютъ поддѣлывать ихъ и иными образами, но поддѣланные янтари можно узнать, отломивъ нѣсколько и положа на огонь: тотчасъ окажется, какая въ нихъ подмѣсь. Тѣ, кои ими торгуютъ, изъ предосторожности трутъ янтарь въ чашкѣ съ самымъ горячимъ чаемъ. Чистой въ минуту распустится и смѣшается съ водою. Китайцы и Голландцы дали понятіе Японскимъ жителямъ о томъ, чего стоитъ янтарь. По примѣру прочихъ Азіатскихъ народовъ предпочитаютъ желтой янтарь всякому иному.

Япон-

Японскія моря наполнены безчисленнымЪ множествомЪ растѣній, кустарниковЪ, дерева коральнаго, всякаго рода такЪ называемыхЪ ГрецкихЪ губЪ и раковинЪ, равняющихся красотою своею сЪ Самбоинскими раковинами и находимыми на МолукскихЪ островахЪ; но Японцы ставятЪ ихЪ ни за что. Вытаскивая вЪ неводахЪ, относятЪ вмѣсто жертвы вЪ ближній храмЪ Ѣбиса, или Японскаго Нептуна.

НѣктЪ изЪ нашихЪ странствователей, долго жившій вЪ Японіи, увѣряетЪ, что между тамошними художниками весьма мало мастеровЪ фарфороваго дѣла; что покупаемой нами за Японской вывозится туда изЪ Китая. Правда, что Японцы покупаютЪ его великое количество и продаютЪ за свой, но конечно не изЪ того, которой дѣлаютЪ вЪ ФигенѢ, самой наибольшей изЪ девяти областей СайковкскихЪ и КсимовскихЪ. Глину на сіе дѣло употребляютЪ бѣловатую изЪ недалекихЪ горЪ отЪ Уризіина,

Сувота и нѣкоторыхъ иныхъ мѣстъ той же области. Глина сія сама по себѣ отмѣнно чиста, но еще ее мнутъ и перемываютъ, чтобъ сдѣлать ее прозрачною: работа столь трудная, что родилась отъ того у Китайцевъ пословица: „ Кости человѣческія есть „ одинъ изъ составовъ фарфора. „

Всякой знаетъ, что старинной Японской фарфоръ несравненно лучше Китайскаго, паче же добротою молочнаго своего цвѣта. Нынѣшній не такъ хорошъ, а потому можно думать, что искусство, какъ его дѣлать, неизвѣстнымъ образомъ утратилось. Нынѣшній Саксонской фарфоръ много походитъ на старинной Японской, а Французской, дѣлаемой въ Шантилѣ, еще больше; но тотъ и другой превосходитъ однако же оной вкусомъ и нѣжностію рисовки.

Растѣнія. Надъ всѣми Японскими растѣніями Кемпферъ даетъ преимущество шелковымъ деревьямъ. Хотя плоды тамошней шелковицы черные и бѣлые,

лые, почти безъ всякаго вкуса, но сей недостатокъ замѣняется листьями на пищу червей. Большая часть Японіи ими наполнена, особливо же Сѣверныя области. Тамошніе города и деревни не имѣютъ никакого инаго промысла, кромѣ тканья разныхъ вещей изъ шелку.

Катзи дерево, изъ котораго дѣлаютъ писчую бумагу, есть родъ шелковицы. Родится само собою, но его пересаживаютъ; выростаетъ и пускаетъ изъ себя предлинные сучья невѣроятно скоро. Изъ коры его достаютъ не только бумагу, но вьютъ веревки, дѣлаютъ фитили, ткутъ сукна и другія ткани.

Урюзи, лаковое дерево, великую приноситъ пользу: изъ бѣловатаго его соку составляютъ Японцы лакъ, коимъ покрываютъ блюды, торелки и всякія иныя домашнія утвари. На столѣ самаго Императора лакированная посуда предпочитается серебреной и золотой.

Фаази другое лаковое дерево, листья на немЪ уже перваго; растетЪ по горамЪ и холмамЪ. Соку даетЪ меньше Урюзи и не такЪ хорошiй. Растущiя во области Ямато прочимЪ предпочитаются. КемпферЪ замѣчаетЪ, что Китайскiя лаковыя деревья совсѣмЪ не тѣ, какiя вЪ Индiи.

ЛавровыхЪ деревьевЪ многiе роды. Тѣ, на которыхЪ плоды красные, можно почесть называемыми у насЪ КаннефирасЪ-Спурiа, или паче, ради ихЪ клейкости, Кассiа-Ликнеа. СовсѣмЪ походятЪ на коришневое дерево, не только величиною, но видомЪ и листьями.

КюсЪ, или камфарное дерево, есть также родЪ лавровника. Поселяне области Сатзума и острововЪ ГоттоскихЪ достаютЪ камфару, варя коренья и дерево вмѣстѣ, разрубивЪ его на малые куски. Продается дешево: за одинЪ Катти самой чистой Борнеоской камфары даютЪ по сту КаттисовЪ Японской.

Тсiано-

Тсіаноки, или чайной кустарникЪ, есть изЪ самыхЪ полезнѣйшихЪ растѣній вЪ Японіи, родится по запольямЪ сарацинскаго пшена и по инымЪ необрабатываемымЪ мѣстамЪ. Обычайное ЯпонцевЪ питье состоитЪ вЪ томЪ, что настаиваютЪ вЪ водѣ самые крупные листья, молодые же сушатЪ, толкутЪ вЪ порошекЪ и кладутЪ по нѣскольку вЪ чашки сЪ горячею водою.

Санзіо дерево не высокое, покрытое иглами. Кору и шелуху плодовЪ употребляютЪ Японцы вмѣсто перцу и инбирю. ѢдятЪ листья, также какЪ листья дерева Рише, благовоннаго, находимаго на ЯпонскихЪ же островахЪ.

ФиговыхЪ и каштановыхЪ лѣсовЪ великое множество.

Орѣшнику больше всѣхЪ иныхЪ мѣстЪ по СѣвернымЪ областямЪ.

ВидаютЪ тамЪ превысокія Таксусовыя деревья. Японцы зовутЪ Кая.

Растутъ на нихъ орѣхи въ скорлупѣ. Зеленые ѣсть непріятно, а надобно ихъ высушить. Масло изъ сихъ орѣховъ слабитъ и очищаетъ желудокъ, вкусомъ какъ масло изъ сладкаго мигдалю. Здобятъ имъ и приправляютъ кушанье. Дымъ сожигаемыхъ поленьевъ сего дерева собирая, достаютъ лучшій составъ для Японскихъ чернилъ.

Дубьевъ два рода, не походятъ на наши. Желуди перваго рода дубьевъ ѣдятъ вареные.

Наатсамъ много толще дубника.

Лимонныхъ деревьевъ нѣтъ, кромѣ садовъ, а померанцовыхъ и цитронныхъ множество.

Винограду садятъ мало, для того что не скоро созрѣваетъ.

Малина вкусомъ противна, а клубника и совсѣмъ отвратительна.

Много

Много персиковъ, абрикозовъ и сливъ. Послѣднихъ два рода: бѣлые и пурпуровые.

Вишенникъ и нѣкоторыя иныя деревья разводятъ только для цвѣтовъ, которыя величиною тамъ съ розаны и весьма прекрасны весною.

Сосны и кипарисъ у Японцевъ простыя лѣсныя деревья. Лѣсами наполнены всѣ тамошнïе острова. Строятъ изъ нихъ домы и суда, дѣлаютъ всякую столярную и плотничную работу, а сучья идутъ на дрова. Всѣ проѣжжïя дороги ими усажены по обѣимъ сторонамъ. Разводятъ ихъ по песчанымъ мѣстамъ. Народъ двойную получаетъ отъ того пользу: удобнѣе можетъ содержать дороги въ исправности и имѣть всегда для себя дрова. Никто не смѣетъ рубить ни сосенъ, ни кипариснику безъ позволенïя судебнаго мѣста, которое инако на сïе не снисходитъ, какъ обязавъ просителя насадить вновь нѣсколько молодыхъ деревьевъ.

 Бамбу-

Бамбуевое дерево растетЪ вездѢ сплошь и такой же на него общій расходЪ, какЪ вЪ Индіи.

Финоки и Сюгги роды кипарснику; дерево ихЪ хотя легко и бѣловато, но такЪ крѣпко, что не впускаетЪ вЪ себя воду. Издавна были указы отЪ Двора не рубить ихЪ, но худо всегда исполнялись по отдаленнымЪ областямЪ.

Ксамаки, или вонючіе маки, Ссиноки, родЪ дубника, и Юсноки, то есть желѣзное дерево, такЪ прозванное ради отмѣнной своей жесткости и тягости, растутЪ вездѢ, и есть тамошній строевой лѢсЪ.

Фатцноки растутЪ по окрестностямЪ города Ѣзери.

Корни камфарнаго лѢса идутЪ на самую лучшую столярную и рѣзную работу, имѣютЪ вЪ себѢ прекраснаго цвѢту жилки.

Столь

Столь великаго множества и различія цвѣтовъ, украшающихъ поля, горы и лѣса, нѣтъ нигдѣ, какъ въ Японіи. Лучшіе вырываютъ и переносятъ въ сады, гдѣ съ помощію присмотра еще становятся лучше.

Первое даютъ мѣсто раскидывающимся на кустарникѣ Тсюбаки. Ничѣмъ не уступаютъ самымъ лучшимъ нашимъ розамъ. Кустарникъ сей растетъ въ лѣсахъ и по изгородамъ. На толикое множество раздѣляются родовъ, что по увѣренію Китайцевъ есть въ языкѣ ихъ девять сотъ имъ именъ.

Сатсуки другой кустарникъ, на коемъ цвѣты точно такіе же, какъ наши лилеи. Въ садахъ видятъ ихъ до ста родовъ.

Изъ цвѣтовъ дикихъ паче обращаютъ на себя вниманіе два рода: одни фіолетовые, другіе пурпуровые. Кемпферъ ручается, что нѣтъ ихъ прекраснѣе на свѣтѣ.

Сакантзіо также лилейной кустарникъ, но растетъ выше. Находятъ его изрѣдка и есть трехъ родовъ.

Момидзи, родъ кленовника, такъ названъ по фіолетовому цвѣту своихъ листьевъ. Дѣлится на двѣ руки по разности вида листьевъ: одни фіолетовые лѣтомъ, а другіе фіолетовые осенью.

Фази, коего листья тотъ же получаютъ цвѣтъ осенью.

Не возможно изобразить различіе всѣхъ Японскихъ лилей. Однѣ за хорошимъ присмотромъ садовниковъ становятся такъ велики, какъ наши розы. Разумѣются тамъ главнымъ украшеніемъ садовъ и комнатъ. Другія, сами собою родясь, превращаютъ въ прекрасные сады мѣста самыя безплодныя.

Нарциссовъ и гвоздикъ вездѣ много, но по примѣчанію Кемпфера не такъ пахучи, какъ въ иныхъ краяхъ;

а превосходятъ оные въ яркости своихъ красокъ. Тоже самое надлежитъ разумѣть и о всякихъ иныхъ Японскихъ плодахъ: несравненно лучше на взглядъ, но не столько вкусны и благовонны, какъ тѣ же самые плоды въ Китаѣ и въ другихъ частяхъ Индіи.

Конопли и хлопчатую бумагу сѣютъ, сколько остается пашни отъ прочихъ посѣвовъ. Сіито, или дикая пенька, сама собою родится по необработываемымъ мѣстамъ. Ткутъ изъ нее разныя грубыя ткани.

Сѣмена многихъ Японскихъ растѣній даютъ масло, пригодное на лѣкарства и для нѣкоторыхъ домашнихъ нуждъ, какъ на примѣръ большихъ деревьевъ Кири, коихъ листья похожи на лапушникъ, сѣмечки подобны сѣмечкамъ же завязной травы. Даиріи имѣютъ изображеніе листа Киріева въ своемъ гербѣ, съ тремя распустившимися на немъ пучками.

По мнѣнію Кемпфера Японское земледѣльство превосходствуетъ надъ всѣми

всѣми иными въ свѣтѣ, относя то частію многочисленности жителей, другою же недостатку чужестранной торговли. Сіе заставляетъ Японцевъ доставать всѣ нужды жизни трудами рукъ своихъ. Нѣтъ, можно сказать, ни одного вершка земли, которой бы у нихъ лежалъ впустѣ. Не только равныя мѣста не оставляются подъ луга, но и на вершинахъ самыхъ высокихъ горъ сѣютъ сарацинское пшено, садятъ овощи, плодовитыя и цѣлебныя деревья. Мѣста низкія и гладкія пашутъ быками, а мѣста, трудныя въ проѣздѣ, взрываютъ заступами. Вездѣ унавожено, вездѣ со тщаніемъ приготовлена земля къ садкѣ и посѣвамъ. Не достаетъ только Японскимъ земледѣльцамъ одного возведенія ихъ въ дворянское достоинство за отмѣнные свои успѣхи, по примѣру Китайцевъ.

Употребляютъ имъ однимъ извѣстное пособіе ко утучненію земли. Во всякое время лежатъ у нихъ наваленныя большія кучи всякой нечисти: жгутъ

старое

старое тряпье, подбираютъ по берегамъ морскимъ и рѣчнымъ раковины, и все то мечутъ въ сказанныя кучи; а сія смѣсь производитъ самой наилучшій навозъ. Прежде, нежели примутся сѣять, мѣряютъ пашни, мѣряютъ еще разъ предъ зачиномъ и вычисляютъ безошибочно, каковъ будетъ урожай. Помѣщики не боятся уже быть обмануты отъ тѣхъ, у кого на откупѣ ихъ земли: имъ принадлежитъ шесть, а симъ съ работниками четыре десятыхъ частей всякихъ земныхъ плодовъ. Откупщикъ Дворцовыхъ вотчинъ даетъ Государевымъ сборщикамъ только четыре десятыя части, а двѣ оставляетъ себѣ за труды.

Естьли кто вычиститъ и разработаетъ чужей чей либо пустырь, тотъ можетъ снимать на себя два, или три первые года. На откупъ отдаютъ дороже и дешевле, смотря по качеству кряжа.

У владѣльца пролежавшую впустѣ землю черезъ годъ отнимаютъ законы. Осо-

Особо прилѣжатъ Японцы къ нивамъ съ пятью земными плодами, подъ общимъ у нихъ названіемъ Гокофъ. Въ старину, когда еще законъ запрещалъ имъ ѣсть мясо, не имѣли никакой иной пищи, нынѣ же худо сей законъ наблюдается. Плоды сіи суть: сарацинское пшено, ячмень, пшеница и два рода бобовъ. Японское сарацинское пшено, паче же въ Сѣверныхъ областяхъ, много лучше Индѣйскаго, бѣло какъ снѣгъ, и такъ питательно, что иностранцамъ надлежитъ ѣсть его съ воздержностію. Варятъ въ водѣ. Остающееся за годовымъ расходомъ идетъ на пиво, по Китайски Саки. Сѣютъ сіе пшено въ дождливое годовое время; сѣютъ же, ходятъ за нимъ, жнутъ и собираютъ женщины на такихъ земляхъ, безъ которыхъ могутъ обойтися въ хозяйствѣ для иныхъ работъ. Удобнѣйшія къ тому мѣста суть низкія и плоскія, чтобъ можно было прокопать ихъ рвами. Нигдѣ столько не родится, какъ въ области Фигенской, да и вывозятъ оттуда

самое

самое лучшее. Вся сія область на сей конецЪ перекопана; вездѢ пущена изЪ рѢкЪ вода. Множество вЪ ней плотинЪ и запрудЪ, коихЪ помощію можно покрыть всю ее водою.

Ячмень есть обычайная пища лошадей и инаго скота, но пекутЪ изЪ муки хлѢба сего лепешки, подмѢшиваютЪ вЪ мясныя снѢди, а неимущіе люди ѢдятЪ ячменной хлѢбЪ. Родится отмѢнной тамЪ ячмень: усы колосьевЪ, спѢя день отЪ дня, становятся ближе кЪ пурпуровому цвѢту. Пшеница тамЪ дешева; кромѢ лепешекЪ и блиновЪ, ни на что иное не употребляется.

РѢпа прекрупная, вездѢ родится ее много; да можетЪ быть и служитЪ болѢе всякихЪ другихЪ плодовЪ кЪ пропитанію жителей. Но какЪ утучняютЪ Японцы земли свои каломЪ человѢческимЪ, то отЪ рѢпы ихЪ пахнетЪ несносно для Европейцовъ.

Без-

Безчисленное множество различныхъ растѣній родится само собою безъ всякаго присмотра и труда земледѣльцовъ по горамъ, лѣсамъ, болотамъ, по мѣстамъ безплоднымъ и морскимъ берегамъ. Коренья и листья весьма немногихъ не употребляются въ пищу. Привычка Японцевъ ѣсть безъ разбора все, изницаемое на земной поверхности, производитъ иногда непріятныя ошибки; знаютъ однако же они какъ уничтожать вредную силу всякихъ растѣній.

Изъ растѣнія Коніофъ, которое есть самой злой родъ Дракункусуса, дѣлаютъ вкусное кушанье. Настоявъ коренья Вараби, или Рена, или инако Египетскіе бобы, которые также зовутся Таратнымъ цвѣтомъ, вмѣстѣ съ кореньями же Каснь, сушатъ и толкутъ въ муку, приправляютъ ею мяса, не толченыя же ѣдятъ, распуская въ водѣ.

Почти всякія мягкія травы съ морскаго дна Японцы ѣдятъ. Бабы

ихъ,

ихЪ, ныряя на двашцашь, на шришцашь и болѣе саженЪ глубины, досшаюшЪ ихЪ, варяшЪ и продаюшЪ.

ВЪ запискахЪ Кемпфера и другомЪ сочиненiи подЪ именемЪ Amoenitates exoticae находимЪ подробное показанiе всѣхЪ ЯпонскихЪ расшѣнiй; но крашкосшь сего сочиненiя не можешЪ помѣсшишь вЪ себѣ полную Бошанику каждой сшраны.

Всякой домашнiй скошЪ размножаешся время ошЪ времени болѣе, какЪ вЪ шакой землѣ, кошорой жишели почши вездѣ вѣряшЪ преселенiю душЪ. СкошЪ чешвероногой у ЯпонцевЪ лошади, коровы, собаки и кошки. ОсловЪ же, ишаковЪ, верблюдовЪ и слоновЪ нѣшЪ головою. Поршугальцы навезли сЪ собою овецЪ и козЪ, кошорыя пошомЪ довольно расплодились; но Японцы, за грѣхЪ почишая ѣсшь ихЪ мясо и не умѣя пользовашься ихЪ шерсшью, прогнали вЪ лѣса, гдѣ и одичали. Живошныя.

Японскія лошади мѣлки, но есть между ими не хуже Персидскихъ статьми и легкостію на бѣгу. Лучшія пригоняются изъ областей Сатзума и Оксу. Въ области Рай отмѣнно хорошая продажа лошадей.

На быкахъ и коровахъ возятъ тяжелые возы и пашутъ. Японцы не ѣдятъ ни молока, ни масла скотскаго. Быковъ тамъ два рода: одни почти такіе, какъ наши, а другіе буйволы превеликіе и прежирные съ горбомъ на спинѣ, какъ у верблюдовъ. На нихъ возятъ всякіе товары.

Въ области Фигенской водятъ свиней, но только для продажи Японцамъ, которые ихъ туда и завезли.

Преселенію душъ вѣрятъ Китайцы и Японцы, но первые не столь слѣпо, потому что любятъ ѣсть свинину.

Отъ

ОтЪ времени, какЪ владычествовалЪ Кубосама ТсинаіосЪ, и когда находился вЪ Японіи КемпферЪ, было тамЪ больше собакЪ, нежели когда нибудь прежде, а можетЪ быть и болѣе нежели во всякомЪ иномЪ государствѣ. Каждая имѣла своего хозяина, однако же не держали ихЪ вЪ домахЪ, но шатались по улицамЪ и крайнее наводили безпокойство прохожимЪ. По особому указу Кубосамы жители всякой улицы обязаны были кормить положенное число собакЪ. Нарочные понадѣланы были лари для больныхЪ, вЪ коихЪ онѣ тщательно призирались. МертвыхЪ носили хоронить на вершины горЪ. ПодЪ жестокимЪ запрещено было взысканіемЪ не только ударить, но и дразнить. Убить собаку до смерти поставлялось уголовнымЪ преступленіемЪ, какЪ бы она кому ни досадила. Должно было жаловаться хозяину; онЪ одинЪ имѣлЪ право ее наказать. Читатель вопроситЪ можетЪ быть о причинѣ нелѣпаго сего суевѣрія. Я ему отвѣчаю:

 Кубо-

Кубосама Тсинаїось родился подъ Японскимъ зодіаческимъ знакомъ пса. . . . . Есть у Японцевъ сказка: хозяинъ одной умершей собаки понесъ ее на гору хоронить. Утомясь подъ своею ношею, сталъ клясть день рожденія Кубосамы и глупой его указъ, толико мучащій народъ. Съ нимъ шелъ еще другой Японецъ: . . . . „Советую тебѣ, сказалъ сей, замолчать. „Не порочу твоего роптанія; но какъ „необходимо должно повиноваться „законамъ, то вмѣсто того, чтобъ „браниться, надобно славить боговъ, „что произвели сего Государя не „подъ зодіаческимъ же знакомъ лошади.„

Собакъ у Японцевъ нѣтъ ни борзыхъ, ни лягавыхъ и никакихъ иныхъ породъ, кромѣ дворовыхъ. Псовая охота почти не въ употребленіи, какъ въ такой землѣ, которая полна людей, и въ которой мало всякой дичины. Дворовыя собаки служатъ тамъ вмѣсто всякихъ ловчихъ.

Есть

Есть отмѣнной родъ короткохвостыхъ кошекъ, шерсть молочнаго цвѣта, съ большими крапинами, черными и желтыми. Не ловятъ мышей; держатъ ихъ при себѣ женщины, какъ у насъ постельныхъ собакъ.

Дикія въ Японіи четвероногія животныя суть зайцы, дикія козы, кабаны, [Японцамъ нѣкотораго особаго толка вѣры позволено ѣсть послѣднихъ, но въ извѣстное только время года] обезьяны, медвѣди, Тануки, дикіе псы, Итютцы, Тины, лисицы, крысы и мыши.

Островъ Мііозима славенъ козами смирными и скоро привыкающими къ человѣку. Закономъ запрещено ихъ бить и предписано, находя мертвыхъ, погребать у селеній. Изобличенной въ нарушеніи сего закона отсылается на нѣсколько дней въ работу.

Обезьянъ мало, кои почти совсѣмъ не дики. Шерсть на нихъ темнобурая,

 корот-

коротной хвостЪ, лица и спины голыя красныя. КемпферЪ видѣлЪ обезьяну ста шести лѣтЪ . . . . . Довольно много.

ВЪ СѣверныхЪ областяхЪ есть медвѣди, но малорослые; есть и дикія собаки сЪ долгимЪ рыломЪ.

Тануки, звѣри странные: шерсть темнобурая, рыло какЪ у лисицЪ, посредственной величины. КемпферЪ ставитЪ ихЪ родомЪ волковЪ.

Итютцы и Тины шерсть имѣютЪ рыжую; послѣдніе первыхЪ больше ростомЪ. Держатся на кровляхЪ, почему и можно ихЪ сопричислять кЪ домашнему скоту; ловятЪ и ѣдятЪ птицЪ и рыбу.

Крысами и мышами наполнены всѣ Японскіе острова. Жители прикармливаютЪ самыхЪ большихЪ крысЪ и научаютЪ разнообразному проворству,

ству, паче же въ городѣ Осаккѣ, которой можно назвать сборнымъ мѣстомъ Японскихъ фигляровъ.

Лисицъ много. Простой народъ вѣритъ, что въ тѣлахъ ихъ живутъ черти; не мѣшаетъ однако же то ловцамъ ихъ бить. Изъ лисьей шерсти дѣлаютъ кисти, употребляемыя вмѣсто перьевъ и коими красятъ.

Ни въ которомъ изъ Японскихъ острововъ нѣтъ тигровъ, львовъ, барсовъ, ни другихъ подобныхъ лютыхъ звѣрей.

Между пресмыкающимися самые вредные для человѣка суть такъ называемые бѣлые муравьи: червячки мѣлкіе, тонкіе, бѣлые какъ снѣгъ, головы и шейки густотемныя. Японцы зовутъ ихъ До-Доосъ, сирѣчь пронозы, потому что все пронзаютъ насквозь, что бы имъ ни попалось. Забравшись въ кладовыя, въ корот-

кое время портятЪ всякіе товары. До нынѢ не знаютЪ никакой отЪ нихЪ предосторожности, кромѢ только пересыпанія вездѢ солью. ВѢчную ведутЪ войну сЪ муравьями всѢхЪ иныхЪ родовЪ, и всякой разЪ выгоняютЪ ихЪ, гдѢ бы они ни стали сЪ ними спорить о жилищѢ.

БѢлые муравьи не могутЪ сносить открытаго воздуха; переходятЪ изЪ мѢста вЪ другое прорываемыми ими подземными дорогами; ползутЪ невѢроятно скоро, и прежде еще окорененія ихЪ вЪ какой нибудь кладовой, хозяева не находятЪ у себя ни одной цѢлой вещи. Многіе находятЪ тому причину вЪ ѢдкостиихЪ помета; а КемпферЪ увѢряетЪ, что четырехЪ кривыхЪ и преострыхЪ щипчиковЪ, какія имѢетЪ каждое изЪ сихЪ животныхЪ на носу, довольно кЪ перепорченію всего, до чего бы ни добрались.

НѢкогда

Нѣкогда позднѣе обычайнаго легъ Кемпферъ спать. Поутру увидѣлъ на столѣ своемъ слѣды бѣлыхъ муравьевъ; далѣе нашелъ сквозь ножку стола скважину съ конецъ меньшаго на рукѣ пальца, проточенную за ночь; нашелъ другую и третью. Не льзя думать, чтобъ калъ ихъ, какъ бы ни былъ ѣдокъ, могъ такъ скоро провертѣть такія трубочки.

Ящерицы такія же, какъ у насъ. Змѣй мало. Примѣтнѣе между тамошними ихъ родами Фитакуры, или Фибакари: головы у нихъ плоскія, острые зубы, кожа зеленая. Укушенные ими умираютъ того же дня предъ захожденіемъ солнца. Служащіе въ Японскомъ войскѣ ихъ ѣдятъ, думая, что отъ того будутъ смѣлѣе противъ непріятеля.

Во дни поминковъ умершихъ не позволяется родственникамъ ихъ и друзьямъ бить на пищу никакихъ животныхъ.

По смерти Даирія и Кубосамы цѣлой годъ запрещено закономъ не только бить скотъ и птицъ во всемъ государствѣ, но ниже выводить и пригонять на рынки для продажи.

Дикія птицы въ Японіи такъ ручны, что можно многихъ называть домашними птицами.

Первое можно дать мѣсто Тсюріямъ, или журавлямъ. Есть особой законъ, по которому разумѣются они предоставленными для забавъ Императора. Тсюріевъ и черепахъ почитаютъ Японцы предвозвѣщателями счастія. Такое мнѣніе утверждается на томъ, что живутъ долго, и еще на иныхъ баснословныхъ разсказахъ.

Стѣны внѣ и внутрь Дворца расписаны изображеніями сихъ животныхъ. Японецъ не произноситъ никогда слово журавль, не прибавивъ къ

тому

тому О - Тсурисама, то есть милостивой государь журавль! Два их рода: одни бѣлые как снѣг, другіе сѣрые.

Два же рода диких гусей, которые никогда между собою не мѣшаются. Бѣлые с черными по концам крыльев полосами и сѣрые. Подпускают к себѣ близко; причиняют великой вред на полях, но бить их заказано под смертію, развѣ кто, да и очень дорогою цѣною, купит на то право. Крестьяне обставливают нивы свои сѣтьми, чтоб не могли заходить на них гуси.

Множество разновидных уток. Болѣе всѣх иных называются Кинмодзуй. Кто их не видал, тому трудно повѣрить, чтоб могли быть на свѣтѣ столь красивыя перьем птицы: цвѣты оных под тѣнь, алой около шеи и на груди, на головѣ хохол, как прекрасное трясило.

Не

Не меньше пріятно глядѣть на Японскихъ фазановъ, паче же на одинъ изъ нихъ родъ съ хвостами въ два, или три фута длиною.

Повсюду попадаются мѣлкіе кулики. Есть между Японцами толкъ вѣры, позволяющій употреблять ихъ въ пищу, равно какъ фазановъ, утокъ и гусей.

Дикихъ голубей одинъ только родъ: перья бѣлыя съ черными; не даютъ имъ держаться въ селеніяхъ, нашедъ опытами, что навозъ ихъ легко загарается.

Цаплей видятъ вездѣ и во всякое время года.

Лучшихъ фазановъ вывозятъ изъ Сѣверныхъ областей не на пищу, но для того, чтобъ ими любоваться.

Копчи-

Копчиковъ, или мѣлкихъ ястребковъ, также много, какъ и по инымъ странамъ Восточной Индіи.

Ночныя птицы, зовомыя Фотетени, отмѣнно вкусны; въ большіе только праздники подаются на столъ у знатныхъ господъ.

Японскія пчелы мало даютъ и воску и меду.

Между бабочками отличаются превеликія, коихъ зовутъ Ямма-Тсо, или горными, черныя и пестрыя.

Комури родъ большихъ ночныхъ мухъ, мохнатыя и разноцвѣтныя.

Изъ многихъ рѣдкой красоты жуковъ прелестнѣе крупные, похожіе на тѣхъ, которые у насъ въ навозѣ. Цвѣтомъ черны съ двумя загнувшимися и широкими рогами: одинъ больше, торчитъ отъ рыла, какъ у единороговъ;

роговЪ; другой выходитЪ изЪ междоплечія. ПолзаютЪ сЪ трудомЪ, живутЪ вЪ землѣ.

Себи, или Семи, инакіе жуки, темнаго цвѣту. Многими своими качествами примѣчательны для испытателей естества. Дѣлятся на три рода: Кума - Себи подобны видомЪ и ростомЪ тѣмЪ ЕвропейскимЪ мухамЪ, которыя летаютЪ только по ночамЪ, безЪ крыльевЪ, зимою живутЪ вЪ землѣ, а весною появляются изЪ норЪ своихЪ. Тонкими своими ногами зацѣпляются за сучья древесЪ, за листья и за все, куда всползутЪ; скоро послѣ того мрутЪ. Трескается у нихЪ вдоль вся спина. ИзЪ сей разщелины выходятЪ мухи больше ихЪ ростомЪ, похожія на жуковЪ, и чрезЪ немногія минуты зажурчавЪ полетятЪ. Еще находясь вЪ тѣлѣ первыхЪ, какЪ скоро вылупятся описаннымЪ образомЪ, то распускаютЪ крылья и дѣлаютЪ движеніемЪ оныхЪ звукЪ рѣзкой и гром-

громкой, которой по словамЪ ЯпонцевЪ слышанЪ за цѣлую милю. По малой мѣрѣ знаемЪ отЪ Кемпфера, что раздается тамЪ оной по лѣсамЪ и по горамЪ. ВЪ песьи дни жуковЪ сихЪ становится болѣе не видно; думаютЪ, что вбираются вЪ свои норы до весны и производятЪ тоже самое, какЪ выше упомянуто, превращенiе.

КемпферЪ не могЪ самЪ собою изслѣдовать, правда ли то, или нѣтЪ, а пишетЪ утвердительно о звукѣ отЪ ихЪ крыльевЪ, прежде медленно и глухо, усиливается минута за минутою и послѣ опять постепенно стихаетЪ. УподобляетЪ онЪ его звуку веретена на точилѣ пуговошниковЪ. Слышать начинаютЪ оной при восхожденiи солнца, а вЪ полдень умолкаетЪ.

ВЪ ночныхЪ мухахЪ есть однѣ весьма рѣдкiя, длиною сЪ палецЪ, тонки, тѣломЪ круглы, сЪ четырьмя

мя крыльями, два прозрачныхъ подъ другими лоснящимися, имѣющими на себѣ крапины синія и златовидныя. Несѣкомыя сіи хранятся любопытными за стекломъ. Стихотворцамъ Японскимъ подали поводъ къ сочиненію слѣдующей сказки: . . . . . „Всѣ ночныя мухи, влюбясь въ одну изъ сихъ „несѣкомыхъ, столько ему надоѣли „своею за нимъ волокитою, что послало оно ихъ за огнемъ. Влюбленныя, слѣпо повинуясь, полетѣли на „первой огонь, которая какой прежде увидѣла, и всѣ до одной пережглись.„

Берега каждаго изъ острововъ Японскихъ обилуютъ различными морскими растѣніями, рыбою, раками и раковинами. Все сіе служитъ пищею жителямъ, а много изъ того почитается лучшимъ кушаньемъ и на самыхъ знатныхъ столахъ. Рыбы, раки и раковины называются тамъ общимъ именемъ Воке.

Изъ

ИзЪ морскихЪ рыбЪ надобнѣе прочихЪ Кудсури, или киты. Ловятъ ихЪ у всѣхЪ ЯпонскихЪ береговЪ, паче же у Кгуманоскаго и по всему Южному краю великаго острова Нипона, около острововЪ Тсусима и Готто и у береговЪ ОмурaскихЪ и НомоскихЪ. Бьютъ же ихЪ желѣзною острогою, какЪ вЪ Гренландіи; но ладьи ЯпонскихЪ ловцевЪ способнѣе кЪ тому ЕвропейскихЪ: малы, узки, носЪ острымЪ шипомЪ, на всякой по десяти веселЪ, безмѣрно скоры на ходу.

Ловля начинается вЪ Декабрѣ. На островахЪ Фирандо и Готто однимЪ годомЪ поймали до двухЪ сотЪ семидесяти четырехЪ китовЪ.

ВЪ морѣ около Японіи многіе роды сихЪ животныхЪ, разнящихся между собою видомЪ и величиною.

Себіо суть наивеличайшіе тамошніе киты. Больше другихЪ вынимаютЪ

маютЪ изЪ нихЪ жиру. Мясо вкусно и здорово: ловцы, питаясь имЪ вЪ самыя суровыя годовыя времена и при тяжкихЪ своихЪ трудахЪ, не бываютЪ больны.

Аво-Санги, или Кокадсура, малые киты, цвѣтомЪ сѣрые, видомЪ такіе же, какЪ Себіо.

Нангасы обычайно между двадцатью и тритцатью саженями длины; могутЪ, не такЪ какЪ иные роды китовЪ, держаться подЪ поверхностію моря до трехЪ часовЪ, не переводя дыханія извѣстнымЪ своимЪ водометомЪ.

Сотрокадсура, сирѣчь слѣпые киты, такЪ прозваны ради наростовЪ своихЪ на спинѣ, похожихЪ на музыкальной инструментЪ Бивю, на которомЪ играютЪ вЪ Японіи слѣпые. Рѣдко видаютЪ ихЪ длиннѣе десяти саженЪ.

КромѢ

Кромѣ спинной кости все прочее приноситъ Японцамъ пользу. Кожа у большей части китовъ черная, мясо красноватое, какъ говядина; кишки, ради длины своей называемыя Фіаксиро, то есть сто саженъ; всѣ внутреннія части, различно готовя, ѣдятъ. Жиръ переваривают въ масло; идетъ въ пищу и то, что отсядется на днѣ, переваривая въ другой разъ. Ѣдятъ также вареной въ водѣ хрящъ. Изъ жилъ тугихъ, бѣлыхъ и желтыхъ плетутъ веревки и канаты, особливо для фабрикъ хлопчатой бумаги, дѣлаютъ струны; изъ челюстныхъ костей и такъ называемаго перья, коихъ помощію плаваютъ водяныя твари, и изъ иныхъ плотныхъ частей тѣла китова разныя домашнія подѣлки, какъ на примѣръ вѣсы вѣсить золото и серебро.

Фюрюбъ рыба ядовитая. Наскучившіе жизнію Японцы охотнѣе объѣдаются ею, нежели рѣжутся и давятся.

вятся. Прежде причиняетЪ обмо-рокЪ, потомЪ коверканіе членовЪ, кровавую харкоту и смерть.

Японскіе тюлени суть странныя твари: ростомЪ сЪ десятилѣтняго ребенка, безЪ шелухи, безЪ плîоса и крылья, или перья, какія бываютЪ у всякой рыбы; голова, ротЪ и шея большія, брюхо плоское какЪ мѣшокЪ, зубы малы, тонки и остры, какЪ у змѣи; внутреннія части тѣла крошечныя, такЪ что едва можно ихЪ одна отЪ другой отличить. ПодЪ брюхомЪ двѣ плоскія лапы изЪ хряща сЪ пальцами, какЪ у ребячьей руки. На нихЪ ходятЪ можетЪ быть по морскому дну. Всѣ части тѣла тюленей ѣдятЪ. Часто ихЪ ловятЪ вЪ ѣдскомЪ заливѣ, между городомЪ сего имени и КамакуромЪ.

Те, по Голландски Стеен-БраесемЪ, называютЪ Японцы ЦаремЪ рыбою, и почитаютЪ ее предвѣстницею щастія; потому что посвящена у

нихЪ

Част. IX. Рис. 52

Разныя одежды Сибирскихъ женщинъ

Другія одежды Сибирскихъ женщинъ

нихЪ она Ѣбiю, богу моря. Ничто не можетЪ сравниться сЪ красивостiю ея, когда она вЪ водѢ : кожа на ней бѢлая сЪ алымЪ, походитЪ на наши карты. ТакЪ впрочемЪ дорога, что ниже тысячи КобанговЪ не продается.

Конецъ девятой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ IX ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АЗІЯ.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Японія.

Стран.

ДЛЯ ИЗВѢСТІЯ.

Ландкарты и рисунки, въ IX части находящіеся, должны быть въ слѣдующихъ мѣстахъ:

	Стран.
Карта Имперіи Японской къ	1.
Рисунокъ No 52 } въ концѣ книги.	
—— No 53 }	

15 –